

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 9 (129) 2025

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Симченко Н.А. (Санкт-Петербург, Россия)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Научные консультанты журнала

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: +7(4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: markinmi@ystu.ru

Содержание

Теоретическая экономика

№ 9 | 2025

www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович
Теоретическая экономика: белый список и дальнейшее развитие нашей концепции

Актуальные проблемы теоретической экономики

- 13 Кособуцкая Анна Юрьевна, Опойкова Елена Алексеевна, Цебекова Екатерина Петровна, Трещевский Юрий Игоревич
Перспективные направления повышения конкурентоспособности российских регионов в сфере внешнеэкономической деятельности: теоретический и эмпирический анализ
- 29 Елкин Станислав Евгеньевич, Реутова Ирина Михайловна, Елкина Ольга Сергеевна
Экономическое развитие и общественное благо в системе общественных отношений зарубежных стран (сравнительно-исторический подход)

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 48 Чуб Анна Александровна
Содержательные аспекты категории «профессия»: генезис и современное состояние
- 62 Рудава Наталья Викторовна
Концептуально-методологические положения инновационно-цифровых преобразований экономической системы
- 80 Наумов Денис Владимирович
Цифровая трансформация промышленных предприятий: экономический аспект
- 94 Зверева Татьяна Владимировна
Современные риски и перспективы развития банковского сектора в Российской Федерации

Современные проблемы мировой экономики

- 106 Карачев Игорь Андреевич
Гносеологические корни пространственного анализа специальных экономических зон в мироэкономической теории: анклавный и интеграционный геогенезис

Творчество молодых исследователей

- 123 Сучкова Ульяна Сергеевна, Альпидовская Марина Леонидовна
«От мальтузианских страхов к реальности: к вопросу о демографическом кризисе в современной России»
- 138 Гагеев Александр Иванович, Логинов Евгений Леонидович, Шкута Александр Анатольевич, Москвин Александр Юрьевич
Золото на мировых рынках: известные неизвестные
- 154 Аблитаров Эрнест Рефатович, Кирильчук Светлана Петровна
Цифровое ядро бизнес-модели предприятия, ориентированного на смарт-технологии

Научная жизнь

- 169 Старт к индустрии будущего: ЯГТУ запускает акселератор ПолиТех.Индустрия 5.0

Теоретическая экономия: белый список и дальнейшее развитие нашей концепции

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Редколлегия, наши авторы и читатели с удовлетворением встретили новость о включении нашего издания в Белый список Министерства науки и высшего образования РФ, на вторую сверху ступеньку из четырех. Тем более, что многие журналы из Списка ВАКа не смогли попасть в Белый список вообще ни на какую ступеньку. Мы благодарны экономическим институтам РАН за рекомендацию о включении нас в указанный список. Считаем, что тем самым отмечена наша последовательная систематическая работа на протяжении полутора десятилетий по выдвижению, обоснованию, разработке и развитию нашей концепции теоретической экономии на страницах журнала «Теоретическая экономика». А значит, в ответ на общественное признание мы должны ещё больше усилить свою работу по дальнейшему развитию теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. В этой рубрике дается обзор материалов, представленных в 9-м (129-м) номере нашего журнала. По мнению редактора, публикации данного номера действительно предлагают идеи по дальнейшему развитию выдвинутой нами концепции. То есть продолжают то дело, которое мы осуществляем на страницах нашего сетевого издания вот уже на протяжении полутора десятилетий. Показано в этой рубрике, в чем же это развитие заключается на примере каждой представленной в данном номере работы. Редактором отмечено, что оно проявляется, хотя и в неодинаковой степени, как в выступлениях и известных читателям, так и новых авторов. Главное внимание в содержании предлагаемого номера традиционно уделено, во-первых, актуальным проблемам теоретической экономии, которые исследуются воронежскими и санкт-петербургскими авторами. Во-вторых, обращено внимание на теоретико-экономические аспекты исследования новой индустриализации в четырех статьях соответствующей рубрики. В-третьих, внимание уделено современным проблемам мировой экономики, которые исследуются в работе И.А. Карачева. И, конечно, в-четвертых, особое внимание уделено творчеству молодых ученых, дана характеристика трем их работам. Методология данного редакторского исследования основана, естественно, на выдвинутой нами концепции теоретической экономии. Научная новизна работы заключается в выявлении вклада публикуемых в данном номере статей в развитие этой концепции.

Ключевые слова: Белый список, теоретическая экономия, новая индустриализация, современные проблемы мировой экономики, творчество молодых учёных, новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях, дальнейшее развитие нашей концепции как нового мейнстрима

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: белый список и дальнейшее развитие нашей концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.4-12. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Редколлегия, наши авторы и читатели с удовлетворением встретили новость о включении нашего издания в Белый список Министерства науки и высшего образования РФ, на вторую сверху ступеньку из четырех [см.: 1]. Тем более, что многие журналы из Списка ВАКа не смогли попасть в Белый список вообще ни на какую ступеньку. Мы благодарны экономическим институтам РАН за рекомендацию о включении нас в указанный список. Считаем, что тем самым отмечена наша последовательная систематическая работа на протяжении полутора десятилетий по выдвижению, обоснованию, разработке и развитию нашей концепции теоретической экономии на страницах

журнала «Теоретическая экономия» [см., например: 2, 3, 4, 5, 6, 7]. А значит, в ответ на общественное признание мы должны ещё больше усилить свою работу по дальнейшему развитию теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях.

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 9-й (129-й), номер нашего журнала. Содержимое этого номера, на наш взгляд, предлагает материалы к развитию нашей концепции теоретической экономии, которое мы осуществляем на страницах нашего издания вот уже полтора десятилетия. Тем самым материалы этого номера, считаем, являются логическим продолжением предыдущих в исследовании современных социально-экономических проблем с позиции разрабатываемой в журнале концепции. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые и в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «**Актуальные проблемы теоретической экономии**». Здесь помещены две работы. Во-первых, статья под названием «Перспективные направления повышения конкурентоспособности российских регионов в сфере внешнеэкономической деятельности: теоретический и эмпирический анализ». Её подготовили исследователи из ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», (г. Воронеж, Российская Федерация): Кособуцкая Анна Юрьевна, доктор экономических наук, доцент; Опойкова Елена Алексеевна; Цебекова Екатерина Петровна, кандидат экономических наук, доцент; Трещевский Юрий Игоревич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления организациями. Цель их исследования – установление перспективных направлений повышения конкурентоспособности российских регионов в сфере внешнеэкономической деятельности на основе тенденций ее базовых параметров: совокупного экспорта, импорта и внешнеторгового баланса. В статье использована совокупность методов исследования: монографический метод для анализа теоретических позиций отечественных и зарубежных ученых в отношении взаимосвязей между объемами, структурой внешнеэкономической деятельности регионов, с одной стороны, и их конкурентоспособностью – с другой. Основным объектом исследования выбрана Ярославская область, активно позиционирующая внешнеэкономическую деятельность в качестве одного из перспективных направлений социально-экономического развития региона. «Фоновыми» регионами, демонстрирующими различные направления повышения конкурентоспособности в сфере внешнеэкономической деятельности, приняты пять административно-территориальных образований, различающихся по географическому положению, уровню и характеру социально-экономического развития: Московская, Воронежская, Магаданская, Самарская, Тамбовская области. Для эмпирических исследований применен корреляционно-регрессионный анализ. Анализ произведен за период с 2000 г. по 2021 г., что позволяет считать полученные результаты статистически достоверными. В результате теоретического анализа установлено, что в современных условиях конкурентоспособность в сфере внешнеэкономической деятельности систем макро- и мезо-уровней проявляется в объемах и структуре не только экспорта, но и импорта. В связи с этим сделан вывод, что на региональном уровне имеет место сочетание двух типов конкурентоспособности, реализуемых в разных фазах воспроизводства: в производстве (конкурентоспособность первого типа) и потреблении, в том числе – производственном (конкурентоспособность второго типа). Анализ результатов внешнеэкономической деятельности Ярославской области продемонстрировал нестабильность динамики ее базовых параметров, затрудняющую выбор направлений повышения ее конкурентоспособности в сфере внешнеэкономической деятельности. В «фоновых» регионах выявлены взаимосвязи между базовыми параметрами внешнеэкономической деятельности, демонстрирующие различные сочетания конкурентоспособности первого и второго типа, позволяющие установить перспективные направления ее повышения.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Экономическое развитие и общественное благо в системе общественных отношений зарубежных стран (сравнительно-исторический подход)».

Её прислали авторы из Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация): Елкин Станислав Евгеньевич, кандидат экономических наук, доцент; Реутова Ирина Михайловна, кандидат экономических наук, доцент; Елкина Ольга Сергеевна, доктор экономических наук, профессор. В их исследовании обсуждаются научные направления, определяющие отношение к эффективному использованию общественного блага в зарубежных странах при необходимости его перераспределения в случае выбора между индивидуальными (частными) и общественными выгодами. В исследовании на основе применения сравнительно-исторического подхода доказывается наличие связи между экономическим развитием и общественным благом. Метод применяется для описания неолиберальной трансформации права. Внимание сфокусировано на влиянии доходов при принятии решений о перераспределении блага и определяется их промежуточным нахождением на стыке экономики, политики и социальных отношений. В ходе обсуждения обосновывается мнение, что экономическое развитие не всегда является общественным благом, поскольку во многих случаях уменьшает доход частных собственников. Сделан вывод, что общественное использование блага (актива) не должно сводиться к частной выгоде. Сформулирован вопрос о правомерности утверждения, что государство способствует общественному благу, когда упорядочивает его использование. Перераспределение благ рассматривается в контексте использования государственной власти для достижения целей перераспределения благ, которое не может быть достигнуто иным способом. Выдвигается тезис о том, что государство применяет закон как обоснование перераспределения благ в интересах удовлетворения государственно-частных интересов. Этот тезис объясняет, как закон и государство подчиняются частным интересам. В качестве методологической основы использован компаративный исторический подход, позволяющий выявить закономерности развития законодательства в ответ на социальные изменения в историческом контексте и изменений в законодательстве, связанных с развитием концепции публичной полезности. Подходы, используемые в экономике, социологии и политологии при изучении общественных отношений представляют различные, но одинаково убедительные точки зрения на исследуемую проблему, что делает необходимым дальнейшее изучение проблемы эффективного использования общественного блага.

Далее в рубрике «**Новая индустриализация ...**» Вашему вниманию предлагается четыре работы. Во-первых, статья под названием «Содержательные аспекты категории «профессия»: генезис и современное состояние», которую написала Чуб Анна Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, (г. Москва, Российская Федерация). В статье исследованы эволюции категории «профессия» в контексте взаимосвязи с системами подготовки квалифицированных кадров в отечественной и зарубежной практике. Уточнена ее сопряженность с такими категориями как «специальность», «компетенция», «трудовая функция» в сфере труда и образования. Установлено, что генезис исследуемой категории отражает ход развития современного общества, его укладов, в том числе связанных с разделением труда и появлением занятости по найму, формированием финансово-экономической, образовательной и научной инфраструктуры, а также структуры занятости в сфере материального и нематериального производства. Выявлено, что на современном этапе под влиянием научно-технического прогресса компетентностная база профессий расширилась, в их рамках стали появляться специальности, т.е. конкретные области знаний, умений, навыков, прочих способностей в рамках конкретной профессии. Также для данного периода характерна практически повсеместная институализация профессиональных квалификаций, в том числе, связанная с трансформацией общественных отношений, политического переустройства социумов и преобладанием занятости по найму. Говоря о содержательном наполнении и соотношении исследуемых категорий отмечено,

что термин «профессия» шире по своему объёму и может включать несколько специальностей. В свою очередь специальность – это детализация и конкретизация профессиональной деятельности, базирующаяся на профессиональной квалификации, представляющей собой степень подготовленности специалиста к выполнению определенных трудовых функций.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Концептуально-методологические положения инновационно-цифровых преобразований экономической системы». Её прислала Рудавка Наталия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, из ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», (г. Брянск, Российская Федерация). В статье на основе систематизации тенденций развития сектора цифровой экономики установлено, что преобразования, охватывающие организационные, иерархические и сетевые уровни взаимодействий, создают предпосылки для перехода к новым экономическим отношениям, сочетающих трансформационную обоснованность реального сектора экономики и образование информационно-электронной среды. Для оценки базовых показателей мониторинга цифровизации экономики определены значения индекса развития информационно-коммуникационных технологий IDI, рассмотрена динамика индикаторов оцифровки перспективных направлений экономической деятельности. Установлено, что являясь симбиозом экономики знаний и инновационных процессов, сектор цифровых технологий может рассматриваться как сложная экосистема, в соответствии с чем, инновационная активность трансформируется в динамические секторальные направления, объединяющие различные уровни взаимодействий в едином цифровом пространстве. В результате исследования автор статьи делает вывод, что генерация научных и фундаментальных разработок обуславливает переход к сетевым формам взаимодействий, что выражается в образовании новых производственно-технологических и социальных систем.

Далее в данной рубрике публикуется статья «Цифровая трансформация промышленных предприятий: экономический аспект». Её представил Наумов Денис Владимирович, кандидат технических наук, доцент, первый проректор ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). В статье рассматриваются ключевые направления и результаты цифровой трансформации промышленного сектора с акцентом на экономические эффекты, возникающие в процессе внедрения современных цифровых технологий. На основе анализа зарубежных (европейских, американских, корейских, китайских) и российских научных исследований установлено, что цифровизация производственных систем приводит к росту производительности труда, снижению операционных затрат, улучшению качества продукции и созданию предпосылок для повышения конкурентоспособности предприятий. Автор выделяет комплекс положительных экономических результатов, подтверждаемых как макроэкономическими тенденциями, так и практическими кейсами ведущих промышленных компаний. Вместе с тем в статье систематизированы и негативные аспекты цифровой трансформации: высокий процент неуспешных проектов, значительные инвестиционные риски, нарастающая технологическая дифференциация между предприятиями, а также структурные изменения на рынке труда, связанные с автоматизацией. Особое внимание уделено российской специфике цифровизации промышленности. Показано, что потенциал роста эффективности значителен, однако его реализация ограничивается низким уровнем цифровой зрелости ряда предприятий, дефицитом квалифицированных кадров, финансовыми и технологическими барьерами, усилившимися в условиях санкционного давления. На основании проведённого анализа автор приходит к выводу, что успешная цифровая трансформация возможна только при сочетании технологических инноваций с развитой системой управления изменениями, инвестициями в человеческий капитал и согласованной государственной политикой, направленной на формирование устойчивой цифровой промышленной экосистемы.

В-четвертых, завершает эту рубрику статья «Современные риски и перспективы развития банковского сектора в Российской Федерации». Её представила Зверева Татьяна Владимировна, профессор кафедры налогов и налогового администрирования ФГБОУ ВО «Финансовый

университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация), доктор социологических наук, доцент. В своей работе автор обосновывает актуальность всестороннего анализа функционирования банковского сектора в условиях санкционного давления, нестабильной макроэкономической среды и высокой ключевой ставки, оказывающих существенное влияние на финансовую устойчивость кредитных организаций. На основе применения методологических подходов неоклассической и неинституциональной теории, а также методов анализа, синтеза, систематизации и сравнительного исследования, Зверева Т. В. выделяет комплекс ключевых рисков, с которыми сталкиваются банки в современной экономике: кредитный, правовой, рыночный риски, риск изъятия вкладов и усиления конкуренции. Особое внимание уделено необходимости государственной поддержки банковского сектора, прежде всего через инструменты налогового регулирования — предоставление адресных налоговых льгот и стимулирующих преференций. Автор показывает, что в условиях внешних и внутренних вызовов эффективная налоговая политика способна играть стабилизирующую роль, снижая нагрузку на кредитные организации и повышая их способность адаптироваться к изменениям. В статье также сформулированы перспективные направления развития банковского сектора Российской Федерации. Среди них: углубление цифровизации банковских услуг, формирование экосистем и расширение канала дистанционного обслуживания клиентов, активное использование технологий искусственного интеллекта для разработки персонализированных банковских продуктов. На основании проведенного исследования автор делает вывод, что устойчивость и дальнейший рост банковского сектора возможны при условии баланса между эффективным государственным регулированием, инновационным развитием и стратегическим управлением рисками.

В следующей рубрике, «**Современные проблемы мировой экономики**», Вашему вниманию в этом номере предлагается работа под названием «Гносеологические корни пространственного анализа специальных экономических зон в мироэкономической теории: анклавный и интеграционный геогенезис». Её написал Карачев Игорь Андреевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», (г. Ярославль, Российская Федерация). Инструмент специальных зон, отмечается в статье, получил широкое распространение в мирохозяйственной системе, благодаря возможности придавать импульс экспортоориентированному социально-экономическому, промышленному и инновационному развитию за счет своеобразного гравитационного притяжения, геопространственной концентрации и эффективного использования ограниченных ресурсов. В связи с этим актуальным является вопрос изучения механизма сбалансированного гравитационного воздействия, или геогенезиса специальных зон. Цель статьи состоит в гносеологическом и методологическом обосновании способности специальных зон «гравитационно искривлять» геоэкономическое пространство через активацию и повышение своего внешнеэкономического потенциала. В результате исследования выделены два вектора зонального развития: анклавный, ориентированный на устранение выявленных структурных инвестиционных барьеров в экономике, и интеграционный, связанный с использованием и расширением существующих в экономике ресурсных возможностей в целях полноценной реализации ее потенциала. Автором обоснована необходимость учета при практической реализации зональной концепции трех аспектов, влияющих на функционирование зон как анклавных или интеграционных экономических субъектов. К числу таких аспектов относятся, во-первых, зональные базовые характеристики (пространственная локализация; инфраструктурные условия развития; конфигурация бизнеса; особенности социокультурного планирования); во-вторых, зональные эффекты (эффекты финансовых связей; влияния иностранных факторов производства; отдачи от трудовых ресурсов; трансфера технологий и знаний; кооперации; институциональной встроенности); и в-третьих, зональные процессы (процессы установления и разрыва связей; генерации «внешних» эффектов; передислокации

экономической деятельности; создания стоимости; структурных изменений; удержания динамики роста). Автором сформулированы принципы минимизации проблем координации, внутренней устойчивости и управления рисками, связанных с переходом от анклавного к интеграционному геогенезису специальных зон. Интеграционная траектория зонального геогенезиса, по мнению автора, позволит соблюсти гравитационный баланс с точки зрения недопущения крайних состояний функционирования зон: низкого пространственного влияния, с одной стороны, и превращения специальной зоны в «черную дыру» – с другой.

После этого в рубрике «**Творчество молодых исследователей**» предлагается Вашему вниманию четыре работы. Во-первых, статья, которую написали авторы из ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», (г. Москва, Россия): Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор, почётный работник сферы образования Российской Федерации, и Сучкова Ульяна Сергеевна, студент. Их работа называется «От мальтузианских страхов к реальности: к вопросу о демографическом кризисе в современной России». В статье отмечается, что демографический кризис в России, проявляющийся в устойчивой депопуляции, старении населения и трансформации семейной структуры, создает системные риски для социально-экономической устойчивости. Несмотря на значительное количество исследований, комплексный анализ взаимосвязи демографических тенденций с современными вызовами (последствиями локдауна, геополитической нестабильностью) остается недостаточно разработанными. Целью статьи является выявление ключевых индикаторов демографического кризиса в России и оценка социально-экономических последствий. Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать динамику основных демографических показателей, оценить влияние демографических изменений, выявить системные риски и потенциальные последствия текущих демографических тенденций. В рамках исследования применены методы статистического анализ данных Росстата (по естественному приросту, рождаемости, смертности, брачности и структуре домохозяйств), сравнительного анализа эффективности демографической политики в России и КНР, экономико-демографического моделирования последствий демографических трансформаций. Результаты исследования показали, что основные индикаторы кризиса- отрицательный естественный прирост населения, старение общества, снижение трансформации и структурное изменение семьи оказывают разрушительное воздействие на экономику, проявляющееся в сокращении трудовых ресурсов, нагрузке на пенсионную систему, и на социальную сферу, выражающееся в деградации сельских территорий, росте одиночества. Установлено, что отрицательный естественный прирост в 2023 году и рост демографической нагрузки ведут к сокращению трудовых ресурсов и дисбалансу пенсионной системы. Отмечается значительное преобладание бездетных и однопородных семей при крайне низкой доле многодетных. Выявлена некоторая недостаточность мер государственной поддержки. Полученные выводы могут быть применены при разработке государственной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости, поддержку молодых семей и создание стабильной социально-экономической среды. Ограничением исследования является недостаток данных по некоторым периодам, что открывает направления для будущих исследований, включая углубленный анализ региональных различий.

Далее в данной рубрике публикуется статья «Золото на мировых рынках: известные неизвестные», подготовленная коллективом авторов: Агеевым Александром Ивановичем, Логиновым Евгением Леонидовичем, Шкутой Александром Анатольевичем и Москвиным Александром Юрьевичем. Работа посвящена комплексному исследованию современного состояния и развития мирового рынка золота — одного из ключевых элементов глобальной финансовой архитектуры. Авторы раскрывают экономическую, геополитическую и стратегическую значимость золота, обращая внимание на противоречивость его поведения как актива-убежища и одновременно инструмента финансовой и промышленной политики государств. В статье систематизированы

структурные изменения мирового рынка золота: рост спроса со стороны центральных банков, изменение распределения добычи, усиление роли развивающихся стран, нарастающее влияние геоэкономических факторов и санкционных ограничений на глобальные цепочки поставок. Особое внимание уделено тому, что авторы называют «известными неизвестными» — скрытым или недооцененным механизмам, которые формируют реальную стоимость золота, определяют направления его движения и создают институциональные асимметрии на рынке. Отдельный раздел посвящён технологической трансформации золота: развитию цифровых активов, токенизации обеспеченных резервов, формированию новых механизмов инвестирования на основе блокчейн-платформ. Авторы показывают, что цифровое золото становится самостоятельным сегментом финансовой системы и влияет на динамику физического рынка. На российском материале анализируются последствия санкционного давления, закрытие статистики, изменение экспортных маршрутов и возрастающая роль золота в формировании финансовой устойчивости страны. В результате исследования сформулирован вывод о том, что рынок золота стремительно меняется, а его дальнейшее развитие определяется сложным сочетанием экономических, политических и технологических факторов. Статья подчеркивает значение золота как инструмента стратегической безопасности и как индикатора будущих мировых геоэкономических трансформаций.

В-третьих, в этой рубрике помещена статья «Цифровое ядро бизнес-модели смарт-ориентированного предприятия», которую прислали авторы из Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», (г. Симферополь, Российская Федерация): Кирильчук Светлана Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия, кафедры экономической теории, и Аблитаров Эрнест Рефатович, магистрант. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новых научных подходов к дефиниции сущности и структуры цифрового ядра бизнес-модели современного смарт-ориентированного предприятия, выделения его ключевых компонентов и функций. Целью исследования является раскрытие дефиниции цифрового ядра смарт-ориентированного предприятия, его экономической сущности и структуры. Для достижения цели поставлен ряд соответствующих задач: провести дефиницию понятия «цифровое ядро»; выявить роль цифрового ядра в структуре бизнес-модели смарт-предприятия; выделить ключевые компоненты цифрового ядра и обосновать их функциональную значимость; исследовать место передовых цифровых технологий в архитектуре цифрового ядра; проанализировать интеграцию цифрового ядра с бизнес-процессами предприятия; выявить основные проблемы цифровой трансформации при формировании цифрового ядра, а также предложить стратегии преодоления выявленных проблем внедрения. Исследование базируется на системном и структурном подходах, методах анализа и синтеза, использовании общенаучных методов сравнения и обобщения. В статье раскрыта сущность и структура цифрового ядра бизнес-модели смарт-ориентированного предприятия как интегрированной платформы, объединяющей облачные ресурсы, данные, аналитические контуры и средства информационной безопасности. Рассмотрены научные подходы к его дефиниции, выделены ключевые компоненты и функции, а также показана их роль в повышении эффективности функциональных областей предприятия. Определено, что для развертывания цифрового ядра необходимо институционализировать управление изменениями и развитие компетенций, утвердив регламент бюджетирования и критерии отбора технологических решений. В ходе исследования выявлены ключевые барьеры цифровой трансформации (финансово-экономические, организационно-технические, культурные и технологические) и предложены стратегические меры по их преодолению, включая поэтапное внедрение, фокус на развитии персонала и формирование команды лидеров изменений.

Таково основное содержание материалов 9-го (129-го) номера. Как видите, они, действительно, в ответ на включение нашего издания в Белый список представляют идеи к дальнейшему развитию выдвинутой нами полтора десятилетия назад в журнале концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Таким образом,

считаю, материалы этого номера предстают логичным продолжением всех предыдущих ста двадцати восьми номеров нашего издания.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

Theoretical economy: White List and further development of our concept

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Abstract. The editorial board, our authors, and readers were pleased to hear the news of our publication's inclusion in the White List of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, at the second-highest level of four. This is especially true given that many journals on the Higher Attestation Commission (НАС) List failed to make it onto the White List at any level. We are grateful to the economic institutes of the Russian Academy of Sciences for their recommendation to include us on this list. We believe this recommendation recognizes our consistent and systematic work over the past decade and a half to advance, substantiate, develop, and advance our concept of theoretical economics in the journal «Theoretical Economics.» Therefore, in response to this public recognition, we must further strengthen our efforts to further develop theoretical economics as a new paradigmatic mainstream in socioeconomic research. This section provides an overview of the materials presented in Issue 9 (129) of our journal. The editor believes that the publications in this issue truly offer ideas for the further development of our concept. In other words, we are continuing the work we have been carrying out on the pages of our online publication for the past decade and a half. This section demonstrates this development using each work presented in this issue as an example. The editor notes that this development is evident, albeit to varying degrees, in both the contributions of well-known authors and new ones. The content of this issue traditionally focuses on, first, current issues in theoretical economics, explored by authors from Voronezh and St. Petersburg. Second, attention is paid to the theoretical and economic aspects of the study of the new industrialization in four articles in the corresponding section. Third, attention is paid to contemporary issues of the global economy, explored in the work of I.A. Karachev. And, of course, fourth, special attention is given to the work of young scholars, with three of their works characterized. The methodology of this editorial study is naturally based on our proposed concept of theoretical economics. The scientific novelty of the work lies in identifying the contribution of the articles published in this issue to the development of this concept.

Keywords: White List, theoretical economics, new industrialization, contemporary problems of the global economy, creativity of young scientists, new paradigmatic mainstream in socio-economic research, further development of our concept as a new mainstream

Перспективные направления повышения конкурентоспособности российских регионов в сфере внешнеэкономической деятельности: теоретический и эмпирический анализ

Кособуцкая Анна Юрьевна

Доктор экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: anna.rodnina@mail.ru

Опойкова Елена Алексеевна

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: oea.voronezh@yandex.ru

Цебекова Екатерина Петровна

Кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: katarina.69@mail.ru

Трещевский Юрий Игоревич

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: utreshevski@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговый баланс, импорт, экспорт, регион, экономическая конъюнктура

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – установление перспективных направлений повышения конкурентоспособности российских регионов в сфере внешнеэкономической деятельности на основе тенденций ее базовых параметров: совокупного экспорта, импорта и внешнеторгового баланса. В статье использована совокупность методов исследования: монографический метод для анализа теоретических позиций отечественных и зарубежных ученых в отношении взаимосвязей между объемами, структурой внешнеэкономической деятельности регионов, с одной стороны, и их конкурентоспособностью – с другой. Основным объектом исследования выбрана Ярославская область, активно позиционирующая внешнеэкономическую деятельность в качестве одного из перспективных направлений социально-экономического развития региона. «Фоновыми» регионами, демонстрирующими различные направления повышения конкурентоспособности в сфере внешнеэкономической деятельности, приняты пять административно-территориальных образований, различающихся по географическому положению, уровню и характеру социально-экономического развития: Московская, Воронежская, Магаданская, Самарская, Тамбовская области. Для эмпирических исследований применен корреляционно-регрессионный анализ. Анализ произведен за период с 2000 г. по 2021 г., что позволяет считать полученные результаты статистически достоверными. В результате теоретического анализа установлено, что в современных условиях конкурентоспособность в сфере внешнеэкономической деятельности систем макро- и мезо- уровней проявляется в объемах и структуре не только экспорта, но и импорта. В связи с этим сделан вывод, что на региональном уровне имеет место сочетание двух типов конкурентоспособности, реализуемых в разных фазах воспроизводства: в производстве (конкурентоспособность первого типа) и потреблении, в том числе – производственном (конкурентоспособность второго типа). Анализ результатов внешнеэкономической деятельности Ярославской области продемонстрировал нестабильность динамики ее базовых параметров, затрудняющую выбор направлений повышения ее конкурентоспособности в сфере внешнеэкономической деятельности. В «фоновых» регионах выявлены взаимосвязи между базовыми параметрами внешнеэкономической деятельности, демонстрирующие

различные сочетания конкурентоспособности первого и второго типа, позволяющие установить перспективные направления ее повышения.

JEL codes: O11; R11; F14

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-14-28>

Для цитирования: Кособуцкая, А.Ю. Перспективные направления повышения конкурентоспособности российских регионов в сфере внешнеэкономической деятельности: теоретический и эмпирический анализ / А.Ю. Кособуцкая, Е.А. Опойкова, Е.П. Цебекова, Ю.И. Трещевский, - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.14-28. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Внешнеэкономические связи являются предметом пристального внимания ученых, начиная с формирования меркантилистских взглядов, ориентированных на максимальное развитие экспорта и ограничение импорта. Меркантилисты, несмотря на ограниченность методов (в том числе игнорирование взаимной выгоды от торговли), первыми систематизировали анализ торгового баланса как инструмента экономической политики государства.

Согласно логике меркантилистов, только постоянный положительный торговый баланс обеспечивает приток «реальных ценностей» (золота, серебра), укрепляет военные ресурсы и повышает международный авторитет нации. Работа Т. Мана [27] стала теоретическим обоснованием «доктрины торгового баланса», которая легла в основу экономической политики Британской империи. Т. Ман утверждал, что активное сальдо достигается через протекционистские меры: пошлины на импорт, субсидии экспортерам, ограничение реэкспорта сырья и развитие колониальных рынков. Ж.-Б. Кольбер трансформировал меркантилистские идеи в государственную практику. Он создал систему централизованного регулирования внешней торговли: учреждение государственных мануфактур, предоставление монополий экспортным компаниям, введение высоких тарифов на импортные товары.

А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэй, Дж.С. Милль, представляющие классическую школу политэкономии, отмечают высокую значимость соотношения экспорта, импорта и торгового баланса национальных экономик. Высокий уровень конкурентоспособности английской экономики позволил указанным авторам предложить модель свободной торговли, автоматически обеспечивающую способность экспортировать произведенные товары [19, 17, 21, 11]. Дискуссия была переведена из плоскости «золото = богатство» в плоскость экономической эффективности. Теория сравнительного преимущества объяснила, почему страны с разными условиями производства могут одновременно извлекать выгоду из торговли, а активное сальдо – это не цель, а результат действия рыночных сил. Ученые, представляющие страны с пониженным уровнем конкурентоспособности, оценивают значимость экспорта столь же высоко, но рекомендуют добиваться его посредством государственной поддержки. Такой позиции, в частности, придерживался Ф. Лист, отмечавший такую необходимость в целях развития национальной экономики Германии [9]. В то же время, можно утверждать, что речь идет об интересах не только государства, но и конкретных социальных групп. Эту позицию открыто декларировал И.Т. Посошков, идеи которого направлены на обеспечение гармонии государства (царя), делового (купеческого) сообщества и населения страны. В частности, он писал о необходимости установления на государственном уровне минимальных цен на товары, продаваемые зарубежным купцам и максимальной – на их товары [15, с. 202].

Современные исследования расширили анализ торгового баланса, включив институциональные, структурные и геополитические факторы. Так, П. Кругман обосновал, что активное сальдо может возникать из-за экономий масштаба и монополистической конкуренции. Например, страны-лидеры в высокотехнологичных отраслях (США, Германия) поддерживают профициты за счёт концентрации производства [26]. Б. Айхенгрин проанализировал, как валютные режимы (фиксированные /

плавающие курсы) влияют на торговый баланс и устойчивость экономик: фиксированные курсы ограничивают корректировку дисбалансов, а плавающие – позволяют рынку саморегулироваться [25].

Региональный уровень внешнеэкономической деятельности слабо отражен в литературе XIX и даже XX века. Начало разрушения глобалистской модели в XXI веке проявилось изначально в усиленной формализации экономической деятельности в рамках ВТО, а затем – в расширении протекционистских мер в сфере международной деятельности и регионализации экономик стран со сложной пространственно-функциональной структурой. Фактически на эту проблему стали обращать внимание в первую очередь именно российские ученые, поскольку на месте целостной экономики СССР, разрушенной в 90-х годах XX века, сформировалась сильно фрагментированная экономическая система с явно выраженными региональными производственными, финансовыми, социальными особенностями, формирующими их абсолютные и сравнительные конкурентные преимущества. В 20-х годах XXI века на глобальном уровне возникли турбулентные процессы: пандемия COVID-19, кардинальное увеличение объемов антироссийских санкций, расширение «торговых войн». Эти обстоятельства предопределили повышенное внимание российских исследователей к региональной экономике в целом и ее внешнеэкономической сфере.

Е. А. Антонова, А. С. Булекова, проанализировав внешнеторговую деятельность Калужской, Тверской, Курской, Липецкой областей, установили различное влияние пандемии COVID-19 на ее динамику и необходимость переориентации производства на продукцию, конкурентоспособную на мировых рынках [3]. В целом данная позиция не вызывает возражений, однако переориентация производств различного профиля представляется мало реальной в среднесрочной перспективе, поскольку она базируется на сформировавшихся в течение длительного времени абсолютных либо сравнительных преимуществах.

Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер отмечают важность оценки внешнеэкономической деятельности регионов, поскольку она отражает уровень конкурентоспособности их экономики. В связи с расширением антироссийских санкций указанные авторы считают важным установить характер внешнеэкономических связей регионов с дружественными государствами, делают вывод об их стабильности и хороших перспективах взаимодействия с ними [2].

Ю. В. Бекренев, А. А. Щербакова, А. А. Лобода видят решение экономических проблем страны в формировании мобилизационной экономики, включающей, в том числе, защиту от внешних факторов и усиление диверсификации экспортных рынков путем продвижения российских товаров и услуг на рынки Китая, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока [4]. Анализируя динамику социально-экономических показателей страны в первый год проведения СВО и, соответственно, обострения санкционной политики недружественных государств, указанные авторы сделали выводы о быстрой адаптации широкого круга отраслей к неблагоприятным условиям. Одно из базовых положений, способных повысить качество экономических процессов – ориентация на собственные ресурсы, использование импорта только в «крайних случаях» [4, с. 34]. Последнее утверждение представляется нам проблематичным, поскольку сужает сферу международного экономического взаимодействия. Более перспективно, на наш взгляд, наращивание экспорта более высокими темпами, чем импорта и, соответственно, повышение уровня внешнеторгового баланса.

В этой связи считаем оправданной позицию Е.А. Шутаева, В.В. Побирченко, отмечающих важность импорта для развития высокотехнологичных производств, поддержания уровня потребления и роста ВВП/ВРП [23].

По мнению многих ученых существенное значение для внешнеэкономической деятельности имеет ее структура. Так, О.В. Каплина, И.А. Карачев высоко оценивают значение экспорта для социально-экономического развития региона и обращают особое внимание на необходимость детального обоснования его объемов и структуры в документах стратегического планирования [8]. Г.М. Семяшкин, Е.Г. Семяшкин считают необходимым сосредоточить внимание на повышении

экспортного потенциала российского АПК, в том числе – с использованием мер государственной поддержки [18]. В целом, наиболее распространенная позиция исследователей – необходимость наращивания экспорта и сокращение импорта за счет развития импортозамещающих производств. Собственно торговому балансу уделяется относительно небольшое внимание.

Ряд ученых придают величине торгового баланса значительное внимание, например, Ю.А. Завойских, С.А. Носкова и А.Г. Носков [5-7]. Указанные авторы фактически исследуют динамику экспорта-импорта и торгового баланса применительно к сфере услуг, оперируя понятием «коэффициент покрытия импорта услуг экспортом». Однако теоретическая трактовка результатов более широкая – речь идет о необходимости превышения экспорта над импортом. Авторы приводят данные об объемах и динамике экспорта-импорта услуг [7, с. 6], из которых следует, что все регионы Северо-Западного федерального округа в 2023 г. имели отрицательное сальдо в этой сфере деятельности, при этом из 6,4 млрд долл. США дефицита торгового баланса приходится на Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Если рассматривать объем торгового баланса в данной сфере в качестве показателя конкурентоспособности, то необходимо признать, что указанные регионы в десятки раз уступают Псковской и Новгородской областям, имеющим наименьшие отрицательные значения торгового баланса. Из этого следует, что отрицательное сальдо торгового баланса в сфере услуг свойственно наиболее развитым регионам округа, что позволяет считать его не единственным важным параметром внешнеэкономической деятельности.

Отметим, что в современных условиях масса товаров и услуг, в отличие от меркантилистского и классического периодов, включает десятки миллионов номенклатурных единиц, поэтому оценивать их с позиций конкурентоспособности не совсем корректно – товары и услуги в большинстве случаев не взаимозаменяемы, даже если они функционально однородны. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно рассматривать состояние и динамику торгового баланса регионов в различных аспектах, отражающих проявления их конкурентоспособности.

В одной стороны, конкурентоспособность проявляется в «традиционной» форме – объеме экспорта и положительном сальдо торгового баланса.

С другой стороны, проявлением конкурентоспособности является и объем импорта, поскольку он определяется емкостью рынков товаров и услуг. В качестве одного из широко известных фактов современной внешнеэкономической деятельности на глобальном уровне, подтверждающих значение емкости рынка с позиций конкурентоспособности можно трактовать заключение США «тарифных соглашений» с десятками стран мира, предполагающих асимметричные пошлины во внешней торговле, направленные на снижение импорта [29]. Конкурентоспособность экономики указанной страны проявляется в форме высокой емкости рынка. Другой вопрос, что наращивание импорта, не компенсируемое ростом экспорта, может иметь негативные последствия для отечественных производителей. Это, собственно, и активизировало протекционистскую политику США.

Пропорции экспорта-импорта регионов России в настоящее время существенно изменяются. Точные расчеты применительно к периоду 2022-2024 гг. проблематичны, поскольку данные о ряде параметров внешнеэкономической деятельности засекречены. Ряд исследований отечественных ученых показывают, что в целом ситуация достаточно стабильная. По мнению Н.О. Якушева, экспорт российских регионов в периоды неблагоприятной экономической конъюнктуры увеличился и диверсифицировался в пространственном и функциональном аспектах [24]. А.М. Мингулов считает, что объемы экспорта в целом сохранялись на одном уровне в течение 2021-2023 гг. В то же время, указанный автор отмечает его краткосрочные скачкообразные изменения на протяжении указанного периода и стабилизацию динамики в 2024 г. Относительно необходимости экспорта мнение автора однозначно – необходима его пространственная диверсификация для обеспечения устойчивости развития страны и ее регионов [12].

Оразносторонних последствиях санкций на экономику как экспортеров, так и импортеров пишут, например, В.И. Меньщикова, Н.К. Родионова, А.А. Бурмистрова [10]. Указанные авторы справедливо

отмечают важной общую «встроенность» регионов в мировую экономику в качестве важной характеристики их социально-экономического развития и, соответственно, конкурентоспособности. Показательно в этом плане безусловное лидерство Москвы по объемам как экспорта, так и импорта при положительном внешнеторговом балансе. Однако, имеют место и значительные несоответствия в проявлении конкурентоспособности. Так, по данным вышеуказанных авторов, по состоянию на 2020 г. Санкт-Петербург занимал второе место по объему экспорта в страны дальнего зарубежья и третье – по импорту, при этом торговый баланс региона с данными странами пассивный; объем экспорта из Тюменской области (третье место по данному показателю) в 7 раз превышал объем импорта (14 место); крупнейшие экспортеры страны – Сахалинская и Кемеровская области (соответственно, 4-е и 5-е места) вообще не вошли в топ-20 российских регионов по объемам импорта [10, с. 28].

А.А. Новикова исследует взаимодействие российских регионов во внешнеторговой деятельности (в направлениях и экспорта, и импорта) с недружественными странами и отмечает крайне низкие прогностические возможности такого взаимодействия [13, с. 37].

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что состояние и динамика экспорта, импорта, торгового баланса характеризуют различные типы конкурентоспособности регионов.

Методы исследования

Для выявления общих тенденций параметров внешнеэкономической деятельности проведен сравнительный анализ максимально возможного количества российских регионов. По итогам анализа нами опубликован ряд статей с анализом динамики различных параметров внешнеэкономической деятельности российских регионов, показавший их существенные изменения в пространственном и функциональном аспектах [1, 22]. В настоящей статье мы обратились только к трем обобщающим показателям: экспорту, импорту, торговому балансу.

Выше мы отмечали высокую значимость пространственного распределения внешнеэкономической деятельности. Одним из его проявлений является ориентация экспорта и/или импорта на страны дальнего зарубежья и государства, входящие в состав СНГ. Однако, в данной статье мы абстрагируемся от пространственной и функциональной локализации внешнеэкономической деятельности для установления ее наиболее общих параметров.

В данной статье представлены результаты анализа шести российских регионов. В качестве основного объекта (административно-территориального образования) принята Ярославская область – один из перспективных регионов ЦФО, широко позиционирующий внешнеэкономическую деятельность в качестве одного из наиболее важных направлений социально-экономического развития [20]. «Фоновые» регионы (Воронежская, Магаданская, Московская, Самарская, Тамбовская области) представляют различные группы с точки зрения их географического положения, уровня социально-экономического развития, масштабов и структуры внешнеэкономической деятельности. Далее анализируемые регионы именуются как «модельные».

Для анализа мы использовали данные официальной статистики за период 2000-2021 г. [16] Данные 2022-2023 гг. не могут быть использованы для системного анализа в связи с засекречиванием части значимой информации о состоянии внешнеэкономической деятельности. Фактическая и прогнозная динамика установлена на основе корреляционно-регрессионного анализа за период 2000-2021 гг. с использованием пяти наиболее распространенных в эмпирическом анализе функций: линейной, логарифмической (по натуральному логарифму), степенной, полиномиальной (полином второй степени), экспоненциальной.

Внеэкономическую деятельность в контексте ее связи с конкурентоспособностью регионов мы рассматриваем, исходя из теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо и приведенного выше анализа современной экономической литературы, с воспроизводственных позиций. В качестве базового (первого) типа принята конкурентоспособность, базирующаяся на сравнительно высоком уровне производства как фазы воспроизводства региона. На этом типе конкурентоспособности делают акцент большинство исследователей. Однако, необходимо учитывать, что потребление как

фаза воспроизводства, тоже отражает состояние конкурентной позиции. Во-первых, импорт включает в себя не только товары и услуги потребительского сектора, но и производственного, следовательно, их приобретение отражает адекватность последнего мировым технологиям. Во-вторых, объемы импорта существенно зависят от уровня развития регионов с точки зрения их общего социально-экономического состояния. В-третьих, приобретение импортных товаров и услуг характеризует уровень финансовых возможностей их потребителей. Поэтому мы рассматриваем объемы импорта как отражение конкурентоспособности второго типа, реализуемой в сфере потребления. С определенной степенью условности ее можно назвать конкурентоспособностью региона в фазе потребления или конкурентоспособностью, основанной на емкости рынка. В этой связи целесообразно отметить, что «емкость рынка» признана одним из показателей глобальной конкурентоспособности [см., например 28].

В соответствии с принятым подходом уровень торгового баланса во взаимосвязи с изменениями показателей экспорта и импорта отражает состояние и динамику конкурентоспособности регионов первого и/или второго типа.

Результаты и дискуссия

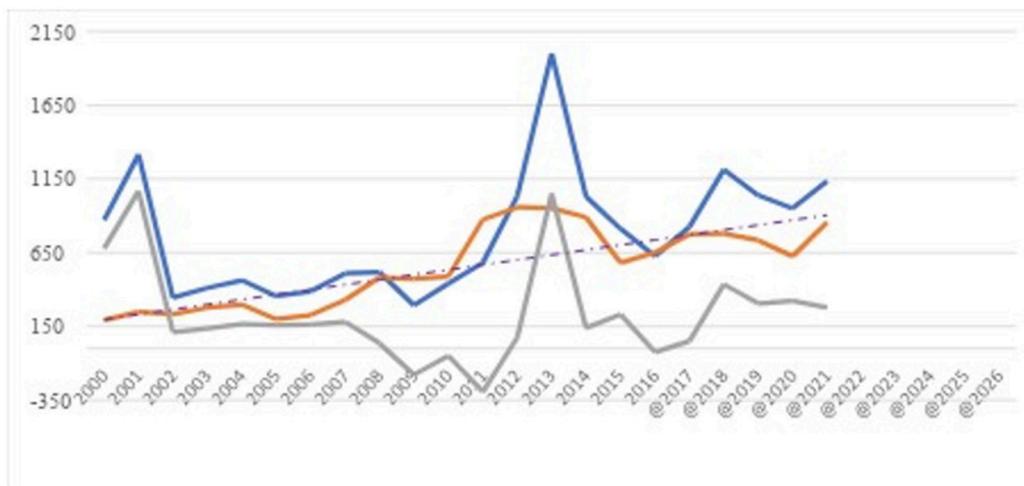
Проведенный анализ показал различное состояние и динамику торгового баланса, экспорта, импорта и их взаимосвязей в модельных регионах.

Данные, отражающие динамику обобщающих показателей внешнеэкономической деятельности Ярославской области представлены в уравнениях 1-3¹. При этом уравнения 1 и 3 условно отражают характер трендов, поскольку максимально достигаемые значения ниже необходимого уровня. Представление их в тексте важно для отражения фактической неустойчивой динамики экспорта и торгового баланса.

$$Y_1 = 2,5613x^2 - 32,139x + 707,19 \quad (1); \quad R^2 = 0,2252;$$

$$Y_2 = -1,7389x^2 + 73,668x + 3,3298 \quad (2); \quad R^2 = 0,7058;$$

$$Y_3 = 4,3002x^2 - 105,81x + 703,86 \quad (3); \quad R^2 = 0,2400.$$

Обозначения:

	Экспорт		Сальдо торгового баланса
	Импорт		Полиномиальный тренд

Рисунок 1 – Внешняя торговля Ярославской области, 2000 – 2021 гг., в фактически действовавших ценах, млн долл.

Источник: составлено авторами по материалам [16]

¹ Здесь и далее: Y_1 , Y_2 , Y_3 – соответственно, объемы экспорта, импорта, торгового баланса в миллионах долларов США; x – порядковые номера лет от «0» (2000 г.) до «21» (2021 г.)

Как видим из данных, представленных в уравнениях 1-3 и на рисунке 1, показатели внешнеэкономической деятельности региона на протяжении анализируемого периода отражают ее неустойчивость. Определенный тренд (полиномиальный) имеет только импорт (уравнение 2). Объемы экспорта изменяются в широком диапазоне значений, имеют место его краткосрочные «всплески» в 2001 г., 2013 г., 2018 г. Резкие снижения значений приходится на 2002 г., 2014-2016 гг. При относительно стабильном росте объемов импорта состояние торгового баланса определяется именно динамикой экспорта. В течение большей части анализируемого периода сальдо внешнеторгового баланса региона положительное, в 2009-2011 гг. и 2016 г. – отрицательное. Наблюдается взаимосвязь изменений объемов экспорта и импорта. Таким образом, можно констатировать явно выраженный недостаток динамики показателей внешнеэкономической деятельности – ее нестабильность и, соответственно, слабая прогнозируемость. Связь динамики с ухудшением глобальной и российской макроэкономической конъюнктуры фиксируется только в 2014 г. Нестабильность динамики показателей внешнеэкономической деятельности с резкими «всплесками» значений не позволяет сделать вывод о типе конкурентоспособности региона.

Отметим, что в соответствии с группировкой регионов по вкладу недружественных стран в объемы экспорта и импорта, предложенной А.А. Новиковой, Ярославская область относится ко второй группе регионов: вклад в объем импорта более 50%, а в объем экспорта – менее 50%. Фактические значения за 2021 г. – 58% и 43% соответственно [14, с. 44], что свидетельствует о высокой зависимости импорта региона от изменения внешних связей с недружественными странами.

Ниже мы представляем анализ динамики внешнеэкономической деятельности «фоновых» регионов не в качестве примеров для подражания, а для демонстрации возможных вариантов взаимосвязей между ее показателями, каждый из которых требует формирования инструментов государственного регулирования, адекватных типу конкурентоспособности в данной сфере экономической деятельности.

Московская область – один из наиболее развитых регионов России. Расчеты с использованием корреляционно-регрессионного анализа показали, что динамика экспорта, импорта и торгового баланса наилучшим образом описывается полиномиальными функциями (соответственно, уравнения 4-6).

$$Y_1 = 12,807x^2 + 51,241x + 1760,8 \quad (4); \quad R^2 = 0,8402;$$

$$Y_2 = -66,468x^2 + 2941,8x - 4531 \quad (5); \quad R^2 = 0,7893;$$

$$Y_3 = 79,275x^2 - 2890,6x + 6291,8 \quad (6); \quad R^2 = 0,7476.$$

Как видим из данных, представленных в уравнениях 4-6 и на рисунке 2, динамика торгового баланса изменяется неоднозначно – можно выделить три различных периода: 1) 2000-2012 гг. – снижение уровня, достижение минимальных значений в 2012 г. (-27,1 млрд долл.); 2) рост до -11,4 млрд долл.; 3) затем динамика неустойчивая, но, в целом, понижительная.

Уровень торгового баланса формируется под действием изменений в объемах экспорта и импорта. Рисунок 2 отчетливо демонстрирует, что состояние торгового баланса практически полностью определяется характером изменений импорта, зеркально отражая рост значений импорта как по фактическим значениям, так и по виду полиномиальных трендов. В то же время, устойчиво и достаточно высокими темпами растет экспорт региона – с 1,5 млрд долл. в 2002 г. (минимальное значение) до 11,4 млрд долл. в 2021 г. (максимальное значение). Таким образом, торговый баланс Московской области на протяжении всего анализируемого периода имеет отрицательные значения, и «импортозависимую» динамику [14], то есть в регионе реализуется второй тип конкурентоспособности. Однако, необходимо отметить, что это не препятствует росту экспорта, что отражает, на наш взгляд, наличие мультипликационного эффекта, который, в соответствии с меркантилистскими и классическими взглядами, не должен возникать.

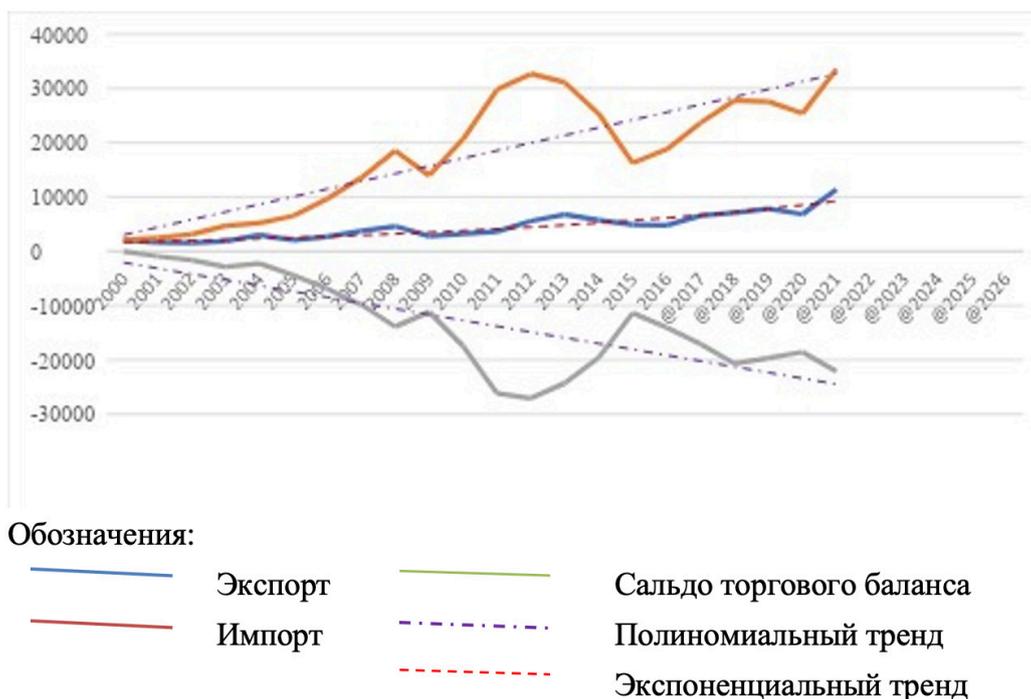

Рисунок 2 – Внешняя торговля Московской области, 2000 – 2021 гг., в фактически действовавших ценах, млн долл.

Источник: составлено авторами по материалам [16]

Динамика показателей внешнеэкономической деятельности Воронежской области представлена в уравнениях 7, 8 и на рисунке 3.

$$Y_1 = -4,6357x^2 + 170,99x - 189,21 \quad (7); \quad R^2 = 0,8313;$$

$$Y_2 = -3,1862x^2 + 120,52x - 75,411 \quad (8); \quad R^2 = 0,7447.$$

Динамика торгового баланса не описывается с необходимой степенью достоверности ни одной из использованных функций.

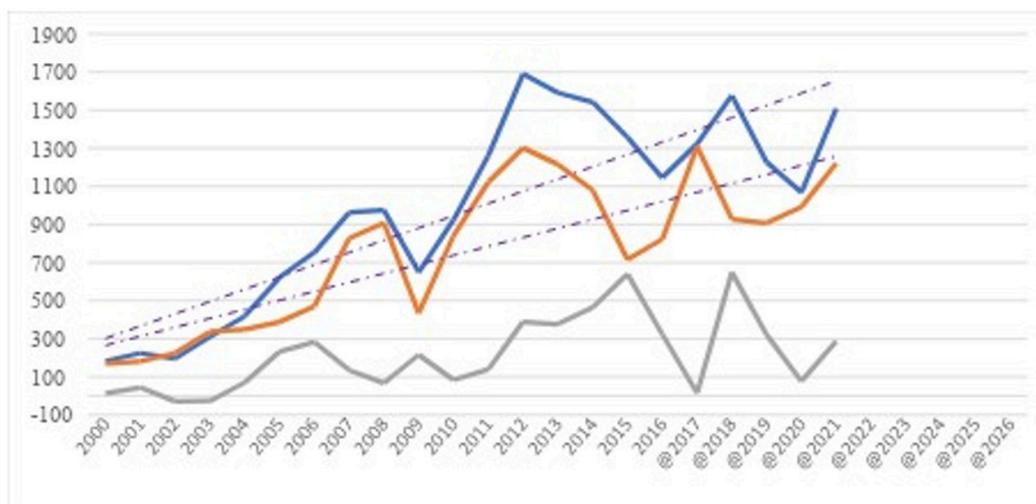

Рисунок 3 – Внешняя торговля Воронежской области, 2000 – 2021 гг., в фактически действовавших ценах, млн долл.

Источник: составлено авторами по материалам [16]

12-14 и на рисунке 5.

$$Y_1 = -39,607x^2 + 923,94x + 2179,6 \quad (12); \quad R^2 = 0,5294;$$

$$Y_2 = -6,4202x^2 + 257,32x + 20,789 \quad (13); \quad R^2 = 0,7073;$$

$$Y_3 = -33,187x^2 + 666,62x + 2158,8 \quad (14); \quad R^2 = 0,6068.$$

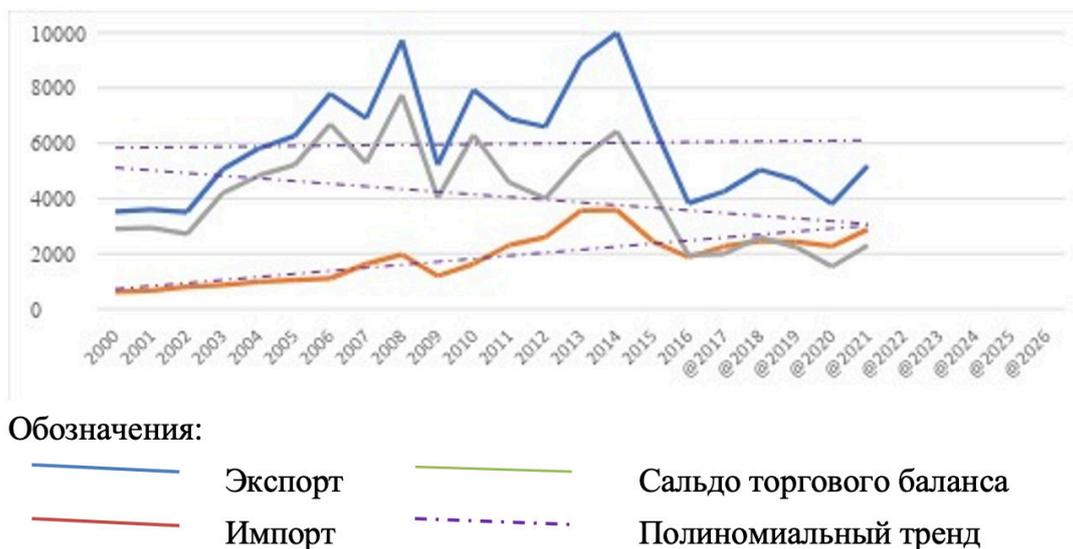

Рисунок 5 – Внешняя торговля Самарской области, 2000 – 2021 гг., в фактически действовавших ценах, млн долл.

Источник: составлено авторами по материалам [16]

Как видим, значения экспорта, импорта, торгового баланса Самарской области демонстрируют высокую включенность региона во внешнеэкономическую деятельность. Экспорт даже в начале анализируемого периода составлял более 3 млрд долл. Довольно парадоксально, что максимальные объемы экспорта приходятся на периоды обострения санкционной политики 2008 г. и 2014 г. К 2016 году произошло значительное снижение его объемов, которое поддерживается на одном уровне, соответствующем периоду 2000-2003 гг. Ухудшение глобальной и макроэкономической ситуации в связи с пандемией COVID-19 привело к краткосрочному снижению объемов экспорта, не затронув состояние импорта. Визуализация данных об объемах экспорта, импорта и торгового баланса Самарской области демонстрирует схожесть взаимосвязей экспорта, импорта и торгового баланса с Магаданской областью. Диапазон разрыва между объемами экспорта и импорта меньше, но заметна принципиальная схожесть зависимостей. Тренды представлены полиномиальными функциями. Мультипликационный эффект экспорта имеет место, но, в отличие от Московской области, неустойчив.

Динамика внешнеэкономической деятельности Тамбовской области представлена в уравнениях 15-17 и на рисунке 6.

$$Y_1 = 1,4815x^2 - 20,545x + 101,15 \quad (15); \quad R^2 = 0,8776;$$

$$Y_2 = -1,4882x^2 + 43,536x - 45,646 \quad (16); \quad R^2 = 0,5396;$$

$$Y_3 = 2,9697x^2 - 64,081x + 146,79 \quad (17); \quad R^2 = 0,6363.$$

Как видим из данных, представленных в уравнениях 15-17 и на рисунке 6, с 2000 г. по 2017 г. импорт превышал экспорт, соответственно, сальдо торгового баланса было отрицательным, в 2018 г. оно впервые стало выше нулевой отметки, затем более высокие значения были получены в 2020 и 2021 гг. Данный результат был достигнут за счет того, что на протяжении всего анализируемого периода объемы экспорта при значительных, хотя и краткосрочных колебаниях импорта, достаточно стабильно росли, что свидетельствует о росте конкурентоспособности второго типа при наличии мультипликационного эффекта, обеспечившего возможность ее преобразования в конкурентоспособность первого типа.

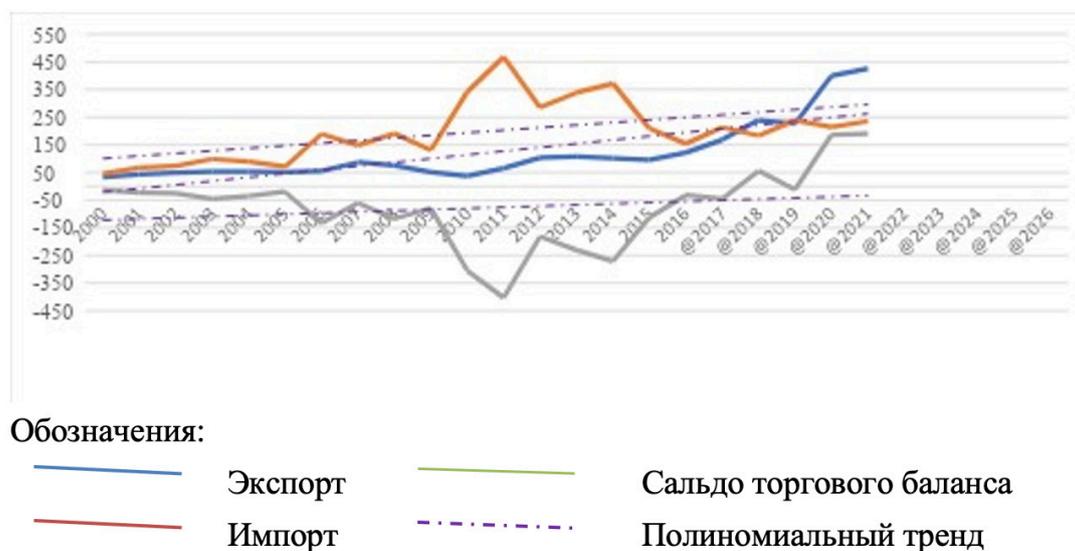

Рисунок 6 – Внешняя торговля Тамбовской области, 2000 – 2021 гг., в фактически действовавших ценах, млн долл.

Источник: составлено авторами по материалам [16]

Заклучение

Торговый баланс, его параметры являются объектом пристального внимания ученых на протяжении многих столетий. Практически все исследования фиксируют необходимость положительного баланса на макроуровне. Различия во взглядах связаны, преимущественно, с инструментами его обеспечения, определяемыми, в свою очередь уровнем конкурентоспособности национальных экономик. Региональным аспектам торгового баланса не уделялось внимание до начала XXI века, ознаменовавшегося разрушением глобалистской модели мировой экономики и расширением регионализации экономик стран со сложной пространственно-функциональной структурой, как, например, США, Россия, Германия и др. Данные процессы привели к усилению протекционистской политики в сфере международной деятельности.

Это относится не только к России, где основной акцент в настоящее время сделан на развитие импортозамещения и, соответственно, на снижение уровня зависимости от объемов международной деятельности, особенно – импорта товаров и услуг. Политические аспекты такой ориентации достаточно очевидны, однако политика импортозамещения не является универсальной. Она вполне оправдана в отношении экономических связей с недружественными государствами. При этом не ставится задача снижения объемов экспорта, в этой сфере международной торговли речь идет об изменении его пространственной структуры, что необходимо, прежде всего, в плане стратегического и геополитического изменения положения страны. В то же время, в 2025 г. явно сместился акцент на сокращение объемов импорта и повышение уровня сальдо торгового баланса в экономической политике США. То есть, направленность внешнеэкономической деятельности изменилась в пользу поощрения экспорта и сокращения импорта, следовательно, нельзя связывать ее только с уникальным положением России, в отношении которой введены десятки тысяч санкций.

В развитии внешнеэкономической деятельности следует обратить внимание на то, что внимание экспортеров к определенным национальным и региональным рынкам обусловлено их конкурентоспособностью как потребителей. При этом потребление следует рассматривать в широком смысле слова, включая его производительный блок. Отсюда – состав санкций недружественных государств, направленных на снижение возможностей в области наиболее конкурентоспособных товаров России: энергоресурсы в сфере экспорта и высокие технологии – в сфере импорта.

В связи с этим можно выдвинуть предположение, что возрождающаяся протекционистская политика является результатом изменений в уровне конкурентоспособности систем макро- и мезо-

уровней. В этой связи полагаем, что повышенное внимание к увеличению объемов экспорта при одновременном сокращении импорта является неоправданным в стратегическом плане, поскольку сужает возможности наращивания конкурентоспособности стран и регионов.

Таким образом, в теоретическом плане можно сделать вывод, что конкурентоспособность необходимо рассматривать в воспроизводственном плане: высокий экспорт, соответственно, активный и растущий торговый баланс демонстрируют положительную динамику конкурентоспособности в фазе производства; пассивный и снижающийся – в фазе потребления, включая производительное потребление. В то же время, учитывая неразрывную связь воспроизводственных фаз, можем предположить, что увеличение импорта, при выборе его структуры, адекватной технико-технологическому и социально-экономическому состоянию региона, и необходимых мер государственного регулирования федерального и регионального уровня, способствует увеличению объемов экспорта.

Для эмпирического исследования взаимосвязей экспорта, импорта и торгового баланса нами использованы данные по шести российским регионам. В качестве основного объекта (административно-территориального образования) принята Ярославская область – один из перспективных регионов ЦФО, широко позиционирующий внешнеэкономическую деятельность в качестве одного из наиболее важных направлений социально-экономического развития. В качестве «фоновых» регионов приняты Воронежская, Магаданская, Московская, Самарская, Тамбовская области, существенно различающиеся по географическому положению, уровню социально-экономического развития, масштабам и структуре внешнеэкономической деятельности. Для анализа мы использовали данные официальной статистики за период 2000-2021 г.

Анализ эмпирических данных показал, что внешнеэкономическая деятельность Ярославской области на протяжении анализируемого периода характеризуется неустойчивостью. Определенный тренд (полиномиальный) имеет только импорт, экспорт изменяется в широком диапазоне значений, имеют место его краткосрочные «всплески» в 2001, 2013, 2018 гг. Резкие снижения значений приходятся на 2002 г., 2014-2016 гг. Импорт растет достаточно стабильно. Состояние торгового баланса определяется динамикой экспорта. Сальдо внешнеторгового баланса региона положительное, кроме 2009-2011 гг. и 2016 г. Явно выраженный недостаток внешнеэкономической деятельности – ее нестабильность и, соответственно, слабая прогнозируемость, что не позволяет установить тип конкурентоспособности региона.

«Фоновые» регионы демонстрируют достаточно выраженные проявления конкурентоспособности первого и/или второго типа.

Торговый баланс Московской области на протяжении всего анализируемого периода имеет отрицательные значения и «импортозависимую» динамику, то есть в регионе реализуется второй тип конкурентоспособности. Одновременно наблюдается стабильный и устойчивый рост экспорта, что отражает, на наш взгляд, наличие мультипликационного эффекта. Заметная связь с состоянием глобальной экономической конъюнктуры отсутствует.

В Воронежской области торговый баланс положительный с небольшими краткосрочными понижениями ниже нулевой отметки, его динамика нестабильная; отсутствует заметная связь значений экспорта, импорта и торгового баланса; изменения объемов экспорта и импорта достаточно синхронны при различных диапазонах изменений. Таким образом, Воронежская область во внешнеэкономической деятельности реализует первый тип конкурентоспособности, поддерживаемый асинхронными изменениями конкурентоспособности второго типа. Заметная связь с состоянием глобальной экономической конъюнктуры отсутствует.

В Магаданской области внешнеторговый баланс положительный, растущий, соответственно, в регионе реализуется явно выраженная конкурентоспособность первого типа. Длительное сохранение импорта на одном и том же уровне отражает недостаточную включенность региона в международные интеграционные процессы. Заметная связь с состоянием глобальной экономической конъюнктуры

отсутствует.

Объемы экспорта, импорта, торгового баланса Самарской области демонстрируют высокую включенность региона во внешнеэкономическую деятельность, объемы экспорта значительно выше, чем импорта. Торговый баланс на протяжении всего анализируемого периода положительный, изменяется в диапазоне от 1,5 до 8,0 млрд долл. под действием, прежде всего, динамики экспорта. Имеет место неустойчивый мультипликационный эффект экспорта. Связь с изменениями глобальной конъюнктуры неоднозначная – имеет место как рост, так и сокращение масштабов внешнеэкономической деятельности в период ее ухудшения.

В Тамбовской области с 2000 г. по 2017 г. импорт превышал экспорт, соответственно, соответственно сальдо торгового баланса было отрицательным, в 2018 г. оно впервые стало выше нулевой отметки, затем более высокий положительный результат был достигнут в 2020 и 2021 гг. На протяжении всего анализируемого периода объемы экспорта при значительных, хотя и краткосрочных колебаниях импорта, достаточно стабильно росли, что свидетельствует о росте конкурентоспособности второго типа при наличии мультипликационного эффекта, обеспечившего возможность ее преобразования в конкурентоспособность первого типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ внешнеэкономической деятельности российских регионов на основе применения метода виртуальной кластеризации / А. Ю. Кособуцкая, М. О. Гладких, Е. П. Цебекова, Е. А. Опойкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2021. – № 2. – С. 49-59. – DOI 10.17308/econ.2021.2/3459.
2. Андреева, Е. Л. Внешнеторговый потенциал российских регионов в условиях внешних ограничений / Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер // Россия и Азия. – 2024. – № 3(29). – С. 59-67.
3. Антонова, Е. А. Конкурентные преимущества регионов ЦФО при осуществлении внешнеторговой деятельности / Е. А. Антонова, А. С. Булекова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 6-1(76). – С. 12-15. – DOI 10.24412/2411-0450-2021-6-1-12-15.
4. Бекренев, Ю. В. Трансформация экономики России в условиях санкционной войны и проведения СВО / Ю. В. Бекренев, А. А. Щербакова, А. А. Лобода // Теоретическая экономика. – 2023. – № 10(106). – С. 24-35.
5. Завойских, Ю.А. Внешняя торговля услугами Калининградской области: современное состояние и перспективы / Ю.А. Завойских, С.А. Носкова, А.Г. Носков // Экономика: теория и практика. – 2023. – № 4 (72). – С. 26–30. – DOI:10.31429/2224042X_2023_72_26.
6. Завойских, Ю.А. Тенденции развития внешней торговли Калининградской области в условиях глобальной нестабильности / Ю.А. Завойских, С.А. Носкова, А.Г. Носков // Экономика: теория и практика. – 2021. – № 4 (64). – С. 24–28. – DOI: 10.31429/2224042X_2021_64_24.
7. Завойских, Ю. А. Внешняя торговля услугами субъектов Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации: особенности, тенденции и перспективы / Ю. А. Завойских, С. А. Носкова, А. Г. Носков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 2(152). – DOI 10.60797/IRJ.2025.152.24.
8. Каплина, О. В. Стратегическое планирование развития экспорта Ярославской области: проблемы документационного обеспечения / О. В. Каплина, И. А. Карачев // Теоретическая экономика. – 2022. – № 10(94). – С. 101-114. – DOI 10.52957/22213260_2022_10_101.
9. Лист Ф. Национальная система политической экономии / пер. с нем. В.М. Изергина; под ред. К.В. Трубникова. – М., Челябинск: Социум, 2017. – 451 с.
10. Меньщикова, В. И. Производственные возможности российских регионов в условиях новых санкций и ограничений / В. И. Меньщикова, Н. К. Родионова, А. А. Бурмистрова // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 22-32. – DOI 10.24182/2073-6258-2022-21-4-22-32.
11. Милль, Дж.С. Основы политической экономии: Т. 2 / ред. А.Г. Милейковский, Ю. Б. Кочеврин. – М.: Прогресс, 1980. – 480 с.
12. Мингулов, А.М. оценка перспектив устойчивого развития экономики регионов ПФО условиях санкционного ограничения импорта / А.М. Мингулов // Управление устойчивым развитием. – 2024. – №5 (54). – С. 5-15.
13. Новикова, А. А. Внешнеторговая деятельность субъектов РФ: перспективы сохранения географической структуры поставок / А. А. Новикова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. – 2023. – № 1. – С. 36-49. – doi: 10.5922/gikbfu-2022-1-3.
14. Опойкова, Е. А. Стратегические перспективы Внешне экономической деятельности Московского региона / Е. А. Опойкова // Проблемы и перспективы современной экономики : Сборник статей. Выпуск 8. – Воронеж : Издательство Истоки, 2022. – С. 113-117.
15. Посошков, И.Т. Книга о скудости и богатстве. – М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2001. – 416 с.
16. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. 2023 [электронная Журнал «Теоретическая экономика» № 9 | 2025

версия]. Раздел 21. Внешняя торговля. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

17. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. – М.: Эксмо, 2016. – 1040 с.
18. Семяшкин, Г. М. Предрейтинговая оценка перспективных направлений продовольственного экспорта / Г. М. Семяшкин, Е. Г. Семяшкин // Теоретическая экономика. – 2024. – № 10(118). – С. 94-105. – DOI 10.52957/2221-3260-2024-10-94-105.
19. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. II. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 864 с.
20. Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года. – URL: <https://portal.yarregion.ru/depts-usp/activity/ser/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-yaroslavskoy-oblasti/>
21. Сэй, Ж.Б. Трактат по политической экономии / Ж.Б. Сэй. – М.: Дело, 2000. – 230 с.
22. Трещевский, Ю. И. Влияние санкций на конфигурацию внешнеэкономической деятельности регионов России / Ю. И. Трещевский, Е. А. Опойкова // Регион: системы, экономика, управление. – 2022. – № 2(57). – С. 27-37. – DOI 10.22394/1997-4469-2022-57-2-27-37
23. Шутаева, Е. А. Внешнеторговая деятельность регионов России в современных условиях / Е. А. Шутаева, В. В. Побирченко // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 357-369.
24. Якушев, Н.О. Оценка и направления экспортной деятельности субъектов РФ / Н.О. Якушев // Проблемы развития территорий. – 2024. – Т.18. № 5. – С. 61-82.
25. Eichengreen, B.J. (1996). *Globalizing Capital: A History of the International Monetary System*. – Princeton and Oxford: Princeton University Press. – 284 p.
26. Helpman, E. & Krugman, P.R. *Market structure and foreign trade: increasing returns, imperfect competition and the international economy*. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1985. – 294 p. – <https://archive.org/details/marketstructuref00help/page/n7/mode/2up>
27. Mun, T. *England's Treasure by Forraign Trade; or The Balance of our Forraign Trade is the Rule of our Treasure*. – London: Printed by J.G. for Thomas Clark, 1664. – 41 p. – <https://la.utexas.edu/users/hcleaver/368/368MunTreasuretable.pdf>
28. *The Global Competitiveness Report 2019*. World Economic Forum. Klaus Schwab (ed.). – P. 482–485. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf
29. United States International Trade Commission. *Harmonized Tariff Information*. – URL: https://www.usitc.gov/harmonized_tariff_information

Promising directions for enhancing the competitiveness of Russian regions in foreign economic activity: theoretical and empirical analysis

Kosobutskaya Anna Yurievna

Doctor of Economics, Associate Professor,
Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
E-mail: anna.rodina@mail.

Opoikova Elena Alekseevna

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
E-mail: oea.voronezh@yandex.ru

Tsebekova Ekaterina Petrovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
E-mail: katarina.69@mail.ru

Treshchevsky Yuri Igorevich

Doctor of Economics, Professor,
Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
E-mail: utreshevski@yandex.ru

KEYWORDS

foreign economic activity,
foreign trade balance,
imports, exports, region,
economic conditions

ABSTRACT

The study aims to identify promising directions for enhancing the competitiveness of Russian regions in foreign economic activity based on trends in its fundamental parameters: total exports, imports, and foreign trade balance. The research employs multiple methodological approaches: a monographic method for analyzing theoretical positions of domestic and foreign scholars regarding the relationships between the volume and structure of regional foreign economic activity on one hand, and their competitiveness on the other. Yaroslavl Oblast was selected as the primary research subject, as it actively positions foreign economic activity as one of the promising directions for regional socio-economic development. Five administrative-territorial entities with varying geographical locations, levels, and characteristics of socio-economic development were chosen as «background» regions demonstrating different approaches to enhancing competitiveness in foreign economic activity: Moscow, Voronezh, Magadan, Samara, and Tambov Oblasts. Correlation and regression analysis was applied for empirical research. The analysis covers the period from 2000 to 2021, ensuring statistical reliability of the results. Theoretical analysis established that in modern conditions, competitiveness in foreign economic activity at macro and meso levels is manifested in the volume and structure of not only exports but also imports. Consequently, it was concluded that at the regional level, there is a combination of two types of competitiveness implemented in different phases of reproduction: in production (first type of competitiveness) and consumption, including industrial consumption (second type of competitiveness). Analysis of Yaroslavl Oblast's foreign economic activity demonstrated instability in the dynamics of its basic parameters, complicating the selection of directions for enhancing its competitiveness in foreign economic activity. In the «background» regions, relationships between the basic parameters of foreign economic activity were identified, demonstrating various combinations of first and second type competitiveness, allowing for the establishment of promising directions for enhancement.

Экономическое развитие и общественное благо в системе общественных отношений зарубежных стран (сравнительно-исторический подход)

Елкин Станислав Евгеньевич

кандидат экономических наук, доцент,

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: elkin-se@ranepa.ru

Реутова Ирина Михайловна

кандидат экономических наук, доцент,

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: reutova-im@ranepa.ru

Елкина Ольга Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор,

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: elkina-os@ranepa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическое развитие,
общественное благо,
эффективность,
неолиберализм,
сравнительно-исторический
подход, потребности,
общественные отношения

АННОТАЦИЯ

В исследовании обсуждаются научные направления, определяющие отношение к эффективному использованию общественного блага в зарубежных странах при необходимости его перераспределения в случае выбора между индивидуальными (частными) и общественными выгодами. В исследовании на основе применения сравнительно-исторического подхода доказывается наличие связи между экономическим развитием и общественным благом. Метод применяется для описания неолиберальной трансформации права. Внимание сфокусировано на влиянии доходов при принятии решений о перераспределении блага и определяется их промежуточным нахождением на стыке экономики, политики и социальных отношений. В ходе обсуждения обосновывается мнение, что экономическое развитие не всегда является общественным благом, поскольку во многих случаях уменьшает доход частных собственников. Сделан вывод, что общественное использование блага (актива) не должно сводиться к частной выгоде. Сформулирован вопрос о правомерности утверждения, что государство способствует общественному благу, когда упорядочивает их использование. Перераспределение благ рассматривается в контексте использования государственной власти для достижения целей перераспределения благ, которое не может быть достигнуто иным способом. Выдвигается тезис о том, что государство применяет закон как обоснование перераспределения благ в интересах удовлетворения государственно-частных интересов. Этот тезис объясняет, как закон и государство подчиняются частным интересам. В качестве методологической основы использован компаративный исторический подход, позволяющий выявить закономерности развития законодательства в ответ на социальные изменения в историческом контексте и изменений в законодательстве, связанных с развитием концепции публичной полезности. Подходы, используемые в экономике, социологии и политологии при изучении общественных отношений представляют различные, но одинаково убедительные точки зрения на исследуемую проблему, что делает необходимым дальнейшее изучение проблемы эффективного использования общественного блага.

JEL codes: K0; E02; P16

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-30-47>

Для цитирования: Елкин, С.Е. Экономическое развитие и общественное благо в системе общественных отношений зарубежных стран (сравнительно-исторический подход) / С.Е. Елкин, И.М. Реутова, О.С. Елкина, - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.30-47. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Потребности человека определяют социальные отношения и являются важной частью процесса принятия любых общественно-значимых решений. Экономические вопросы находятся в центре общественных отношений. Закон — это средство достижения цели. Государство всегда заявляло, что использует закон как инструмент поддержания общественного порядка и прогресса. Использование закона для принуждения к социальным изменениям, способствующим накоплению капитала элитами в обществе, противоречит тому, что, как предполагается, означает справедливое распределение доходов (Корриган, Сэйер, Харвей) [14,15]. Во многих странах доходы от экономического развития являются приемлемым методом поощрения более полезных производственных отношений (Корриган, Сэйер) [14]. Это поддерживает изменение производственных отношений как того требует государство в ответ на возникающие кризисы. Это означает, что государство в настоящее время отчасти является представителем частных интересов, хотя и утверждает, что оно содействует общественному благу.

В работе обсуждается как трансформация системы общественных отношений вызывает изменения в законодательстве в результате экономических потребностей. Принятие решений в области государственной политики демонстрирует, что результаты экономического развития являются следствием политики неоллиберализма, примененной в ответ на общий кризис капитализма, отчасти проявляющийся в снижении эффективности производственных отношений, снижением темпов экономического роста и прибыли. Меры по экономическому развитию являются реакцией на кризис, который направлен на поиск недорогостоящих активов для стимулирования накопления капитала. Такие меры используют дискурс общественного использования и общественного блага, чтобы узаконить экспроприацию и обратить вспять замедление экономического роста, но эти утверждения не соответствуют действительности. Когда государство вмешивается в частные отношения, чтобы исправить сбои в работе рынка (оправдание вмешательства), это называется инструментальным использованием закона (Хорвиц) [18], но на самом деле происходит то, что государство стремится удовлетворить частные интересы.

Обзор проблемы

Вопрос экономической эффективности несомненно важен. Утверждается, что полезность связана с продвижением общественных благ, но это всего лишь прикрытие для продвижения частных интересов, потому что общественные выгоды в лучшем случае почти всегда носят спекулятивный характер и чаще всего не реализованы. Исторически сложилось так, что доходы всегда были примером приоритизации определенных видов использования благ с помощью государственной власти. Изменение порядка доступа к ресурсам уже давно узаконено как средство продвижения общественного блага (Хорвиц) [18]. Непреднамеренным следствием подобных выводов являются коллективно ориентированные решения, хотя на самом деле они направлены на содействие созданию частного богатства, поскольку от людей все чаще требуют жертвовать личными интересами ради кажущегося общественного блага, в то время как на самом деле их мотивирует личная выгода. Как утверждал Прудон, «...частная собственность неотделима от владения имуществом, и поэтому в подобных случаях происходит то, что государственная власть используется для перераспределения благ, что является нарушением личной автономии» [32].

Таманаха объясняет, что закон — это средство достижения цели, а общественное использование — просто предлог для изменения порядка его использования [40]. В принятии решения есть много переменных, поэтому трудно четко сказать, когда принятие является правильным, а

когда неправильным с точки зрения справедливости; но принятие решения силой является проблематичным, независимо от того, какой конечной цели оно должно быть достигнуто. Это вопрос о том, оправдывают ли цели средства, и многие пришли бы к выводу, что, когда людям причиняют вред, цели не оправдывают эти средства.

Закон гласит, что никто не может забрать частную собственность просто для того, чтобы изменить порядок ее использования. Исключительное владение — это право государства, и только государство имеет право им пользоваться (если только оно не делегирует эти полномочия частным организациям, что имеет место в условиях реализации государственно-частных проектов). Вопрос в том, является ли такое делегирование правильным. Ответ на этот вопрос рассматривается в данной работе. Вывод состоит в том, что изъятия — это действия, основанные на законе, направленные на продвижение частных экономических интересов, и даже несмотря на то, что такие изъятия ограничены общественной потребностью, закон оправдывает использование власти для поддержания легитимности, и, хотя концепция равенства важна, частные интересы оказываются в приоритете. В настоящее время перераспределение благ, когда предполагаемый новый владелец утверждает, что он может создать большую общественную ценность за счет более эффективного альтернативного использования ресурсов признается экономически приемлемым (несмотря на отсутствие справедливости в таких случаях), способствуют накоплению капитала и приносят выгоду элитам (в случае государственно-частного партнерства).

Многие вопросы, обсуждаемые в рамках предложенной темы, сформировались под влиянием работ Коуза [8]. Речь о том, что законы принимаются с социальной целью повышения эффективности и что многие судьи выносят решения по делам, основываясь на своих личных ценностях и стремлении продвигать полезность. Дискурс «общественное использование - общественное благо» в значительной степени используется для облегчения получения прибыли. Важно прийти к пониманию того, что использование может рассматриваться как общественное использование (Клигер) и, кроме того, что теория и практика разрешения конфликтов имеют решающее значение для теории права [22]. Поступая таким образом, конфликты часто разрешаются путем рассмотрения экономически эффективных решений, применяемых для максимизации производительности, и что закон всегда выступал за более эффективное решение проблем, хотя справедливость также является критически важным элементом (и сдерживающим фактором) любого подобного юридического анализа. Закон направлен на наиболее эффективное распределение прав, титулов, обязанностей, привилегий и интересов, но при этом учитывается, что инструментальное использование закона — это не единственный возможный подход, и соображения справедливости должны быть элементом любого процесса принятия решений в области государственной политики. Закон и правосудие находятся под влиянием культуры, коммуникаций, искусства и истории. Все, что касается социальных отношений, влияет на закон, который основывается на социологии.

В конечном счете это исследование было направлено на то, чтобы последовательно понять, как трансформируется право. Политическая сфера — это всего лишь одна из составляющих общества, а юриспруденция и экономика — это во многом конкурирующие сферы.

Теория права рассматривает социальные отношения с точки зрения культуры, права, экономики, а также с точки зрения марксизма и социологии права. Эти различные по содержанию направления приводят к выводу, что неолиберальная интерпретация права может негативным образом повлиять на общественную жизнь, когда отдельные собственники оказываются лишенными собственности без их согласия, даже если им выплачивается справедливая компенсация, потому что это разрушительно для личной автономии.

Конец 1930-х годов был критическим периодом для этих изменений, потому что именно тогда суд впервые начал поддерживать кейнсианский социальный велфаризм. «Новый курс» породил отцов — основателей современного правопонимания - Ричарда Познера, Гэри Беккера, Фрэнка Истербрук и Уильяма Ландеса, которые утверждали, что социальная политика должна разрабатываться с учетом

экономических последствий определенных желаемых предпочтений [1,2,3,4]. Критики подхода, основанного на праве и экономике, утверждали, что в экономическом анализе отсутствует забота о справедливости и социальном благополучии. Экономические мотивы — это не все, что имеет значение. Государство стало по-другому осуществлять управление. Анализ, основан на предпосылке, что частное лицо нуждается в защите со стороны государства, потому что, когда государство действует, есть вероятность того, что кому-то может быть причинен вред. И, в историческом контексте, это было главной причиной принятия Великой Хартии вольностей, которая стала первой попыткой защиты от злоупотребления властью со стороны государства, ведь заявляя о своей приверженности общественному благу, государство не обязательно добивалось общественного блага.

Однако, экономические условия изменились, и изменение этих условий сделало возможным неолиберальный ответ на предполагаемый кризис капитализма. Результатом этого неолиберального поворота стало усиление приватизации и дерегулирования, которые начали набирать силу. Государство (как организация, представляющая коллективную волю) стало действовать более самостоятельно, руководствуясь интересами личной выгоды, ведя себя почти так, как если бы оно было частным предприятием, конкурирующим с другими в стремлении к накоплению капитала. Исходя из этой предпосылки, проблема заключается в первоначальном накоплении капитала, и что государство — это всего лишь еще один участник рынка.

При изучении политологии, права и экономики учат, что государство — это общественная организация, созданная и используемая для надзора за общественными отношениями и их развитием; но эта предпосылка всегда означала, что государство стоит выше деятельности, которой оно управляет, а не что оно является просто еще одним участником, вовлеченным в эту деятельность в качестве самостоятельного игрока. Но теперь государство включилось в эту деятельность в качестве простого участника, участвующего в торгах и обмене и стремящегося максимизировать отдачу от собственных инвестиций в ресурсы (партнера в государственно-частном партнерстве), который направляет ресурсы на реализацию проекта. Таким образом, что является государственным, а что нет? Очевидно, что использование блага может быть неэффективным, либо неприемлемым, и поэтому возникает необходимость в изменении порядка использования блага. Одним из способов решения проблемы было бы вмешательство государства, чтобы устранить сбой на рынке. Государство должно вмешаться, активно финансируя развитие инфраструктуры для привлечения новых предприятий, создания новых рабочих мест и увеличения налоговых поступлений. Теоретики, которые защищают права частной собственности, утверждают, что общественная необходимость может оправдать вмешательство в права личности. Сложность такого подхода заключается в том, что определение того, что является необходимым, существенным или критичным, в высшей степени субъективно.

В юридической литературе, посвященной изъятиям, утверждается, что связь между частным правом и общественным благом является формой и выражением общественной необходимости. Проблема в том, что действия часто продиктованы необходимостью, и именно необходимость является единственным стимулом для осуществления социальных изменений.

Противоречия неолиберализма непримиримы и всегда будут оставаться таковыми, пока существует капитализм. Социальная система, как заметил Парсонс, состоит из институтов и коллективов, которые объединяют ожидания от действий с ценностными моделями, остающимися в противоречии. И хотя между ego и alter существует чувство лояльности, любая из сторон может лишиться лояльности другую, если ожидания не будут удовлетворительно оправданы (Парсонс), результаты таких изъятий не удовлетворяют [29]. Это относится к работе Парсонса о примирении индивидов и субколлективов в рамках согласованной системы легитимизированной власти, где власть сочетается с коллективной ответственностью, так что распределение ресурсов осуществляется с максимально возможной рациональностью в процессе принятия решений [29].

Вопросы о связи права и общества исследуются в работах Лумана, который разработал системную теорию, позволяющую связать социальные системы с правом [23]. Луман был юристом,

заинтересованным в поиске связей между правом и социологией. Целью его работы было желание объяснить право в социологических терминах. Лумана интересовало, как конфликты в социальных отношениях разрешаются с помощью юридического процесса, который просто реагирует на социальный диктат. Общепринятая точка зрения отражает это: именно люди создают и изменяют закон через своих политических представителей, когда считают, что государство не принимает своевременных решений. Как объяснил Луман, причиной конфликта в социальных отношениях является нарушение ожиданий [23]. Он имел в виду, что, когда стороны заключают соглашения, они ожидают, что они выполнят данные ими обещания. Такие отношения регулируются договорным правом. Когда стороны нарушают обещания, применяются штрафные санкции. Но договорное право не наказывает нарушителей; оно просто требует, чтобы ущерб от нарушения был выплачен другой стороне. Штрафные санкции определяются экономикой. В этом заключается связь между правом и экономикой.

В работах Парсонса и Лумана объясняется теория поглощения в контексте контракта, властных отношений и структурной направленности ориентации на прибыль [23, 29]. Это так называемый мотив получения прибыли, присущий производственным отношениям, который Парсонс описывает как не что иное, как практическую рациональность. Но конфликт и конкуренция за получение выгодных условий сделки, направленные на обмен, не имеют ничего общего с этикой. Как правило, такие споры не заканчиваются взаимовыгодным решением. Несмотря на то, что существует концепция «ожидание в ответ на ожидания», предложенная Луманом, и концепция «взаимной симметрии интерактивных отношений», предложенная Парсонсом, многие исследователи приходят к выводу, что коллектив ориентирован в первую очередь на сотрудничество, а не на конкуренцию. Правовые нормы зависят от экономической и социальной необходимости и развиваются в ответ на нее. Многие теоретики исследовали идеи (Гибсон, Скиннер, Фельдман) изменения в законодательстве и экономическом развитии с точки зрения социологии права и изучения неолиберальной концепции [5, 35].

Санкционированное государством перераспределение, например, прав собственности на землю для содействия благоустройству семантически и политически оправдано утверждением о том, что поощрение экономического развития способствует общественному благу. Единственная проблема заключается в том, что нет никаких доказательств того, что экономическое развитие действительно приносит какое-либо общественное благо, и зачастую средства, выделяемые на экономическое развитие, не обеспечивают обещанных благ. Реальным доказательством общественного блага является улучшение качества или уровня жизни большинства граждан сообщества, но этого не происходит, когда частные инвесторы накапливают капитал, участвуя в государственно-частном партнерстве.

Вытеснение нынешних пользователей в пользу, возможно, более продуктивных альтернативных способов использования теоретически рационально, но на практике это весьма противоречиво и несправедливо. В конечном счете, величина эффективной стоимости при анализе выгод должна продемонстрировать, что изъятие активов с целью более эффективного использования чаще всего приводит к негативным последствиям. Это произошло в частных интересах, но государство оправдало это действиями, направленными на продвижение общественного блага (Скиннер, Фельдман) [36].

Методы исследования

Сравнительно-исторический метод — это форма анализа, которая применяется для описания неолиберальной трансформации права. В работе применен компаративный исторический подход (comparative historical method), позволяющий выявить закономерности развития законодательства в ответ на социальные изменения в историческом контексте и изменений в законодательстве, связанных с развитием концепции публичной полезности (public use) и правом на принудительное отчуждение имущества (eminent domain). Использование теории структурного функционализма позволило рассмотреть правовую систему как часть общей социальной структуры, взаимодействующей с экономическими и политическими институтами. Влияние экономического развития в контексте

социологии права - сложная тема. Вмешательство государства в права собственности может казаться справедливым, когда оно используется для продвижения частных интересов с помощью маскировочного механизма концепции общественного пользования. Концепция экономического развития на самом деле является еще одной формой рекурсивного первоначального накопления. Критическая юридическая теория (*critical legal theory*) позволила обосновать использование социологических концепций для изучения правовой сферы, показывая, как экономические потребности влияют на принятие судебных решений и законодательные акты и выявить скрытые классы интересов и роль правовых норм в защите привилегированных слоев общества.

Обсуждение

Существует проблема с тем, как социальная система стремится продвигать общественное благо, потому что социальная система сейчас контролируется капиталистами, которые на самом деле заинтересованы только в своих личных интересах. Такой взгляд на доходы на самом деле ничем не отличается от исторического анализа колониализма. Колониализм зародился как свободная ассоциация корпоративных образований или частных коммерческих предприятий, косвенно поддерживаемых государством, с целью способствовать накоплению капитала, отбирая его у тех, кто не мог противостоять вторжению. Колониальные частные предприятия представляли собой объединения частных интересов, которые слабо контролировались. Государственное вмешательство осуществлялось редко и фактически было минимальным. Такие формы коллективного объединения считались общественной необходимостью в то время, когда они использовались. Этот подход также согласуется с юридическим анализом общего права, который обычно основывается на предыдущих судебных делах и фокусируется на культуре, обычаях и традициях.

Общая идея заключается в том, чтобы добиться изменений, учитывая интересы таким образом, чтобы они соответствовали развитию, логике и необходимости общественного развития. Действия, направленные на достижение частных целей, не могут быть оправданы доктриной общественного пользования, поскольку государство не может отдавать предпочтение определенным интересам перед другими, тем не менее государство может действовать таким образом, чтобы способствовать определенному экономическому развитию частного сектора, и, по сути, оно неоднократно делало это на протяжении многих лет. Большое изменение в современной роли государства заключается в том, что в нем сочетаются частные и публичные действия, причины, интересы и виды использования.

Сегодня государство все активнее участвует в выполнении частных функций. Этот тезис о приватизации права в рамках неолиберализма описывает приватизацию публичного права как приватизацию государства. Случай за случаем государство все чаще демонстрирует свою готовность вмешиваться в права частной собственности только для того, чтобы изменить порядок прав собственности и перераспределить виды использования в интересах продвижения частных интересов по накоплению капитала. Изменение порядка использования путем экспроприации — это санкционированная государством форма первоначального накопления капитала, которая служит нынешним неолиберальным решением кризиса капитализма.

Считается, что кризис капитализма, нуждающийся в исправлении, вызван недостаточным потреблением или неэффективным стимулированием возможностей экономического развития. Выходом из этого кризиса капитализма является стимулирование экономической активности. Кризис капитализма иногда описывается как падение спроса или неспособность политической экономии обеспечить представителей рабочего класса удовлетворительными средствами к существованию, и поэтому основное внимание в этой работе, основанной на этих предположениях, было направлено на понимание того, как расцвет неолиберализма привел к приватизации закона и его роли в экономике. от государства. Нулевая гипотеза о предлагаемый здесь тезис заключается в том, что право вообще не приватизируется, а просто реагирует на коммерческую деятельность социально приемлемыми способами. При этом дискуссия о приватизации права не получила полного развития в литературе. В литературе имеются пробелы в отношении того, как правильно определить

масштабы государственного вмешательства в контексте экономического развития. Согласно Хаснасу, различие между законом как «легитимным механизмом общественного устройства», который поощряет личную автономию, и законом как «незаконным механизмом принуждения», который допускает злоупотребление принудительной властью со стороны государства, создает «ложную дилемму», с которой невозможно примириться [16]. Как утверждал Прудон, передача недавно приобретенной государственной земли в частные руки на самом деле является лишь еще одним примером перераспределения видов использования, что само по себе не обязательно является общественным злом, хотя, несомненно, является выражением первоначального накопления капитала [32]. Вопрос в том, является ли первоначальное накопление капитала необходимым и достаточным для продвижения общественного блага. В 1500-х годах в Англии духовенство уступило большие участки земли королю Генриху, когда король (который, по сути, и был государством и предъявлял свои требования в своих собственных интересах) счел их использование недостаточно продуктивным. Но что такое продуктивность? В основе этих поступлений и даже движущей силой их был мотив получения прибыли. Королю Генриху VIII нужен был капитал для финансирования своего хозяйства. Он экспроприировал чужую собственность, чтобы с минимальными затратами увеличить свои доходы. Предполагается, что воля государства представляет общественное благо. Здесь уместно высказанное Прудоном понятие «законного воровства» [32]. Когда Прудон писал о законном воровстве, он подразумевал, что некоторые виды воровства законны, некоторые - нет, но примитивное накопление капитала явно несправедливо. Неравенство в получении порождается правом собственности. Это происходит потому, что право собственности дает определенным лицам полномочия улучшать некоторые активы, над которыми они, как оказалось, установили контроль и позволяет им посредством своих производственных отношений использовать труд других в своих интересах [32].

Радикальное изменение законодательства о доходах, о котором свидетельствует изменение поведения государства, отражает то, что государство сейчас, более чем когда-либо, является участником рынка в экономической деятельности, а не ее регулятором. Приведет ли это изменение в конечном итоге к в большей или меньшей степени это относится к общественному благу, еще предстоит выяснить, но факт остается фактом: государство, по-видимому, все чаще участвует в стимулировании экономической деятельности в интересах самого себя (государства), а не отдельных лиц (Парсонс, Луман) [23,29].

Использование государственной власти для содействия экономическому развитию - идея не новая. Но государство больше не ведет себя так, как если бы оно было общественным корпорацией, занимающаяся бизнесом, приносящим пользу избирателям. Сегодня государство действует так, как если бы оно было государственной корпорацией, занимающейся бизнесом, направленным на извлечение прибыли для себя и для тех частных интересов, которым оно покровительствует.

Это является предпосылкой для развиваемого здесь тезиса о том, что закон и государство в настоящее время «приватизированы». Утверждение о том, что приватизация проявляется в законе и государстве, основано на наблюдении, что государство контролирует власть и никогда не предполагалось, что их можно ограничить надлежащей правовой необходимостью, общественным использованием или верховенством закона; но факт остается фактом: сегодня эти чрезвычайно важные концепции конституционного права являются инструментами, которые продолжают использоваться для утверждения, что вмешательство государства в автономию зашло слишком далеко.

В качестве основы для исторической модели генезиса изучаемой проблемы общественных благ и их перераспределения необходимо указать на работы К. Маркса, который провел анализ капиталистических отношений и механизмов эксплуатации труда. Его концепция накопления капитала объясняет, как ресурсы присваиваются капиталистами с помощью государства, создавая основу для дальнейшего накопления богатства [24]. Д. Харви (David Harvey) описывает механизм

аккумуляции посредством экспроприации (англ. accumulation by dispossession), подчёркивает противоречия капитализма и предлагает критику современной экономической политики [15]. Пьер-Жозеф Прудон (Pierre-Joseph Proudhon) известен своим утверждением, что собственность — это кража [32]. Показывает несправедливость распределения богатств и контроля над средствами производства. Р. Кокс (Robert Cox) изучает глобальные политические процессы и формирование международных политических экономик, акцентирует внимание на институтах и властных отношениях, влияющих на распределение благ [11,39]. Роулз (John Rawls) разрабатывал теорию справедливости, основанную на принципах равноправия и равных возможностей [12,28,38]. Использован для критики неравенства, создаваемого современным экономическим порядком. Грамши (Antonio Gramsci) разработал концепцию гегемонии, объясняющую, каким образом идеология формирует общественные отношения и поддерживает власть элиты [4,6,10]. Элиас (Norbert Elias) исследовал процесс цивилизационного развития и взаимодействие социальных институтов, оказывающих влияние на правовые нормы и поведение индивидов [5,7,9,37]. Бургинон (François Bourguignon) занимался изучением неравенства доходов и бедности, предлагая меры по улучшению благосостояния наименее обеспеченных слоёв населения [10,13,36]. Вебер (Max Weber) проанализировал бюрократическое управление и рациональность действия в современном обществе, а также природу государственного суверенитета и использование силы [41]. Фуко (Michel Foucault) раскрыл механизмы власти и дисциплины, существующие в государственных учреждениях и обществе, показывая, как контроль распространяется на повседневную жизнь людей [17,19,21]. Пикетти (Thomas Piketty) представил обширный статистический анализ роста неравенства в доходах и капитале, вызвавшего общественный резонанс [30]. Смит (Adam Smith) классик политической экономии, чей труд «Богатство народов» заложил фундаментальную идею невидимой руки рынка и саморегулирующегося порядка в экономике [25,26,27]. Валлерстайн (Immanuel Wallerstein) создал миросистемную теорию, согласно которой экономика мира делится на центр, периферию и полупериферию, определяющие международное разделение труда и неравномерное распределение ресурсов [33,34,42]. Шумпетер (Joseph Schumpeter) внёс понятие креативного разрушения («creative destruction»), означающего постоянное обновление экономики благодаря инновациям и конкуренции [33]. Самуэльсон (Paul Samuelson) ведущий представитель кейнсианской школы, разрабатывал теории макроэкономической стабилизации и эффективного функционирования рыночной экономики [34,35].

Теоретики естественного права описывают право, как божественно вдохновленное и способствующее совместным подходам к решению проблем. Теоретики-позитивисты рассматривают право, как инструменталистское и ориентированное на конкуренцию. Более поздние социологические исследования юридического процесса фокусируются на подходах к принятию судебных решений, которые анализируют факты по делу в свете простого смысла закона и любых лежащих в его основе социальных сил. Учитывая преобладание такого подхода, очевидно, что личные установки судей, ценности сторон и уникальные условия конкретных ситуаций влияют на то, как суд разрешит конфликт. Важно понимать, что нюансы отдельных дел влияют на развитие правовых принципов при создании прецедента; но правовые принципы остаются в некоторой степени стабильными. Осознаваемые потребности признаются и учитываются в соответствии с социологическим взглядом на право. Закон — это путь к социальным изменениям. Это средство расширения или ограничения свободы. Он устраняет препятствия для гражданских прав человека, создавая условия, необходимые для социального прогресса (Sen 1999).

Позитивисты, такие как Хорвиц (1992), утверждают, что законы принимаются для продвижения интересов тех, кто контролирует политическую экономику. Нормы права развиваются, но процесс нормотворчества остается неизменным. Например, после окончания Второй мировой войны внезапно стали доступны ресурсы, которые долгое время были связаны с военными усилиями для реконструкции инфраструктуры, которой долгое время пренебрегали, и обеспечения социального

обеспечения. По мере того, как предпринимались усилия по решению этих проблем, бедные слои населения и меньшинства испытывали неодинаковые последствия (Джейкобс, 2011). Гражданская эпоха прав человека, последовавшая за десятилетием экономической стабильности, внесла сумятицу в социальные отношения. В основе проблемы лежала проблема сегрегации. Первые признаки неолиберальной реакции на чрезмерное влияние государства начали проявляться в конце 1970-х годов. Неолиберализм требовал жесткой экономии, отдавая предпочтение корпорациям, а не частным лицам, и привело к углублению интернационализации денежных потоков.

Результатом изменений в способах размещения промышленного капитала, способах коммуникации и структурах управления стало ограничение автономии (Альбо, 2002). В 1980-х годах призывы к ограничению власти государства в 90-х годах во имя личной свободы привели к непреднамеренному расширению государственной власти. Накопление путем перемещения - часть этой истории. В нем экспроприация рассматривается как общественное благо (Прудон, 1995; Харви 2005), поскольку обоснование принятия было сочтено необходимым в соответствии с давним пониманием того, что надлежащая правовая процедура требует уведомления и возможности быть заслушанным нейтральным лицом до лишения свободы. Применение силы для изменения порядка использования во имя общественного блага рационализирует конфликт между индивидуальными и коллективными интересами и укрепляет право собственности, закрепляя его в законе. Проблема слишком сильного государства решается путем ограничения вмешательства государства в частные дела путем наложения нормы об обязательствах по социальному обеспечению на право собственности (Александр, 2006). Общепринятая точка зрения выявляет созидательно-разрушительные тенденции в общественных отношениях, которые эффективно регулируются стабильной государственной властью. Цель состоит в том, чтобы изменить толкование закона. Судьи принимают решения по делам, основываясь на своем понимании того, что говорится в законе. Они полагаются на юристов, которые приводят их к обоснованным результатам. Информированное принятие решений - лучший советчик. В настоящее время неолиберализм прочно укоренился в политической экономике, сосредотачиваясь на накоплении капитала, предпочтении элит и попустительстве эксплуатации трудящихся и бедных (Альбо, 2002).

Неолиберализм связан с накоплением капитала посредством перераспределения ресурсов и изменения порядка их использования. Перераспределение направлено не на исправление неравенства, а на повышение эффективности и полезности. Кризис капитализма и его потребность в утилитарном реагировании дали волю неолиберальным теоретикам, которые утверждали, что фокус политической экономии должен быть смещен с социального обеспечения на сокращение расходов и жесткую экономию. В прошлом в качестве оправдания изъятий приводилась необходимость ощутимого общественного использования. Оправдать изъятия было сложнее, чем сегодня. Легитимность государственной экспроприации заключается в понимании того, что цели общественного благосостояния действительно выгодны. Распределение и эффективность сопоставляются с идеологическим предпочтением автономии и социального обеспечения. Общепринятое мнение гласит, что санкционированные государством изъятия являются социально оптимальными решениями проблем. Несмотря на то, что может быть причинен некоторый вред, большее благо оправдывает это. Если разумно рассчитать, что лишение создает общественное благо, тогда это законно. В прошлом общественное использование было общественным в прямом смысле этого слова. Сегодня это понятие расширено и означает общественную цель, которая каким-то образом приносит пользу обществу (Дэвис, 2010).

Неолиберализм в его практической форме является реинкарнацией либерального капитализма XIX века, основанного на принципе невмешательства, который поощряет свободную рыночную деятельность и поддерживает главенство рынка (McCluskey, 2003). Государство активно поддерживает экономическое развитие, стабилизирует инвестиции, принимает меры для сглаживания экономических циклов с помощью дефицитного финансирования, способствует

прибыльному финансированию исследований и разработок, стимулирует платежеспособный спрос за счет перераспределения доходов и финансирует реконструкцию инфраструктуры для снижения затрат на воспроизводство и стимулирования накопления капитала (Дэвис, 2010). Связь между государственными обязательствами и доходами перестраивается в пользу полезности.

Неолиберализм — это решение кризиса эффективности капитала, основанное на идее, что уменьшение роли и размера государства может восстановить экономическую прибыльность. Критики утверждают, что увеличение влияния государства и полномочия по вмешательству в частные экономические дела не только улучшают экономические показатели, но и являются единственным средством борьбы с замедлением экономического роста (Дэвис, 2010). Дэвис (2010) отмечает, что неолиберализм разрушает социальное государство и дестабилизирует защиту прав собственности, поощряя переформулировку в пользу полезности. Возможность того, что такие права должны быть перераспределены, означает, что они не могут быть гарантированы. Парадокс в этом заключается в том, что это одно из многих неразрешимых противоречий неолиберализма (Гибсон, 2010), который основан на фундаментально ошибочных предположениях (Clarke, 2004).

Согласно общепринятому пониманию неолиберальной идеологии, оптимальный механизм экономического развития заключается в открытых и нерегулируемых рынках, свободных от вмешательства государства (Бреннер и Теодор, 2002). Исходя из этой предпосылки, государство поощряет права собственности одних и ограничивает права других. Осуждение экспроприации основывается на неолиберальном видении утопического нарратива, в котором так называемые идеальные типы — абстрактные конструкции и мысленные эксперименты — подчеркивают особенности социальной реальности, которые приводят к возможным изменениям производственных отношений (Джессоп, 2002). Однако нереалистично полагать, что саморегулирующиеся рынки всегда ведут к экономическому процветанию. Как утверждает Джессоп (2002), более практичное толкование заключается в том, что неолиберальные структуры зависят от ранее доминировавших социальных структур и возникают из них. Это согласуется с идеей реально существующего неолиберализма, который отличается от своей чистой формы. То есть рынок не полностью отделен от общества, но, напротив, зависит от культурных влияний. Он также зависит от государственного регулирования и поддержки. Бреннер и Теодор (2002) описывают, как реально существующий неолиберализм существует в унаследованных рамках институциональной организации, экономического регулирования и политической борьбы, которые формируют и выражают конфликты в политической экономике.

Конфликты требуют постоянной реструктуризации социальных систем для стабилизации. Экономическая и социальная свобода идеологически связана с личной автономией. Как утверждает Джессоп (2002), экономическая, политическая, и социальные отношения становятся более эффективными благодаря свободному выбору рациональных субъектов, стремящихся продвигать свои личные материальные и социальные интересы в рамках, максимально обеспечивающих их свободу.

Неолиберализм изначально развился из классической работы А. Смита. Концепции разделения труда и «невидимой руки» описывают, как свобода ведет к процветанию, а либерализм означает предоставление естественным силам рынка решать, как распределять скудные ресурсы для создания полезности. Полезность заключается, таким образом, в том, что это становится достоянием общественности. Защита прав собственности, тем не менее, остается предметом судебного разбирательства. Суды стремятся к достижению эффективных и справедливых результатов, поскольку они несут ответственность за свои решения.

Положения об экспроприации в контрактах защищают инвесторов от убытков в случае поглощения; но, если поглощение является надлежащим, его невозможно избежать. Мотивы интереса и справедливости иногда противоречат друг другу, но общепризнано, что справедливость является необходимым элементом всех действий (Гроций, 2001). Легитимность является производной от

предотвращения преступности и травматизма (Grotius 2001), который связывает действия государства с общественным благом.

Неолиберализм преподносится как решение кризиса капитализма, способствующее социальному прогрессу путем усиления либерализации, дерегулирования производственных отношений и облегчения экономической деятельности (Джессоп, 2002).

Что непоследовательного в неолиберализме, так это то, что он защищает права собственности, в то же время оправдывая вмешательство государства и перемещение для изменения порядка использования. У обездоленных остается право требовать возмещения ущерба — личное право на возмещение ущерба, установленное договором или причинением вреда (Гроций, 2001).

Как описывает Александер (2006), существует тесная связь между правом собственности и обязательством. Собственность была создана для того, чтобы уравновесить право собственности и обязательства, и, как правило, это право собственности уступает место при возникновении серьезного конфликта (Гроций, 2001). Норма обязательства отдельных лиц перед своим сообществом в области социального обеспечения — это моральное чувство, вытекающее из культуры и традиций, которое ценит естественные связи человека с обществом. Обязанность владения связана с обязательствами перед обществом.

Цель повышения эффективности требует более рационального распределения ресурсов. Неолиберализм не приведет к повышению экономического благосостояния для всех — кто-то выиграет, кто-то проиграет. Факт остается фактом: неолиберализм опирается на свободный рынок как на основной механизм эффективного преобразования производственных отношений. Это философия политической экономии, которая способствует приватизации, отмене правил, препятствующих свободному рынку, сокращению дефицита и устранению барьеров в торговле в глобальном масштабе. Государство использует закон для достижения рыночной рациональности (Fiss, 2001) и признания обществом. Роль закона заключается в определении и защите прав частной собственности (Глиनावос, 2008), чтобы у людей оставалась мотивация к производству. Закон не самодостаточен, скорее, это зависимая сфера социальной активности.

После упадка кейнсианства и усиления неолиберализма в центре внимания государства оказались эффективность и накопление частного капитала. Принимая неравенство как неизбежность, неолиберализм порождает скептицизм по поводу того, могут ли когда-либо быть реализованы цели перераспределения, надежды на гендерное равенство и решение экологических проблем. Главной целью является экономическое развитие, а обеспечение социального обеспечения является второстепенной задачей. Справедливое и продуктивное общество должно служить обоим интересам — способствовать процветанию и уважению отдельных лиц и общества в целом.

Соответственно, задача закона - поддерживать справедливые правила, способствующие свободе. Если отсутствует подотчетность или стремление к выработке политики в своих интересах, общественная поддержка ослабевает, а легитимность теряется. То есть современный свободный рынок строго регулируется, и свобода выбора допускается, но в определенных рамках. Свободный рынок ведет к неравенству, но это не является желаемым результатом. Все участники рынка имеют равное право на конкуренцию и успех. Однако непреднамеренное последствие предпочтения одних лиц другим с целью поощрения более широкого и результативного использования приводит к неравенству в правах (Глиनावос, 2008). Прудон (1995) решительно возражал против этого, утверждая, что идея неприкосновенности собственности (абсолютного права на владение) несовместима с равенством как таковым. Все должны иметь равные жизненные шансы, поддерживаемые законом, для достижения успеха, измеряемого самореализацией и накоплением капитала. Это противоречие заключается в том, что каждый может добиться успеха, когда успех одного явно является результатом экспроприации у другого. Принудительная сила государства воплощена в правах собственности. Конфликт разрешим, если рассматривать юридические права на собственность как временное делегирование государственных полномочий частным лицам, подлежащее ограничению и даже

расторжение договора на основании использования. Государство обеспечивает соблюдение прав собственности или экспроприирует их в своих интересах по своему усмотрению. Естественные и свободные рынки способны узаконить открытую структуру собственности, что требует учета экономических последствий определенных действий государства. Суды разрешают конкурирующие иски в интересах общественного блага. Улучшение качества общественной жизни происходит в результате переоценки роли государства в формировании экономической политики и объединения воли населения для осуществления совместного управления (Глиनावос, 2008). Политическая экономия определяется теми, кто ее контролирует (Акрам-Лодхи, 2007). Понимание социальной власти и привилегий требует, чтобы были ясны условия, при которых права собственности предоставляются отдельным лицам и социальным классам (Акрам-Лодхи, 2007). Передача прав собственности — это государственная политика фаворитизма, которая несовместима с надлежащей правовой процедурой. Акрам-Лодхи (2007) описывают это так: возникающие социальные отношения, вытекающие из замкнутости, отражают процессы, которые выходят за рамки простой передачи прав собственности. Капиталистический способ производства иногда требует санкционированного вмешательства государства в форме принудительной экспроприации. Элиты контролируют производителей и эффективно влияют на процессы принятия государственных решений включая методы экспроприации. Элиты заимствуют государственную власть (она делегируется им) для продвижения частных интересов. Например, элиты находят способы устранения социальных барьеров и других видов ограничений на свободном рынке (Акрам-Лодхи, 2007). Они концентрируют свои интересы, исключают других и отбирают у тех, у кого могут отнять безнаказанно (Прудон, 1995). Неолиберальное накопление капитала — это средство принудительного лишения определенных людей доступа к общественному богатству, чтобы предоставить это богатство немногим избранным (Акрам-Лодхи, 2007). Парадоксально, что свободный рынок требует вмешательства государства для изменения порядка использования в сторону большей полезности, но, похоже, сила закона необходима для регулирования развития социально ответственным образом. Как утверждает Фисс (2001), закон — это инструмент изоляции, который используется для маргинализации и даже обнищания, продуктивная деятельность, направленная на то, чтобы приносить пользу одним людям за счет других.

Права человека основаны на индивидуализированном социальном обеспечении. Права человека и общественное благо взаимосвязаны. Как отметил Берлин (2008) в своем описании свободы, независимости, саморазвития и самодостаточности человека, все это связано со способностью владеть собственностью, а собственность способствует общественному благу. Берлин (2008) признал, что государство обладает полномочиями по повышению производительности, но оно ограничено необходимостью не допускать чрезмерного вмешательства в автономию. Определение границы надлежащего вмешательства — это вопрос закона, но также и вопрос социальной теории взаимоотношений между государством, обществом и экономикой. Когда именно санкционированное государством вмешательство необходимо и достаточно? Не столь уж новое наблюдение о том, что изъятия вызывают недоумение, поскольку правовые нормы расплывчаты и отражают глубоко укоренившиеся социальные разногласия по поводу того, в какой степени собственность должна регулироваться (Arlyck 2007). В 1800-х годах общественная мысль явно отошла от господствующего понимания собственности, основанного на естественном праве (Хорвиц, 1992). Таким более просвещенным подходом был инструментальный позитивизм, согласно которому санкционированное государством присвоение является законным использованием власти. Полезность лежит в основе представлений о праве, которое является инструментом содействия общественному порядку и прогрессу. Полезность — это общественное использование (Kleeger, 2011). Как утверждает Хорвиц (Horwitz, 1992), в судебной практике по взысканиям полезно проводить различие между частичным и существенным взысканиями. Например, если влияние поглощения на права собственника существенно, то уместно использование силы отчуждения, но

если влияние ограничено или частичное, то уместно использование силы регулирования (Horwitz, 1992). Это различие важно, потому что нормативные акты не требуют компенсации, в отличие от экспроприации (Arlyck, 2007). Конечный результат один и тот же — права собственника нарушаются в обоих случаях, но в разной степени. Александер (2006) утверждает, что конституционное положение о собственности обеспечивает решение в той мере, в какой оно обеспечивает усиленную защиту прав собственника. Государство с меньшей вероятностью санкционирует изъятие, если оно должно заплатить высокую цену за изъятую собственность. Есть свидетельства того, что многие социальные системы поддерживают права собственности, не нуждаясь в конституционной защите (Александер, 2006). Решение этой проблемы заключается в более эффективном управлении накоплением капитала. Судебное усмотрение ограничивает полномочия государства по вмешательству в права частных лиц в строго определенных обстоятельствах. Содействие общественному благу является мерой законности. Собственность необходима, чтобы обеспечить стабильность в социальных отношениях, но и защита от чрезмерной демократизации необходима для того, чтобы государство могло вмешиваться в неотложные дела.

Сторонники социального обеспечения рассматривают права собственности как препятствие на пути прогрессивных реформ. Александер (2006) объясняет, что сторонники прогресса выступают против ограничений, потому что они хотят провести реформы, направленные на более справедливое перераспределение земли, и потому что они утверждают, что усиление защиты прав собственности препятствует обеспечению справедливости. Он приходит к выводу, что усиленная конституционная защита собственности не является необходимой, поскольку именно культура изменяет законы, а не юридические предписания (Alexander, 2006). Решение о включении в конституцию положения о собственности является признаком консенсуса в отношении поддержки определенных прав в данный момент времени. Как отмечает Александер (2006), анализ заключается в понимании первоначальных намерений законодателей, но в изменении их в соответствии с текущими условиями. Если собственность обычно уважается, нет необходимости в усиленной защите. Если консенсус допускает посягательство, оговорка о собственности бесполезна.

Концепция накопления путем перемещения (Araghi, 2000) эквивалентна концепции накопления путем лишения собственности (Harvey, 2005). Тезис о приватизации в рамках закона, описанный здесь, утверждает, что накопление капитала путем санкционированного государством перемещения является первоначальным накоплением, которое было достигнуто тайно в рамках правового режима под предлогом использования в общественных целях (Араги, 2010; Клигер, 2011). В результате экономика заставила общество признать, что получение прибыли является приемлемым. Неoliberalизм — это разработка этой реальности. Араги (2009b) объясняет это так: neoliberalизм — это просто еще один ответ на острые противоречия послевоенного кейнсианства.

Современные подходы к экономическому развитию лучше понимаются в контексте мировой истории. Ключом к пониманию нынешнего статуса законодательства о доходах является осознание того, что изменения в законодательстве обусловлены расширением значения того, что представляет собой общественную цель. На эволюцию права влияют следующие факторы: феномен накопления за счет перемещения. В этом отношении принятие мер является рецептом для разрешения масштабных и глубоких экономических, политических и социальных кризисов. Зарождающийся процесс накопления за счет перемещения, возможно, является величайшей глобальной проблемой из всех существующих (Араги, 2000).

Инвестиции в развитие представляют собой контрмобилизацию капитала в условиях режима neoliberalной приватизации. Как утверждают многие теоретики, первоначальное накопление периодически проявляется в виде циклически повторяющейся потребности в снижении стоимости рабочей силы для ускорения накопления капитала в периоды кризисов или экономической стагнации (Harvey, 2005; Foster et al., 2011). Частное использование полномочий по экспроприации является доказательством происходящей в настоящее время приватизации закона и государства.

При неолиберализме определение того, что представляет собой общественное пользование, теперь расширено. Изъятие является средством нарушения прав собственника. Некоторые утверждают, что неолиберализм негативно повлиял на законодательство о землепользовании, утверждая, что оно обращает вспять прогрессивные, социально полезное выражение нормы об обязательствах по обеспечению социального обеспечения, описанной Александром (2006). Другие считают, что неолиберализм просто отражает более приемлемый баланс между обязанностями и правами отдельных лиц и государства (Марглин, 2008).

Далее анализ показывает, что ограниченные экономические ресурсы и несовместимые социальные приоритеты приводят к трансформации права. Выдвинутый здесь тезис предполагает, что приватизация права является ответом на кризис капитализма. Если все это соответствует действительности, то предложенные предположения будут правильными в других сценариях.

Теория перераспределения при капитализме подразумевает, что изъятия, направленные на повышение эффективности использования земли, оправдывают вмешательство государства в права собственников, поскольку такие изъятия смягчают разрушительные тенденции саморегулирующегося рынка (Harvey, 1975). Сотрудничество сглаживает конфликты, в то время как конкуренция обостряет их. Государство вмешивается в ситуацию, когда рынки испытывают трудности с обеспечением их бесперебойного функционирования. Государство создает или отменяет монопольные условия для обеспечения производства. Вмешательство государства может быть необходимым и надлежащие действия по смягчению последствий неустойчивого рынка, однако такие действия могут также ненадлежащим образом поощрять незаконный фаворитизм. Как утверждает Харви (Harvey, 1975), вмешательство государства может быть экономической необходимостью, поскольку конкуренция приводит к неравномерному распределению доходов; но вмешательство государства также может исправить дисбаланс. В настоящее время капиталистическое общество состоит из смеси элементов рынка и социального обеспечения. Как объясняет Харви (Harvey, 1975), социальное обеспечение не устранил промышленную резервную армию или использование первоначальное накопление направлено на исправление дисбалансов в производственных отношениях, поскольку вмешательство государства создает доверие к производственным отношениям, что необходимо для выживания индивида, сообщества и государства. Доминирующие институты капиталистического общества обеспечивают противодействие дегуманизирующему воздействию рынков (Harvey, 1975). Сообщество основано на взаимном уважении и поддержке других, что смягчает превращение человеческих отношений в товар, вызванное несправедливым рыночным обменом, основанным на конкуренции.

С точки зрения методологии и исторического контекста немецкая ветвь неолиберализма сформировалась под влиянием традиций исторической школы, акцентируя своё внимание на анализе реальных практик и исторических особенностей развития разных экономических систем. Она предложила идею «социального рыночного хозяйства», объединяя принципы свободного рынка с защитой социальных интересов и необходимостью активного участия государства в формировании условий для честной конкуренции. Для немецких учёных важнее структура рынка и институты, обеспечивающие эффективную конкуренцию. Вместо того чтобы сосредоточиться на реакции отдельных игроков, они исследуют саму природу конкурентной среды и её способность создавать оптимальные условия для экономического роста и социальной справедливости. Немецкие специалисты предлагают гораздо более обширный арсенал политических инструментов. К ним относятся стабилизационная политика (управление экономическими циклами), структурная политика (поддержка перспективных отраслей и регионов), социальные программы (обеспечение социальной защищённости) и активная борьба с монополиями. Государство рассматривается как активный участник процесса формирования эффективных рынков, способствующий устойчивому росту и решению социальных проблем. Немецкое направление видит в государстве постоянного партнёра и помощника рынка. Оно активно участвует в создании необходимой инфраструктуры, стимулирует конкуренцию, инвестирует в образование и здравоохранение, поддерживает

малые предприятия и обеспечивает социальный прогресс, таким образом формируя основу для долгосрочной устойчивости экономики.

Английский неолиберализм наследует идеи классического либерализма, сосредоточиваясь на разработке абстрактных моделей и общих закономерностей поведения отдельных субъектов рынка. Здесь первостепенное значение придаётся поведению индивидуальных потребителей и производителей, особенно в условиях неполноценной конкуренции. Основное внимание британских исследователей направлено на изучение механизмов принятия решений отдельными участниками рынка и способов их адаптации к изменениям внешней среды, включая влияние налогов, ценовой динамики и регуляторных ограничений. Они стремятся понять, как рынок функционирует на уровне индивидуального выбора. В рамках британской традиции господствует идея минимального вмешательства государства в работу рынка, предпочитающего регулировать лишь денежные потоки и поддерживать стабильность финансовой системы. По мнению представителей этого подхода, задача государства ограничивается созданием необходимых правовых рамок и борьбой с негативными последствиями чрезмерной концентрации капитала. Согласно британскому варианту, государство вмешивается в экономику только тогда, когда возникают проблемы с функционированием свободных рынков (инфляция, дефицит бюджета, нарушение условий конкуренции). Его роль сводится к устранению негативных последствий нарушения рыночных процессов и восстановлению баланса.

Немецкий неолиберализм отличается большим разнообразием инструментов экономической политики и стремлением интегрировать социальные ценности в функционирование рыночной экономики, в отличие от британского варианта, основанного на классическом либеральном подходе, минимизирующего роль государства и полагающегося на свободу выбора и самоорганизацию рынка. Эти направления представляют различные теоретические концепции, от марксистской критики капитализма до либерально-кейнсианских моделей, которые позволяют провести глубокий междисциплинарный анализ взаимоотношений права, экономики и политики в историческом контексте в зарубежных странах.

Заключение

Современное право во многих зарубежных странах стало инструментом реализации частного интереса под прикрытием лозунгов публичного блага. Это позволяет элите накапливать богатство за счёт подавления гражданских свобод и имущественных прав простых граждан. Государство всё чаще действует как частная корпорация, стремясь максимизировать прибыли от владения ресурсами и игнорируя последствия для населения. Однако неолиберальная экономическая парадигма часто вступает в противоречие с задачами социально-экономического прогресса, опирающегося на последние технологические достижения. Работа важна для понимания того, как право превращается в инструмент господства капиталистической системы, обслуживающей частные интересы. Современные законы о принудительном отчуждении (*eminent domain*) стали способом присвоения ресурсов государственными органами в пользу избранных коммерческих субъектов. Такие процедуры становятся удобным механизмом для ускорения экономического роста, даже если это сопровождается нарушением индивидуальных прав собственников. Государство активно вмешивается в экономику, переопределяя правила пользования собственностью таким образом, чтобы поддержать рост корпоративного сектора. Законодательство и судебная система служат для поддержания системы, ориентированной на экономический успех небольшого числа бенефициаров.

Накопление капитала происходит за счёт нарушения принципа личной автономии и принуждения владельцев передавать своё имущество государственным органам и крупным предприятиям. Эта ситуация отражает разрыв между формальным провозглашением равенства и фактическим существованием привилегий среди небольшой группы лиц. Идеологический аппарат формирует представление о том, что такие мероприятия являются необходимыми для устойчивого развития общества. Тем не менее, реальные выгоды достаются лишь ограниченному кругу заинтересованных сторон, тогда как большая часть населения страдает от ухудшения жилищных условий и снижения

уровня жизни. Политика неолиберализма ведёт к ослаблению социального государства и сокращению мер социальной защиты. Параллельно усиливается поддержка крупного бизнеса, что способствует углублению неравенства и созданию благоприятных условий для накопления капитала. Подчеркивается необходимость дальнейшего изучения изменений, направленных на восстановление равновесия между публичными целями и экономическими интересами отдельных граждан.

В исследовании предпринята попытка раскрыть трансформационную функцию неолиберального дискурса, показать, какие трансформации претерпевают государственные и демократические институты на пути превращения их в неолиберальную модель.

Вместе с тем, несмотря на существующее многообразие аналитических и критических исследований, касающихся изучения неолиберализма, ряд вопросов еще нуждается в дополнительном теоретическом освещении. К таковым, на наш взгляд, относятся исследование проблемы социальной справедливости в контексте политики неолиберализма и неолиберализма в качестве фактора, оказывающего существенное воздействие на трансформацию современного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Albo G. «Neoliberalism, the State, and the Left: A Canadian Perspective» // *Monthly Review* - 2002. - № 1 (54), 46-55.
2. Alexander G. S. *The Global Debate over Constitutional Property: Lessons for American Takings Jurisprudence*. Chicago: University of Chicago Press, 2006.
3. Araghi F. «Crisis of «Long Keynesianism»» // *Economic & Political Weekly*. - 2010. - № 4: 39-41.
4. Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of our Times*. New York: Verso, 2006.
5. Bodrunov, S. D. *Civilizational Fork in our Time and Development Alternatives* / S. D. Bodrunov // *Economy of Regions*. – 2025. – Vol. 21, No. 1. – P. 61-69. – DOI 10.17059/ekon.reg.2025-1-5. – EDN QQUMFQ.
6. Brenner N., Theodore N. «Cities and the Geographies of «Actually Existing Neoliberalism»» / *Antipode*, 2002. – p. 350-379.
7. Clarke S. «The Neoliberal Theory of Society» / In *Neoliberalism: A Critical Reader*, edited by Alfredo Saad-Filho and Deborah Johnston, London: Pluto Books 2004. – p. 48-56.
8. Coase R. H. «The Problem of Social Cos» // *Journal of Law and Economics*, 1960. № 3. – p.1-44.
9. Dean M. Foucault and the Neoliberalism Controversy // *The SAGE Handbook on Neoliberalism* / D. Cahill, M. Konings, M. Cooper, D. Primrose (eds). L.: SAGE, 2019. P. 40-54.
10. Finch M. S. «Choice of Law and Property» // *Stetson Law Review*, 1996. - № 1 (26) p. 257-99.
11. Fiss O. M. «The Autonomy of Law» // *Yale Journal of International Law*, 2001. - № 26. – p. 517-26.
12. Glinavos I. «Neoliberal Law: Unintended Consequences of Market-friendly Law Reforms» // *Third World Quarterly*, 2008. - № 6 (29). - p.1087-1099.
13. Gold D. M. «Eminent Domain and Economic Development: The Mill Acts and the Origins of Laissez-Faire Constitutionalism» // *Journal of Libertarian Studies*, 2007. - № 2 (21). – p.101-122.
14. Corrigan P. Sayer D. *The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution*. UK: Basil Blackwell, 1985.
15. Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. New York: Oxford University Press, 2007.
16. Hasnas J. «Legal Pluralism, Privatization of Law and Multiculturalism» // *Theoretical Inquiries in Law*, 2008 № 2(9): 529-52.
17. Hayek F. *Economics and Knowledge* / New York, 1981.
18. Horwitz M. J. *The Transformation of American Law, 1780-1860*. London: Oxford University Press, 1992.
19. Jameson F. *Five Theses on Actually Existing Marxism*. *Monthly Review*, 1996. - № 11(47) (April). – p. 1-10.
20. Jessop B. «Liberalism, Neoliberalism, and Urban Governance: A State-Theoretical Perspective» // *Antipode*, 2002. - № 3(34). -p. 452-472.
21. Kelly D. B. «Pretextual Takings: Of Private Developers, Local Governments, and Impermissible Favoritism» // *Supreme Court Economic Review*, 2009. - № 17. – p.173-235.
22. Kleeger J. «Blight Makes Right: Utilization as Public Use» // *The Urban Lawyer*, 2011. - № 3(43). – p. 889-900.
23. Luhmann N. *A Sociological Theory of Law*. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
24. Marx K. *Capital Volume I: A Critique of Political Economy*. New York: Penguin Books, 1990.
25. Louvill O. A Review on Monbiot G. «Neoliberalism - the Ideology at the Root of All Our Problems» / O. Louvill // *RUDN Journal of Public Administration*. – 2023. – Vol. 10, No. 1. – P. 144-149. – DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-1-144-149. – EDN BJTZTS.
26. Mortimer C. *What Neoliberals Believe* // *Exponents*. 28.01.2021. URL: <https://exponents.substack.com/p/what-neoliberals-believe>.
27. McCluskey M. T. «Efficiency and Social Citizenship: Challenging the Neoliberal Attack on the

Welfare State» // *Indiana Law Journal*, 2003. - № 78. – p.783-878.

28. McMichael P. *Development and Social Change: A Global Perspective*. 2nd ed. Thousand Oaks, VA: Pine Forge Press, 2000.

29. Parsons T. *The Social System* / New Orleans: Quid Pro Books, 1978.- p.104.

30. Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Translated by Arthur Goldhammer. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2014.

31. Proudhon P. J. *What is Property? An Inquiry into the Principle of Right and of Government* / Charlottesville, VA: University of Virginia, 1995.

32. Ramírez, L. D. *Convergencia de partidos políticos y políticas neoliberales en Latinoamérica*, EE.UU. Y Europa / L. D. Ramírez, M. I. Picazo Verdejo, A. Sánchez Andrés // *Iberoamerica*. – 2023. – No. 1. – P. 125-151. – DOI 10.37656/s20768400-2023-1-06. – EDN PLMBFI.

33. Schultz D. «Evaluating Economic Development Takings: Legal Validity versus Economic Viability» // *Albany Government Law Review*, 2011. - №4. – p.186-211.

34. Schumpeter J. A. *Capitalism, Socialism and Democracy* / London, UK: Harper, 1975.

35. Sen A. *Development as Freedom* / NY: Anchor Books. 1999.

36. Soto H. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else* / NY: Basic Books, 2000.

37. Skinner D., Feldman L. «Eminent Domain and the Rhetorical Construction of Sovereign Necessity» // *Law, Culture and the Humanities*, 2012.- № 1.- p.21.

38. Steinberg M. W. «Capitalist Development, the Labor Process, and the Law» // *The American Journal of Sociology*, 2003. - № 2(109). – p. 445-495.

39. Stiglitz J. E. *Globalization and its Discontents* / NY: W. Norton. 2003.

40. Tamanaha B. Z. *Realistic Socio-Legal Theory: Pragmatism and a Social Theory of Law* / Oxford, UK: Clarendon Press, 1997.

41. Venugopal R. *Neoliberalism as Concept* // *Economy and Society*. 2015. Vol. 44. № 2.

42. Weber M. «Politics as a Vocation» / *Max Weber: Essays in Sociology*, edited by H. H. Gerth and C. Wright Mills, 77-128. NY: Oxford University Press.

Economic development and public welfare in the system of public relations of foreign countries (comparative-historical approach)

Elkin Stanislav Evghenievich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: elkin-se@ranepa.ru

Reutova Irina Mikhailovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: reutova-im@ranepa.ru

Elkina Olga Sergeevna

Doctor of Economic Sciences, Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: elkina-os@ranepa.ru

KEYWORDS

economic development, public benefit, efficiency, neoliberalism, comparative historical approach, needs, public relations

ABSTRACT

The study discusses the scientific directions that determine the attitude to the effective use of public goods in foreign countries, if necessary, its redistribution in the case of a choice between individual (private) and public benefits. Based on the application of a comparative historical approach, the study proves the existence of a link between economic development and the public good. The method is used to describe the neoliberal transformation of law. Attention is focused on the impact of income when making decisions about the redistribution of goods and is determined by their intermediate location at the intersection of economics, politics and social relations. During the discussion, the opinion is substantiated that economic development is not always a public good, since in many cases it reduces the income of private owners. It is concluded that the public use of a good (asset) should not be reduced to private benefit. The question of the legitimacy of the claim that the state contributes to the public good when it regulates their use is formulated. Redistribution of benefits is considered in the context of using state power to achieve the goals of redistribution of benefits, which cannot be achieved in any other way. The thesis is put forward that the state applies the law as a justification for the redistribution of benefits in the interests of satisfying public-private interests. This thesis explains how the law and the state are subordinated to private interests. A comparative historical approach has been used as a methodological basis, which makes it possible to identify patterns of legislative development in response to social changes in the historical context and changes in legislation related to the development of the concept of public utility. The approaches used in economics, sociology, and political science in the study of public relations present different but equally convincing points of view on the problem under study, which makes it necessary to further study the problem of effective use of the public good.

Содержательные аспекты категории «профессия»: генезис и современное состояние

Чуб Анна Александровна

Доктор экономических наук, доцент,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: aachub@fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

профессия, специальность, квалификация, разделение труда, подготовка кадров, профессиональные стандарты

АННОТАЦИЯ.

В статье исследована эволюция категории «профессия» в контексте взаимосвязи с системами подготовки квалифицированных кадров в отечественной и зарубежной практике. Уточнена ее сопряженность с такими категориями как «специальность», «компетенция», «квалификация», «профессиональный стандарт», «образовательный стандарт». Установлено, что генезис исследуемой категории отражает ход развития современного общества, его укладов, в том числе связанных с разделением труда и появлением занятости по найму, формированием финансово-экономической, образовательной и научной инфраструктуры, а также структуры занятости в сфере материального и нематериального производства. Выявлено, что на современном этапе как в западных странах, так и в национальной экономике под влиянием научно-технического прогресса компетентностная база профессий расширилась, в их рамках стали появляться специальности, т.е. конкретные области знаний, умений, навыков, прочих способностей в рамках конкретной профессии. Также для текущего периода характерна практически повсеместная институализация профессиональных квалификаций, в том числе, связанная с трансформацией общественных отношений, политического переустройства социумов и появлением новых форм занятости. Отмечено, что после внедрения Болонской системы в Российской Федерации профессиональные стандарты и Общероссийский классификатор задают структуру и перечень направлений подготовки, а ФГОС определяет, как именно реализуются образовательные программы в рамках этих направлений. Введение профессиональных и образовательных стандартов привело к трансформации содержательно-смыслового наполнения категорий «профессия» и «специальность», которые в большей степени стали пониматься как квалификация (т.е. набор знаний, умений, профессиональных навыков и опыта), а не как вид трудовой деятельности. Указано, что в настоящее время в институциональном базисе отечественной системы профессиональной подготовки имеются существенные недостатки, требующие реформирования.

JEL codes: A01; B52; I25

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-48-61>

Для цитирования: Чуб, А.А. Содержательные аспекты категории «профессия»: генезис и современное состояние / А.А. Чуб - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.48-61. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

В настоящее время в высшем образовании Российской Федерации взят курс на проведение образовательной реформы, которая по словам Президента РФ В.В. Путина должна стать «синтезом всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий» [1]. Актуальность реформационных преобразований в системе высшей школы, обусловлена социально-экономическими, политическими, институциональными и рядом других причин, в том числе необходимостью реализации стратегических приоритетов и укрепления национальной безопасности государства [2]. В указанном Президентом контексте она поддерживается руководством страны, а

также научным и бизнес-сообществами. Так, П.М. Курдюк и Н.В. Павлов, проведя сравнительный анализ обучения по специальности юрист согласно программам Болонской системы и СССР, пришли к заключению, что «система контроля образования в советский период характеризовалась с позиции большей эффективности, понятности и прозрачности», тем самым обосновав «важность отказа от Болонской системы, и возврата к традиционной базовой подготовке специалистов в высших учебных заведениях» [3]. Значительное количество специалистов подчеркивают еще один важный аспект проблемы современной системы подготовки квалифицированных кадров в России – наличие разрыва между образовательными и профессиональными стандартами [4-6].

В ходе реформирования предполагается устранить указанные недостатки следующим образом. Во-первых, будут введены такие уровни высшего образования как: «базовое высшее образование, специализированное высшее образование и уровень профессионального образования (аспирантура) со сроком освоения программ базового высшего образования составит от четырех до шести лет, программ магистратуры специализированного высшего образования – от одного года до трех лет в зависимости от направления подготовки, специальности и (или) профиля подготовки либо от конкретной квалификации, отрасли экономики или социальной сферы» [7]. Во-вторых, планируется выделить три вида магистратуры: исследовательскую, профессиональную и управленческую [8].

Предусмотренные изменения найдут отражение и в замене терминологии. В частности, будет исключено понятие «бакалавриат», выступающего одной из базовых категорий Болонской системы высшего образования и возвращен термин «специальность». По словам вице-премьера Д.Н. Чернышенко «выпускники вузов будут специалистами в различных областях» [9]. Таким образом, в отличие от бакалавров в дипломе выпускников уровня базового высшего образования будет указана конкретная специальность, например «юрист» или «экономист». Также в своем выступлении вице-премьер отметил, что подготовка специалистов будет поддержана развитием системы профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет» [9].

На основании вышеизложенного цель настоящей статьи – исследовать эволюцию категорий «профессия» и «специальность» в контексте взаимосвязи с системами подготовки квалифицированных кадров в отечественной и зарубежной практике, на этом основании уточнив их сопряженность с другими значимыми для образовательной реформы категориями, такими как «профессиональный стандарт», «образовательный стандарт», «квалификация», «компетенция».

Методы

В статье использованы исторический и сравнительный методы исследования, позволившие рассмотреть процесс эволюции исследуемых категорий в России и за рубежом, а также различные виды информационного анализа: терминологический, этимологический, контекстуальный.

Результаты

Генезис категории «профессия» в зарубежных странах

Термин «профессия» (от латинского *professio* – публичное, официально указанное заявление [10]) возник достаточно давно и наиболее ранние упоминания о профессии как о деятельности или роде занятий, требующих специальных знаний, умений, навыков, прочих способностей, а также опыта, – встречаются в сохранившихся древнеримских источниках (и в их средневековых апокрифических воспроизведениях древнеримских источников). При этом если в обществе Древнего Рима термин «профессия» использовался в отношении людей, декларировавших себя как публичных деятелей (преимущественно), то в Средние века этот термин изменил свое значение и стал употребляться для обозначения занятий, связанных с церковной деятельностью. В частности, священники, монахи и преподаватели в университетах, которые создавались при монастырях и епископатах, считались людьми, имевшими профессию [11-14].

Здесь нужно отметить, что университеты в Средние века и даже ранее создавались не только в

Западной Европе, но также в Китае и Византии. Однако только западноевропейские университеты присуждали ученые степени, давали право на соискание сана священника или монашеского обета, т.е. давали право заявлять о своей профессии публично с документарным подтверждением этого заявления, поскольку средневековые западноевропейские университеты создавались на корпоративных принципах. Относительно получаемой профессии корпоративные принципы означали следующее [15-17]:

- коллективную организацию, т.е. установление правил профессии, защиту от конкурентов, совместное регулирование рынка труда;

- монополию на профессию, т.е. только участники корпораций (например, выпускники университетов (при епископатах) могли заниматься определенной деятельностью (например, священством и проповедованием, миссионерской деятельностью). Монополия на профессию также была прерогативой других ремесленных корпораций, которые позже трансформировались в мануфактуры;

- контроль исполнения и регулирования стандартов качества, т.е. создавались профессиональные программы обучения, имевшие иерархию, которые предполагали, что человек, прошедший через ту или иную ступень обучения, будут следовать стандартам производства материальной продукции или стандартам оказания нематериальных услуг (в Средневековье это было прежде всего духовное окормление паствы);

- соблюдение внутренней иерархии: низшая степень иерархии – вновь пришедшие на обучение, высшая ступень – мастера и магистры. Мастера были в сфере материального производства, магистры были преподавателями университетов, обучавших вновь пришедших не только духовному служению, но и различным наукам;

- соблюдение этики и норм поведения, т.е. для каждой группы людей, получивших профессию (в университете, либо в ремесленных корпорациях), устанавливались обязательные для соблюдения правила, на основе которых осуществляется не только профессиональная деятельность, но и формируется уклад жизни.

В эпоху Возрождения и последующей реформации католического вероисповедания термин «профессия» получил более широкое распространение и связано это было с появлением гильдий, объединявших людей, специализировавшихся на определенных занятиях, которые уже не были строго связаны с конкретным ремеслом (кузнец, пекарь) или священством, но включали широкий спектр знаний, умений, навыков и прочих способностей, что обусловило появление и способствовало распространению новых областей приложения физического и интеллектуального труда: медицина, право, инженерия, искусство. Поэтому уже к началу XII века профессия ассоциировалась с получением академической подготовки, а люди, прошедшие такую подготовку, официально признавались специалистами, чьи знания в той или иной области подтверждались документом (диплом), а умения, навыки и прочие способности – опытом работы [11, 13].

Таким образом, в западных странах переход от сельскохозяйственного феодального уклада к индустриальному обществу (в XIII и XIX веке) прежде всего обусловил появление новых видов занятости, а, следовательно, и конкретных специализаций в рамках одной профессии. Иными словами, термин «профессия» к началу XX века стал полностью ассоциироваться с квалифицированной занятостью, которая также предполагала наличие определенного социального статуса, этических стандартов и формальной, т.е. документально подтвержденной квалификации. В целом такое определение термина «профессия» сохраняется до сих пор и означает, что человек, имеющий профессию, т.е. работник или соискатель на свободном рынке труда, – получил специальное образование, имеет необходимые (если это требуется) лицензии и сертификаты на осуществление профессиональной деятельности, соблюдает профессиональные и этические стандарты и одновременно с этим претендует на достойную оплату своего труда, а также на комфортные условия работы по договору найма (трудовому контракту и т.п.).

Глобализация, развитие систем образования, появление новых рыночных ниш и потребностей предпринимателей в тех или иных профессиональных работах укладывается в культурно-экономический контекст становления и распространения постиндустриального уклада в современном обществе, где значимы инновации (в широком смысле этого слова) и интеллектуальный труд. Однако в традиционных обществах, которые все еще сохраняются в некоторых мировых регионах, термин «профессия» имеет в большей степени общинные и/или семейные коннотации [18, 19]. Поэтому, употребляя термин «профессия» в дальнейшем, мы будем иметь в виду его трактовку относительно постиндустриальных национальных сообществ и экономик, к каковым, в том числе, относится и Российская Федерация.

Термин «специальность» в экономическом и научном обороте появился позже термина «профессия». Ориентировочно его появление относят к началу индустриального периода развития современного мирового сообщества и мировой экономики (XVIII-XIX век). Наиболее активно этот термин стал использоваться на рубеже XIX и XX века, когда стали появляться специализированные учреждения образования (от латинского *specialis* – особенный, частный [10]), а также стала быстро накапливаться научная и эмпирическая база, что свидетельствовало о необходимости декомпозиции различных наблюдаемых явлений или событий на более простые отдельные компоненты.

В этот же период во многих странах Европы, Северной Америки, некоторых азиатских странах вслед за бурными общественно-политическими трансформациями (в том числе связанные с установлением примата прав человека в любых специальных, экономических, гражданских, бытовых и прочих интеракциях) формируется многоуровневая система образования, которая, однако, могла сохранять элементы сегрегации по какому-либо признаку. Например, в Российской Империи и СССР действовали гласные и негласные правила приема в образовательные учреждения людей тех или иных национальностей, в США сегрегация в образовании основывалась на расовом подходе. До сих пор во многих странах Ближнего Востока действует сегрегация образования по гендерному, а в Индии – по кастовому признаку. При этом на рынках труда многих развитых стран и некоторых постсоветских государств расширяется этническая и гендерная сегрегация [20-23].

Таким образом, увеличение когнитивного и интеллектуального базиса человечества и дальнейшее, все более узконаправленное разделение труда, потребность в повышении эффективности профессиональной деятельности, а также освоение новых географических пространств обусловило появление и институциональное закрепление термина «специальность» в национальных правовых и образовательных системах. Здесь следует упомянуть, что, например, в Германии в начале XIX века уже был создан прообраз современной системы профессионального образования, в том числе углубилось разделение специальностей в научных и инженерно-технических дисциплинах (Реформа Гумбольдта 1809-1810 г.), а также было введено законодательное закрепление профессиональных квалификаций, под которыми, с одной стороны, понимались конкретные знания, навыки, умения, обеспечивающие выполнение профессиональной деятельности и отражающих годность специалиста к какому-либо виду труда (т.е. его компетенции), а с другой – официальное подтверждение профессиональных навыков работника, которые признаются на международном, национальном или отраслевом уровнях [24, 25].

Начало этому процессу было положено в 1871 году и продолжались некоторые реформы до 1918 года. Официальное закрепление понятий, связанных со специальностью, произошло уже в Новой Германии в 1953 году («Закон об организации ремесел»), в 1969 году («Закон о профессиональном обучении») и в 1976 году, когда был принят «Закон о высшем образовании» [26, 27]. Эти три нормативно-правовых акта и по настоящее время формируют основу института профессионально-специального образования. В Германии и, по ее примеру, во многих европейских странах (включая СССР и Российскую Федерацию [28-30]) сложилась централизованная система институализации и регулирования профессионального и специального образования.

Напротив, в США был применен иной подход, основанный на интеграции централизации

и децентрализации. Централизованно на уровне федерального правительства устанавливались правила финансирования, стандартизации и обеспечения равного доступа граждан и неграждан к профессиональному и специальному образованию. Основопологающими здесь являлись четыре федеральных акта: «Закон о профессиональном образовании» (1917 год); «Закон Перкинса о профессиональном и техническом образовании» (1984 с изменениями и дополнениями от 2018 года); «Закон об американских колледжах и занятости» (2007 год); «Закон об инновациях и возможностях в труде» (2014 год). На основе этих и некоторых других федеральных актов каждый американский штат разрабатывал особенную нормативно-правовую базу профессионального и специального образования, в которые полностью имплементированы этические стандарты и стандарты качества, гарантирующие системную, равную и квалифицированную подготовку работников по найму, самозанятых, предпринимателей, инвесторов, государственных служащих [31, 32].

Завершая данный раздел исследования можно сказать, что в экономике западных стран эволюция терминов «профессия» и «специальность» отражает ход развития современного общества, его укладов, в том числе связанных с разделением труда и появлением занятости по найму, формированием финансово-экономической, образовательной и научной инфраструктуры, а также структуры занятости в сфере материального и нематериального производства. Говоря о содержательном наполнении и соотношении исследуемых категорий следует отметить, что термин «профессия» шире по своему объёму и может включать несколько специальностей. В свою очередь специальность – это детализация и конкретизация профессиональной деятельности, базирующаяся на профессиональной квалификации, представляющей собой степень подготовленности специалиста к выполнению определенных трудовой деятельности.

Эволюция категории «профессия» в российском обществе

Становление и распространение профессий, специальностей в российской науке и практике в целом соответствует общемировому тренду (разделение труда, сословия и гильдии, углубление специальностей, появление новых форм занятости, новых профессий и специальностей), однако имеет некоторые особенности. Если в Западной Европе и позже в Новом Свете (Северная Америка) профессии изначально представляли собой институты, разделяющие духовный и прочий труд (в том числе в рамках сословий и гильдий), то в дореволюционной России профессия всегда (или почти всегда) определялась сословным статусом работника, то есть его принадлежностью к одному из четырех сословий:

- 1) дворяне (военная и государственная служба, управление имениями);
- 2) мещане и купцы (ремесленничество, предпринимательство, торговля и услуги);
- 3) крестьяне (и крепостные, и свободные крестьяне занимались сельским хозяйством и обслуживали дворянские поместья);
- 4) духовенство (религиозная служба и образование).

Исходя из того, что население дореволюционной России стратифицировалось по сословному признаку и признаку вероисповедания, то выбор профессии практически всегда предопределялся рождением, а переход между сословиями и профессиями был затруднен. В Древней Руси основные занятия населения – это сельское хозяйство и ремесла. В Средневековой Руси появляются цехи и гильдии, которые объединяли ремесленников одной специальности, но сословный уклад в выборе профессии оставался неизменным.

В Имперской России начало индустриализации (XIII-XIX века) способствовало активизации следующих процессов. Во-первых, формироваться новый рынок труда вследствие отмены крепостного права (1861 год). Во-вторых, сословные и религиозные ограничения стали меньше влиять на занятия населения в экономической сфере, но де-факто такие ограничения, как институт, сохранялись до революции в 1917 году [33, 34].

По мере того, как шло становление системы образования в дореволюционной России, занятия населения стали подразделяться на ремесленные, умственные и управленческие (среди последних

государственная и военная служба) [35, 36]. При этом примат русской православной церкви не позволял считать духовенство ни профессией, ни специальностью, ни трудом. Духовенство оставалось сословием, осуществлявшим религиозное служение и, говоря современным языком, предоставляло услуги по духовному окормлению подданных. Иные виды и формы религий перестали быть официально запрещенными в царствование Екатерины II (XVIII век), но значимой роли ни в занятости населения, ни в его социальной и духовной жизни не играли. При этом православная церковь в Российской Империи долгое время главенствовала в вопросах образования и поэтому никогда образование в имперской России не было полностью светским. Однако с появлением первых университетов доля церковного участия в образовании сократилась и появились возможности для просвещения населения.

Профессиональное образование в Имперской России включало четыре основных направления или институциональных сегмента [36, 37]:

1) общие учебные заведения (школы, гимназии, училища), университеты (вели подготовку кадров для различных отраслей экономики, но в первую очередь давали базовое образование);

2) специальные учебные заведения (семинарии, военные училища, духовные академии, учительские институты) вели подготовку инженерных, педагогических, медицинских, юридических кадров, а также кадров для военной, государственной и гражданской службы;

3) женские учебные заведения (епархиальные училища, высшие женские курсы, институты благородных девиц) были значимым компонентом гендерной образовательной и профессиональной сегрегации. Их задача состояла в подготовке женщин к светской или духовной жизни (епархиальные училища и институты благородных девиц). Появившиеся в конце XIX века высшие женские курсы вели не столько профессиональную, сколько общеобразовательную подготовку женщин. И лишь некоторые высшие медицинские курсы (например, курсы Герье, Бестужевские курсы, Высшие медицинские курсы для женщин) осуществляли профессиональную подготовку кадров.

После революции 1917 года система образования и профессионального обучения была реформирована: отмена всех видов и форм сегрегации и дискриминации, бесплатный доступ и курс на обеспечение всеобщей грамотности позволили достаточно быстро подготовить кадры квалифицированных рабочих, некоторых специалистов и служащих. Однако сохранялся высокий дефицит инженерных, педагогических, медицинских кадров. Частично проблема была решена за счет кадрового аутсорсинга – привлекались специалисты из США, Германии, других стран, которые, в сущности, были капиталистическими, но могли предоставить необходимых работников для закрытия кадрового дефицита и поддержки системы специального и высшего профессионального образования в СССР до начала Второй мировой войны [38-40].

Коренное изменение ситуация в сфере подготовки квалифицированных кадров получила в 50-60-х годах XX века, когда руководство СССР пересмотрело подходы к профессионализации, специализации и квалификации кадров в экономике в связи с активным развитием научно-технического прогресса [41]. Для этого наряду с реформой школьного, среднего специального и высшего профессионального образования были институционально трансформированы подходы к классификации профессий, тарифов оплаты труда, уровней квалификации. В результате в 1969 году были созданы Единый тарифно-квалификационный справочник (ЕТКС) и Квалификационный справочник должностей служащих (КСДС).

Первый был разработан по видам производств и тарифной сетки, предусматривавшей для любой профессии или специальности шесть тарифных разрядов, и первоначально включал более 7 тысяч профессий. Далее в конце 1980-х годов XX века была проведена унификация наименований профессий и специальностей, что привело к сокращению их перечня до 5,6 тысяч позиций. Вместе с тем в отдельных отраслях стали действовать тарифные сетки с десятью разрядами, а появление новых видов экономической деятельности привело к появлению новых профессий. В этой связи в существующих и внесенных в ЕТКС профессиях усиливалась специализация [42]. После распада

СССР и перехода России к рыночной экономике ЕТКС неоднократно пересматривался, дополнялся и обновлялся [43].

В свою очередь КСДС содержал перечни должностей служащих для предприятий и учреждений», а также руководителей и специалистов, занятых инженерно-техническими и экономическими работами на производственных предприятиях. В последующие годы принимались различные дополнения к указанным перечням (например, были утверждены квалификационные характеристики должностей, специфичных для отдельных отраслей народного хозяйства). В итоге, к концу 80-х – началу 90-х годов XX века Квалификационный справочник должностей служащих содержал 551 квалификационную характеристику, в том числе 200 должностей руководителей, 224 – специалистов и 81 технических исполнителей [44].

Применительно к достижению цели настоящей статьи описанная выше специфика ЕТКС и КСДС как нормативных документов, формировавших институциональный базис процессов разделения труда и организации социально-трудовых отношений в советской экономике, позволяет сделать вывод о том, что они:

– регламентировали должностные обязанности и квалификационные требования к рабочим и служащим, тем самым определяя направления развития системы образования и профессиональной подготовки кадров;

– закрепляли соотношение категорий «профессия» и «должность» по двум основным направлениям: 1) ЕТКС применялся для рабочих (которые владели определенной профессией), а КСДС — для руководителей и специалистов (занимавших определенную должность); 2) каждый из справочников включал три раздела: «Должностные обязанности», «Должен знать», «Квалификационные требования»;

– обосновывали содержательное наполнение, а также сопряжение категорий «профессия» «специальность». Так, согласно заложенному в ЕТКС подходу, «профессия» выступала как более широкая дефиниция и допускала включение несколько специальностей. В свою очередь специальность подразумевала детализацию и конкретизацию профессиональной деятельности, базирующейся на профессиональной квалификации и представляющей собой степень подготовленности специалиста к выполнению определенных трудовых функций.

В рамках дальнейших социально-экономических преобразований 2000-х – 2010-х годов, включая введение Болонской системы в Российской Федерации, роль терминов «профессия» и «специальность» в национальной экономике, а также институциональные основы их содержательного наполнения подверглись существенной трансформации. Перечень базовых документов, регламентирующих исследуемые сферы с указанного периода и по настоящее время, представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Действующий институциональный базис категорирования дефиниций «профессия» и «специальность» в контексте взаимосвязи с отечественной системой подготовки квалифицированных кадров

Нормативно-правовой документ	Содержание исследуемых и сопряженных категорий
Трудовой кодекс Российской Федерации	Статья 195.1: 1) связывает профессию и специальность с выполняемой работником трудовой функцией и конкретным видом работы в рамках определенного уровня квалификации; 2) характеризует квалификацию как «уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника»; 3) закрепляет понятие профессионального стандарта в качестве характеристики «квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции» [45].

Нормативно-правовой документ	Содержание исследуемых и сопряженных категорий
Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее Закон об образовании)	<p>В статье 2: 1) в рамках термина «профессиональное образование» закладываются основы компетентностного подхода, формируя связь профессии и специальности с приобретением компетенций. При этом четкое определение последних в законе отсутствует. 2) поддерживается ТК РФ в части определения категории «квалификация»; 3) вводится понятие «федеральный государственный образовательный стандарт», понимаемый как «совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки».</p> <p>В статье 12: через термин «образовательная программа» процесс разработки профессиональных компетенций связывается с системой профессиональных стандартов. Указывается, что первые могут относиться «к одной или нескольким профессиям и специальностям по соответствующим уровням профессионального образования ... в том числе с учетом возможности одновременного получения обучающимися нескольких квалификаций» [46].</p>
Общероссийский классификатор специальностей по образованию	Коррелирует с Законом об образовании определяя профессию и специальность через связь с компетенциями, приобретенными «в результате получения среднего профессионального или высшего образования и обеспечивающими постановку и решение определенных профессиональных задач» [47].
Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) среднего профессионального и высшего образования	1) Вводят новый (образовательный) контекст определения категории «специальность» как направления подготовки обучающихся в учреждениях среднего профессионального или высшего профессионального образования, которое позволяет им получить профильные знания для реализации профессиональной деятельности в рамках конкретной профессии. Наименования специальностей содержатся в перечнях специальностей среднего профессионального образования (СПО) и в перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования (ВО) [48].
Профессиональные стандарты	В Рекомендациях по применению профессиональных стандартов в организации (утв. Министерством труда и социальной защиты РФ): 1) понятие профессии отсутствует, вместо него используются категории: «вид профессиональной деятельности», «обобщенная трудовая функция», «трудовая функция», трактуемые, соответственно, как: «совокупность обобщенных трудовых функций, имеющих близкий характер, результаты и условия труда»; «совокупность связанных между собой трудовых функций, сложившаяся в результате разделения труда в конкретном производственном или бизнес-процессе»; «система трудовых действий в рамках обобщенной трудовой функции» [49]; 2) специальность имеет двойственный контекст употребления: как документально закреплённое

Нормативно-правовой документ	Содержание исследуемых и сопряженных категорий
	наименование профессиональной области образовательной подготовки на уровне среднего профессионального или высшего образования [50] и комплекс знаний, умений, навыков и компетенций, которые приобретаются путём специальной теоретической и практической подготовки и необходимы для определённой деятельности в рамках соответствующей области профессиональной деятельности [51].

Источник: составлено автором

В качестве дополнительного примечания к материалам таблицы 1 следует отметить, что профессиональные стандарты разрабатывались (и продолжают разрабатываться) при поддержке Национальной системы квалификаций (НСК) России, которая была призвана обеспечивать соответствие квалификаций специалистов требованиям экономики и общества. В рамках НСК применялись Общероссийский классификатор профессий рабочих и должностей служащих (ОКПДТР [52]) и Единый тарифно-квалификационный справочник (ЕТКС [43]). На основе положений последнего определялась квалификация занятого в национальной экономике. В последние годы система независимой оценки квалификации (НОК) дополняет положения ЕТКС, частично нивелируя его статичность (т.е. содержание перечня уже не принимаемых рынком профессий и специальностей).

В целом информация, представленная в таблице 1, позволяет сделать следующие выводы:

1. Введение в России системы профессиональных и образовательных стандартов привело к трансформации содержательно-смыслового наполнения категорий «профессия» и «специальность», когда они стали пониматься в большей степени как квалификация (то есть совокупность определенных знаний, навыков, умений и опыта), а не как вид трудовой деятельности. Таким образом, в настоящее время указанные категории имеют два аспекта применения: образовательный и экономико-трудовой. Данная закономерность наиболее четко отражена Волошиной И.А. с соавторами, которые, в частности, указывают, что «профессия – это общественно признанный, относительно устойчивый, функционально обособленный в рамках разделения труда вид профессиональной деятельности, требующий наличия комплекса компетенций, которые приобретаются в результате профессионального обучения, среднего профессионального образования, высшего образования, дополнительного профессионального образования или в процессе труда. ... С позиций сферы труда к сущности профессии можно отнести характер и состав профессиональных задач (трудовых функций), формирующихся на основе разделения труда. С позиций системы образования к признакам, определяющим содержание понятия профессии, можно отнести необходимые для осуществления соответствующей профессиональной деятельности знания, умения, навыки, компетенции» [24]. Аналогичный подход наблюдается при определении специальности, которая, с одной стороны, является составной частью категории «профессия», т.к. представляет собой «функционально обособленную разновидность профессиональной деятельности в рамках определенной профессии», а с другой, выступает как «комплекс приобретаемых путем специальной теоретической и практической подготовки знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для определенной деятельности в рамках соответствующей области профессиональной деятельности» [24].

2. С 2010-х годов XX века профессиональные стандарты и Общероссийский классификатор задают структуру и перечень направлений подготовки, а ФГОС определяет, как именно реализуются образовательные программы в рамках этих направлений [53]. Данная система профессиональных стандартов, квалификационных уровней и оценки квалификаций призвана обеспечить взаимодействие между работодателями, образовательными учреждениями и работниками.

Однако в настоящее время в ее работе имеются существенные недостатки, требующие реформирования. В частности, то обстоятельство, что в профессиональных стандартах исследуемые категории были заменены терминами «обобщенная трудовая функция» и «трудовая функция»,

фактически, привело к «вымыванию» категории «профессия» (в экономическом ее аспекте) из НСК и институционального базиса в целом. В результате возникла проблема практического использования профстандартов, так как в рамках современных экономических реалий разделение труда происходит по профессиям, а не по обобщенным трудовым функциям. Кроме того, в связи с активным развитием цифровых технологий и ускорением научно-технического прогресса в настоящее время все чаще имеют место ситуации, когда сотруднику необходима не одна, а несколько квалификаций. Это требует использования 2-ух и более профессиональных стандартов, что также существенно затрудняет их применение на практике.

Заключение

Проведенное исследование позволило проследить трансформацию категорий «профессия» и «специальность» в зарубежной и отечественной экономической практике.

Было установлено, что первоначально профессия являлась функцией, с помощью которой священнослужители взаимодействовали с населением, предоставляя помощь, поддержку и услуги духовного свойства. В дальнейшем профессия стала характеризовать определенный вид трудовой деятельности, который мог требовать от человека некоторой совокупности знаний, умений и навыков, не обязательно получаемых в рамках формального образования.

Эти знания, умения и навыки могли быть получены в процессе передачи профессионального опыта и в рамках обучения на рабочем месте. И в этом смысле профессия скорее отражала квалификацию трудящихся в том или ином виде экономической деятельности, например, эта могла быть профессионально-квалификационная иерархия (подручный подмастерья – подмастерье – мастер), в том числе учитывающая сословие, к которому принадлежал работник (ремесленное сословие, духовное сословие, дворянское сословие). Профессия долгое время не была предметом свободного выбора трудящегося, но передавалась по наследству в рамках сословий (отец – плотник-ремесленник, сын – также плотник-ремесленник) и практически исключала из существовавших социально-экономических отношений женский оплачиваемый труд. Такое положение вещей в разных странах сохранялось в той или иной мере до начала эпохи индустриализации (т.е. до конца XVII – начала XVIII века).

Далее в связи с усложнением экономики за счёт социальной, глобализационной, научно-технической динамики, профессия стала характеризовать не столько сословную принадлежность работника, сколько знания, умения и навыки, полученные в рамках специального формального образования и имеющие документальное подтверждение, что давало характеристику квалификации трудящегося, однако, квалификационные градации появлялись несколько позже. До начала и даже в первой четверти XX века квалификация сотрудника определялась по типу профессии (поэтому, например, профессии врача или инженера считались квалифицированными и, следовательно, престижными, а рабочие специальности таковыми не считались) и по репутации учреждения образования, в котором была получена эта профессия. Таким образом, профессия отражала, в том числе и социально-экономический статус трудящегося.

По мере того, как национальные экономики становились всё более диверсифицированными по своей структуре (особенно со второй половины XX века и до настоящего времени), а научные открытия, технические и технологические изобретения расширяли компетентностную базу профессий, в последних стали появляться специальности, т.е. конкретные области знаний, умений, навыков, прочих способностей в рамках конкретной профессии. Также для данного периода характерна практически повсеместная институализация профессиональных квалификаций, в том числе, связанная с трансформацией общественных отношений под влиянием цифровизации, политического переустройства социумов, появления новых форм занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента РФ Федеральному собранию – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения 25.06.2025).
2. Кротов Д. В., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Реформа отечественной системы высшего образования в контексте стратегии укрепления национальной безопасности Российской Федерации // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 3 (67). – С. 152–165.
3. Курдюк П.М., Павлов Н.В. к вопросу о реформе высшего юридического образования в Российской Федерации // Юриспруденция: теория и практика. 2024. № 4. С. 18-22.
4. Ма Я. Управление высшим образованием в России в период проведения реформ // International Journal of Professional Science. 2023. № 6. С. 51-56.
5. Пуляева В. Н. Конкурентоспособность выпускников вузов на рынке труда // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 5. С. 33–47.
6. Серебрякова Т.Ю. Проблемные аспекты профессиональных компетенций бухгалтера и их освоения в зависимости от уровня образования // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2023. № 8 (560). С. 11-25.
7. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49210> (дата обращения 25.06.2025).
8. Одоевцева С. Магистратуру решили разделить на три сегмента // Московский комсомолец – 11.01.2024. – URL: <https://www.mk.ru/social/2024/01/11/magistraturu-reshili-razdelit-na-tri-segmenta.html?ysclid=mcyskxhgn0248748786> (дата обращения 25.06.2025).
9. Чернышенко Д. К 2030 году проект «Профессионалитет» охватит 100% профессиональных образовательных организаций. – URL: <http://government.ru/news/51789/> (дата обращения 25.06.2025).
10. Большая советская энциклопедия – URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9F%D1%80%D0%B%D1%84%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 25.06.2025).
11. Sharma V. R. Professionals in the making; their social origin // Economic and political weekly. 1976. pp. M5-M10. Ahmed N. The origin of the professions. University Islam Sultan Sharif Ali (UNISSA) 2022.
12. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. №. 8. С. 36-45.
13. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Это неуловимое понятие профессии // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. №. 3. С. 9-38.
14. Важенина А.Ю. Принципы появления новых профессий // Цифровизация как драйвер развития науки и образования. 2021. С. 63-66.
15. Pound R. Legal Profession in the Middle Ages // Notre Dame Law. 1943. Vol. 19. pp. 229.
16. Новичков Н. Об эволюции научных знаний о профессиональной деятельности человека // Общество и экономика. 2016. №. 4. С. 92-102.
17. Дружилов С. А. Профессия, профессиональная деятельность, субъект в системе «человек-профессия-общество» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. №. 3. С. 39-66.
18. Hughes E. C. The professions in society // Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue canadienne de economiques et science politique. 1960. Vol. 26. No 1. pp. 54-61.
19. Bellis C. S. Professions in society // British Actuarial Journal. 2000. Vol. 6. No 2. pp. 317-364.
20. Borghans L., Groot L. Educational presorting and occupational segregation // Labour Economics. 1999. Vol. 6. No 3. pp. 375-395. Waldring I. Practices of change in the education sector: professionals dealing with ethnic school segregation // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. №. 2. pp. 247-263.
21. Weeden K. A., Newhart M., Gelbgiser D. Occupational segregation // Pathways: a magazine on poverty, inequality, and social policy. 2018. pp. 30-33.
22. Косякова Ю., Куракин Д. Имеют ли значение институты? Профессиональная гендерная

сегрегация на этапе выхода на рынок труда в советской и постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. №. 5. С. 127-145.

23. Камешкова Ю. Ю. Гендерная сегрегация на рынке труда // Российская наука: актуальные исследования и разработки. 2021. С. 217-221.

24. Волошина И. А., Зайцева О. М., Новиков П. Н., Перова И. Т., Прянишникова О. Д. Термины и понятия профессионально-квалификационной сферы: словарно-справочное пособие. – М.: Издательство «Перо», 2021. – С. 12-13.

25. Рекомендации Международной организации труда от 17.06.2004 № 195 «О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение», гл. I, ч. 2.

26. Solga H. et al. The German vocational education and training system. Germany: WZB. 2014.

27. Beckmann J., Wicht A., Siembab M. Career compromises and dropout from vocational education and training in Germany // Social Forces. 2023. Vol. 102. No 2. pp. 658-680.

28. Иванов В. С., Коречков Ю. В., Иванов С., В, Рогов Н. И. Институционализация системы высшего образования в России // Теория и практика общественного развития. 2014. №. 1. С. 369-373.

29. Бейзеров В. А. Модели развития мировой системы высшего образования // Инновации в образовании. 2015. №. 9. С. 11-18.

30. Шумилина М. А. и др. Институциональные предпосылки развития системы высшего образования в России в конвергенции с Болонской системой // Образование в России и актуальные вопросы современной науки. 2021. С. 272-279.

31. Stone J. R., Lewis M. V. Governance of vocational education and training in the United States // Research in comparative and International Education. 2010. Vol. 5. №. 3. pp. 274-288.

32. Maslak M. A. Vocational Education in the United States of America (USA): The Case of the United States of America (USA) // Working Adolescents: Rethinking Education for and On the Job. Cham: Springer International Publishing, 2022. pp. 61-82.

33. Геллер М. Я. История российской империи. М.: МИК. 1997.

34. Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2009.

35. Поздняков А. Н. История становления образования в России XVII-XVIII века: особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. №. 2. С. 158-162.

36. Хаминев Д. В. Нормативное регулирование образования в Российской империи в XVIII-начале XX вв.: этапы и особенности // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2021. С. 43-45.

37. Солошина И. А. Реформы учебных заведений в Российской империи начала и середины XIX века. 2021.

38. Шпотов Б. М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928-1933 гг. // Экономическая история: ежегодник. 2005. С. 172-196.

39. Данилова Е. Н. Как приобщали иностранных рабочих и специалистов к советской системе (первая половина 1930-х гг.) // Клио. 2015. №. 2. С. 112-119.

40. Виноградов В. В. О некоторых особенностях права на образование в СССР: историко-правовой аспект // Актуальные проблемы правового образования несовершеннолетних и молодежи. 2014. С. 87-94.

41. Гапсаламов А. Р. Динамика экономического роста СССР в середине XX в.: к вопросу об экстенсивных и интенсивных факторах // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2006. №. 11. С. 10.

42. Олекс О. А. Эволюция профессионально-квалификационной структуры образования: методологические основы исследования макропедагогических систем // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологические науки. Минск: РИВШ,

2015. Вып. 15, ч. 2. С. 332–339.

43. Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих. Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92907 (дата обращения 25.06.2025).

44. Труд и заработная плата в СССР: словарь-справочник / Сост. и общ. ред. З.С. Богатыренко. – М.: Экономика, 1984. – 632 с.

45. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025). Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 25.06.2025).

46. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (последняя редакция). Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 25.06.2025).

47. ОК 009-2016. Общероссийский классификатор специальностей по образованию (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2007-ст). Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212200/fe0fcde01af39800bd620af2a8e83bd5634875f4/ (дата обращения 25.06.2025).

48. Приказ Минобрнауки России от 29.10.2013 № 1199 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования». Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157270/ (дата обращения 25.06.2025).

49. Рекомендация по применению профессиональных стандартов в организации (утв. Министерством труда и социальной защиты РФ) 30 октября 2019. ГАРАНТ.РУ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72817320/> (дата обращения 25.06.2025).

50. Волошина И.А., Новиков П.Н., Зуев В.М. Понятие профессии в составе профессионально-трудовой и образовательной терминологии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. №10. С. 85-97.

51. Рекомендации по учету положений профессиональных стандартов как основы формирования образовательных программ (апробационная версия). URL: <fgosvo.ru> (дата обращения 25.06.2025).

52. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов. Постановление Госстандарта РФ от 26.12.1994 № 367 (ред. от 19.06.2012). URL: <http://okpdt.rg/> (дата обращения 25.06.2025).

53. Крюкова О. А., Ионов С. А. Работодатель и вуз. Три шага навстречу друг другу // Образовательная политика. 2020. №. S5. С. 100-104.

Substantive aspects of the category «profession»: genesis and current state

Chub Anna Alexandrovna

Doctor of Economics, Associate Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: aachub@fa.ru

KEYWORDS.

profession, specialty,
qualification, division
of labor, staff training,
professional standards

ABSTRACT.

The article examines the evolution of the category «profession» in its' connection with the staff training systems in Russian and foreign practice. Its connection with such terms as «specialty», «competence», «qualification», «professional standard», «educational standard» has been clarified. It is established that the genesis of the category under study reflects the course of development of modern society including the division of labor and the emergence of employment, the formation of financial, economic, educational and scientific infrastructure, as well as employment structures in the field of tangible and intangible production. It is determined the present stage under the influence of scientific and technological progress, the competence base of professions has expanded, and specialties have begun to appear within their framework, i.e. specific areas of knowledge, skills, and other abilities within a particular profession. This period was also characterized by the almost universal institutionalization of professional qualifications, including those related to the transformation of public relations, the political restructuring of societies and the predominance of employment. It is indicated that after the introduction of the Bologna System in the Russian Federation, professional standards and the All-Russian Classifier set the structure and list of training areas, and the Federal State Educational Standard defines exactly how educational programs are implemented within these areas. At the same time, the introduction of professional and educational standards has led to a transformation of the content and semantic content of the categories «profession» and «specialty», which have become more understood as qualifications rather than as a type of work. It is noted that currently there are significant shortcomings in the institutional framework of the national vocational training system that require reform.

Концептуально-методологические положения инновационно-цифровых преобразований экономической системы

Рудавка Наталия Викторовна

Кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск, Российская Федерация
E-mail: rydavka.natali@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

сектор цифровой экономики, информационно-электронная среда, экономика знаний, инновационные процессы, экосистема, генерация научных и фундаментальных разработок, сетевые формы взаимодействий

АННОТАЦИЯ.

В статье на основе систематизации тенденций развития сектора цифровой экономики определено, что преобразования, охватывающие организационные, иерархические и сетевые уровни взаимодействий, создают предпосылки для перехода к новым экономическим отношениям, сочетающих трансформационную обоснованность реального сектора экономики и образование информационно-электронной среды. Охарактеризованы концепции распространения технологических инноваций, основанных на знаниях, расширении инвестиций в сферу научно-исследовательских работ, способствующих преобразованию реального сектора экономики, капитализации интеллектуального и человеческого капитала. Для оценки базовых показателей мониторинга цифровизации экономики определены значения индекса развития информационно-коммуникационных технологий IDI, рассмотрена динамика индикаторов оцифровки перспективных направлений экономической деятельности. Установлено, что являясь симбиозом экономики знаний и инновационных процессов, сектор цифровых технологий может рассматриваться как сложная экосистема, в соответствии с чем, инновационная активность трансформируется в динамические секторальные направления, объединяющие различные уровни взаимодействий в едином цифровом пространстве. В этом контексте инновационно-цифровые преобразования непосредственно связаны с изменением экономической системы, доминированием определенных видов деятельности, что отражает характер внедрения технологических и производственных нововведений, влияющих на перспективность дальнейшего развития отраслевых сегментов и зависящих от направлений и интенсивности распространения инноваций, как индикатора, обеспечивающего формирование новых высокотехнологичных производств, выпускающих продукцию с высокой дополнительной стоимостью. В результате исследования автор статьи делает вывод, что генерация научных и фундаментальных разработок обуславливает переход к сетевым формам взаимодействий, что выражается в образовании новых производственно-технологических и социальных систем.

JEL codes: O21; P21; F41; L16; F52

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-62-79>

Для цитирования: Рудавка, Н.В. Концептуально-методологические положения инновационно-цифровых преобразований экономической системы / Н.В. Рудавка - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.62-79. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

На современном этапе развития трансформация экономической системы обусловлена адаптацией бизнес-пространства к новой имплементации парадигмы экономического управления. Исходя из специфики преобразовательных процессов, поступательная цифровизация основывается на активизации воспроизводственных циклов, связанных с распространением фундаментальных и прикладных результатов научно-исследовательской деятельности, создающих предпосылки для стимулирования устойчивого инновационного развития и транспарентности. Соответственно,

уровень интегральных взаимодействий предопределяет направления для осуществления структурных изменений в действующем отраслевом контуре, смещение акцентов на масштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий, с целью распространения цифровых продуктов для производства современных товаров и услуг и разработке приоритетов для развития новых функциональных сегментов в экономической системе.

Теоретические источники

Несмотря на актуальность, инновационно-цифровые преобразования в контексте экономической трансформации, являются предметом дальнейших исследований отечественных ученых, среди которых можно выделить, Ефремову Т.А., Артемьеву С.С., Макейкину С.М., Шуйского В.П., Гусарову О.М., Балуюеву А.А., Долгалло А.Э., Аношину Ю.Ф., Симонову С.Ю., Трофимова О.В., Фролова В.Г., Захарова В.Я., Павлову А.А., Олейникову Ю.А., Фролова В.Г., Каминченко Д.И., Пискунова А.И., Глезмана Л.В., Грибанова Ю.И., Андрейчикова А.В., Андрейчикову О.Н., Косолапову М. В., Свободина В. А. [1–14; 17-23; 25].

В научных трудах, связанных с формированием моделей развития цифровой экономики, инструментов и базовых составляющих, целесообразно систематизировать следующие концептуальные положения авторов:

- 1) трансформация архитектуры инновационно-цифровой инфраструктуры предопределяется условиями изменения дифференцированных структурных и функциональных подсистем [1–4];
- 2) в основе современной инновационно-цифровой модели отражаются предпосылки для достижения стратегических приоритетов, а именно: модернизации производственно-технологических процессов, реконфигурации и диверсификации отраслевых сегментов экономики, усовершенствование моделей управления бизнес-процессами и оптимизации сервисного обслуживания на долгосрочной основе [5-8];
- 3) модернизация инновационно-цифровой инфраструктуры рассматривается через призму институционального, информационного, интеллектуального, финансового, технологического обеспечения и усовершенствования направлений перераспределения ресурсного потенциала [9-14];
- 4) конвергенция информационно-коммуникационных технологий определяет условия обновления технологического базиса, на основе создания электронных товаров и сервисов высокотехнологическими структурами, способствуя достижению новых целей экономического развития [15-17];
- 5) кардинальная трансформация экономической системы обозначила вектор переформатирования производственных отношений, что выразилось в интеграции сферы производства и услуг в единую цифровую систему, за счет моделирования и проектирования оптимизационных результатов [18];
- 6) инновационная динамика трактуется как результат трансформационных преобразований в области цифровизации, что оказывает существенное влияние на темпы развития социально-экономической деятельности [19-20];
- 7) результативность трансформационных эффектов обусловлена концентрацией полных технологических циклов, охватывающих процессы производства электронных товаров и услуг, системы учета, финансов на основе компьютерно-сетевое управление [21-22];
- 8) содержательная сущность цифровой трансформации экономики обусловлена стратегическими инициативами, определяющих траекторию новых возможностей для развития бизнес-пространства, исходя из целей и способов их достижения [23].

Однако, аспекты цифровых преобразований требуют дальнейших исследований, направленных на разработку оптимальных моделей и рекомендаций в вопросах цифровизации и инноватизации экономической системы. Поэтому, многогранность инновационно-цифровых преобразований обособляют необходимость разработок дальнейших концептуальных и методологических положений в этом направлении, позволяющим сформировать алгоритмы принятия эффективных

управленческих решений, соответствующих динамике изменений отраслевой секторальной структуры экономики.

Данные и методы

Цель исследования - систематизация теоретико-методологических обоснований инновационно-цифровых преобразований экономической системы и разработка направлений формирования единого информационно-электронного пространства.

Достижение цели зависит от решения следующих задач: 1) обобщение характеристик функционирования сектора цифровой экономики синхронизированного с динамикой развития преобразовательных тенденций общественно-экономических отношений; 2) оценка базовых значений показателей цифровизации экономики на основе общепринятых индексов, позволяющих определить перспективность и целесообразность дальнейшей трансформации экономической системы; 3) систематизация процессов и концепций развития экосистем в контексте инновационно-цифровых преобразований отраслевых сегментов экономики.

Проведенное исследование, посвященное инновационно-цифровым преобразованиям экономической системы, базируется на теоретико-методологических положениях теорий управления инновационным развитием, трудах отечественных ученых по вопросам трансформации экономической системы, что обусловлено высокотехнологичными изменениями, позволяющими перейти к экономике нового формата.

С целью решения поставленных задач в работе применялся широкий спектр научных методов:

- обобщения, систематизации для исследований феномена инновационно-цифровых преобразований и характеристики направлений развития сектора цифровой экономики, формировании выводов;

- логико-структурный анализ – для определения динамики технологического развития, и результатов видоизменений в форматах моделей управления в иерархических системах и образовании информационно-электронной конфигурации;

- сопоставления – позволяющий обобщить интегрированные оценки цифровых трансформаций в экономике, основанных на значениях информационно-коммуникационных индикаторов и определяющих уровень конкурентоспособности и прогнозных значений;

- графический метод – для наглядного отражения результатов цифровизации экономической системы;

- анализ показателей цифровизации и особенностей внедрения информационно-коммуникационных технологий в динамике;

- абстрактный - систематизация основных направлений инновационно-цифровых преобразований, способствующих сбалансированию информационно-инновационных, функциональных процессов и взаимодействий между различными сферами деятельности, за счет образования экосистем, позволяющих объединить различные уровни взаимодействий в едином цифровом пространстве.

В целом применение методов научного познания способствовало предопределению условий и характера трансформационных преобразований, влияющих на степень функционирования цифрового сегмента, и обуславливающих кардинальные изменения в концепциях управления и экономического развития.

Научная новизна

- 1) развитие сектора цифровой экономики обусловлено системными тенденциями, образующими области взаимодействий с экономическим пространством и другими функциональными подсистемами, связанными с ресурсным обеспечением, институциональными нормами и развитием инновационного предпринимательства;

- 2) характер трансформационных процессов по своей параметрической сущности способствует

разукрупнению функционально-пространственных структур, усилению фрагментарности и мозаичности, что приводит к сокращению реального сектора экономики и усилению функционирования третичного сектора;

3) интенсивность развития сектора цифровых технологий значительно опережает темпы роста в промышленно-производственном секторе, способствующего формированию нового секторального сегментирования отраслевой системы в контексте инновационных преобразований и инфраструктурного обеспечения в рамках действующих функциональных характеристик;

4) являясь симбиозом экономики знаний и инновационных процессов, сектор цифровых технологий может рассматриваться как сложная экосистема, в соответствии с чем, инновационная активность трансформируется в динамические секторальные направления, объединяющие различные уровни взаимодействий в едином цифровом пространстве.

Модель

Концепция глобальных структурных инновационно-цифровых преобразований характеризуется многоаспектностью разработок теоретических конструкций, связанных с формированием условий перехода от материального производства к широкому внедрению информации и знаний, интегрированных сетей как основы видоизменения формата и реализации продукции в электронных формах.

Усовершенствование отраслевых сегментов экономики является одной из важнейших научно-прикладных проблем, требующих разработок и внедрений соответствующих решений. В основе комбинирования действий и регулирования управленческих процессов отражаются направления обоснованности стратегического планирования и стимулирования инновационно-цифровых преобразований экономической системы.

Процессы инновационно-цифровых преобразований могут трактоваться в узком значении как модернизация традиционной функционально-отраслевой системы, концентрирующей цепочки стоимости в границах действующего производственно-технологического контура на базе модификации проектирования и моделирования бизнес-процессов, основанных на внедрении инновационно-цифровых технологий.

В широком понимании это процессы эволюционных, поступательных трансформаций в социально-экономических, организационно-производственных отношениях вследствие перехода к новому технологическому укладу и реформатированию взаимоотношений между субъектами хозяйствования, деятельность которых непосредственно связана с секторальным структурированием отраслевой системы и выделением цифровой экономики как самостоятельного направления экономического развития.

Развитие цифровой экономики обусловлено системными тенденциями, образующими области взаимодействий с экономическим пространством и другими функциональными подсистемами, связанными с ресурсным обеспечением, институциональными нормами и инновационным предпринимательством, где ключевыми направлениями являются:

1) первичный сектор - разработка современной технологической и инновационной инфраструктуры, соответствующей возможностям перехода на автоматизированные технологические процессы и управление программным обеспечением производства;

2) вторичный сектор - внедрение технологий соответствующих тенденциям развития и возможностям в первичном секторе с учетом инструментов модернизации и усовершенствования моделей управления бизнесом в электронном формате;

3) создание институтов роста цифровой грамотности и приобретение цифровых компетенций.

По своей сути, это создает предпосылки для перехода к новым экономическим отношениям, сочетающих трансформационную обоснованность реального сектора экономики и образование информационно-электронной среды, где смещение акцента непосредственно зависит от ускоренного цифрового развития и внедрения кластерных подходов в производственно-технологическую среду.

Иными словами, это структурные изменения, охватывающие организационные, иерархические и сетевые уровни взаимодействий, основанные на разработках управленческих решений, стандартизированных данных и инновационных тенденциях (рис.1).

Ускорение сетевой и информационной интеграции обусловлено, в значительной мере, экспоненциальным ростом спроса отраслевых сегментов на инновации и новые технологии. Так интенсивность развития сектора цифровых технологий значительно опережает темпы роста в промышленно-производственном секторе, что способствует формированию нового секторального сегментирования отраслевой экономической системы в контексте инновационных преобразований.

Поэтому, технологическая многоукладность и сегментационная дифференциация зависит от конгломератного характера производственной деятельности, формирующей условия для воспроизводственных циклов и концентрирующих технические цепочки, соответствующие структуре экономики.

Динамика технологического развития предопределяется количеством и активностью предприятий, выпускающих инновационную продукцию, и зависит от скорости модернизации производственных мощностей, а именно:

- 1) селективное развитие сегментов, имеющих высокий уровень отдачи;
- 2) создание новых производств, характеризующихся высоким уровнем конкурентоспособности;
- 3) интеграция производственно-технологического и инновационного потенциала;
- 4) усовершенствование архитектуры и моделей управления бизнесом, автоматизирующих взаимодействия между субъектами хозяйствования, создающих цепочки «производитель - потребитель»;
- 5) автоматизация бизнес-процессов и систем, обеспечивающих оперативную доступность цифровых коммуникаций и дистанционных каналов;
- 6) управление данными, направленными на ускоренное выполнение операций в режиме реального времени;
- 7) оптимизация сегментации цифровой экономики за счет развития структур, имеющих перспективный потенциал для внедрения разнообразных высоких технологий, обеспечивающих проведение исследовательской деятельности для производства инновационной продукции.

Рисунок 1 – Направления и индикаторы развития сектора цифровой экономики

Источник: построено автором

Кардинальные преобразования в технологических цепочках приводят к изменениям в бизнес-моделях, обозначив вектор смещения в сферу интеграции и конвергенции систем всех уровней управления. Тем самым, создание предпосылок для внедрения компьютерных, информационных, нано-технологий и инновационных продуктов, влияет не только на развитие традиционных отраслей, но и высокотехнологического сектора, обеспечивая генерирование ресурсов для динамики и технологизации интеллектуальной деятельности.

Можно выделить три ключевых взаимосвязанных направления для трансформации экономического пространства на качественно новой основе:

- 1) разработка эффективных исследовательских систем;
- 2) развитие унифицированной инфраструктуры;
- 3) оптимизация циркуляции и трансферт научных знаний.

Соответственно, в цифровом поле проекты новых технологических решений и возможностей активизируются за счет стимулирования внедрения результатов научных исследований и инновационных технологий. Это является инструментом видоизменений в иерархических системах и образовании информационно-электронной конфигурации вследствие цифровой экспансии институциональных изменений.

В этом контексте создание единого электронного пространства может способствовать выходу на новые сегменты рынков, что ускорит оборачиваемость торговых и инвестиционных потоков, а также будет способствовать упрощенному налаживанию деловых контактов в онлайн-формате.

В первую очередь, разработка основополагающего понятийного аппарата инновационно-цифровых концепций непосредственно обусловлена преодолением кризисных явлений в экономической и технологической сферах, обеспечивающих изменение поколений технологий и закономерностей развития производительных сил. Характер трансформационных процессов, по своей параметрической сущности, способствует разукрупнению функционально-пространственных структур, усилению фрагментарности и мозаичности, что приводит к сокращению реального сектора экономики и формированию третичного сектора.

Процессы преобразования промышленной структуры зависят от возможностей ускоренной адаптации секторально-отраслевых сегментов к конъюнктурным колебаниям рынка. Поэтому, в теоретико-практической плоскости возможна реализация двух вариантов трансформации экономической системы. Первый вариант непосредственно связан с поэтапной адаптацией промышленно-производственного комплекса к изменяющимся условиям бизнеса. Структурные преобразования экономики возможны за счет межотраслевого перераспределения капитала, связанного с увеличением нормы прибыли в новых секторах деятельности.

Второй вариант основывается на масштабном применении методов государственной поддержки осуществления прогрессивных структурных сдвигов.

Этот вариант предусматривает минимизацию социально-экономических диспропорций и предупреждение существенного замедления темпов экономического роста. Развитие высокотехнологичных производств и третичного сектора зависит от скоординированной системы управления, позволяющей перейти к новым формациям с учетом использования двух схем интегрирования, которые способствуют усилению конкурентных позиций и снижению уровня риска:

- 1) горизонтальная интеграция – объединение промышленно-технологической и социально-экономической составляющих для синхронизации деятельности и максимального использования всех ресурсов;
- 2) вертикальная интеграция – формирование многоуровневых иерархических структур за счет взаимовыгодного сотрудничества между научно-исследовательскими центрами, бизнес-структурами, органами местного и государственного управления.

Разработки новых теоретических и практических решений в плоскости инновационно-

цифровых преобразований характеризуются многовекторностью и цикличностью, для которых характерны следующие особенности:

- реализация комплекса последовательных действий связанных с организацией производства инноваций и коммерциализацией результатов;
- систематизация научно-технологических, организационно-управленческих, финансовых мероприятий, формирующих полный цикл инновационной деятельности;
- формирование механизмов модернизации инфраструктуры и предприятий реального сектора экономики за счет внедрения инноватизации и цифровизации производственно-технологических и социальных систем.

Оценка базовых значений показателей для мониторинга цифровизации экономики основывается на общепринятых индексах, рассматривающихся как индикаторы перспективных направлений дальнейшей трансформации экономической системы, в частности:

- 1) степень гибкого реагирования экономики и адаптация к внедрению информационно-коммуникационных технологий;
- 2) интеграция цифровой инфраструктуры, государственного управления и бизнеса в единое информационно-инклюзивное пространство;
- 3) мониторинг и предупреждение негативных последствий в социально-экономической системе.

Для интегрированной оценки цифровых трансформаций в экономике применяются е-индексы, основанные на значениях информационно-коммуникационных индикаторов. Выбор группы параметров индексов зависит от комплекса приоритетов определяющих уровень конкурентоспособности и прогнозных значений развития.

Исходя из этого, методика оценки индекса цифровой экономики – индекса развития информационно-коммуникационных технологий (IDI), является комплексным показателем, объединяющим одиннадцать составных элементов:

1) первый блок (включает 5 составных) – доступность информационно-коммуникационных технологий (удельный вес показателя составляет 40%) и включает значения: подписки на фиксированный телефон на 100 жителей, абоненты мобильной связи на 100 жителей, международная пропускная возможность Интернета (бит/с) для пользователей, процент домохозяйств, имеющих компьютеры, процент домохозяйств с доступностью к Интернету;

2) второй блок (включает 3 составных) – использование информационно-коммуникационных технологий (удельный вес показателя составляет 40%) и включает значения: процент лиц, которые подключены к Интернету, фиксированные широкополосные подписки на 100 жителей, активные мобильные широкополосные подписки на 100 жителей;

3) третий блок (включает 3 составных) – навыки использования информационно-коммуникационных технологий (удельный вес показателя составляет 20%) и содержит значения: уровень цифровых компетенций населения различных возрастных групп, преумножение человеческого капитала.

Преимущество данной методики заключается в сведении значений в обобщающий контрольный показатель (см. табл. 1), позволяющий сравнивать уровень развития ИКТ не только между отдельными федеральными округами, но и странами с учетом динамики во времени.

Так для большинства стран переход к новому технологическому укладу зависит от развития человеческого, научно-технологического, производственного потенциала, что обеспечивает значительные конкурентные преимущества и стабильное развитие экономики. Это позволяет выделить два ключевых фактора, оказывающих влияние на долгосрочные тенденции: во-первых, инновационный сектор в сфере высоких технологий становится по своему содержанию глобальным, во-вторых, усложнение инноваций, их межотраслевой характер делают инвестиции дороже.

Для каждой страны характерен свой темп цифровой трансформации, что выражается в неравномерности технологического развития и капитализации мирового рынка. Более современные

технологии могут стать доступными из-за менее затратного характера для организации производственных процессов и открывающихся рыночных возможностей.

Для высокоразвитых стран в структуре ВВП ежегодные увеличения сегмента цифровой экономики практически составляют 20%, а развивающихся странах – 7%. Это связано с ростом спроса на товары и услуги, произведенные при помощи информационно-коммуникационных технологий, где дополнительная стоимость увеличивается в сфере ИТ-услуг на 13-18%, а программное обеспечение – на 14-18% [17].

Таблица 1 – Значение обобщающего контрольного показателя IDI за 2022-2023 гг.

Страна	Место в рейтинге по индексу доступа к ИКТ	Изменение места в рейтинге за год
Россия	2	7,07
Китай	4	5,6
Белоруссия	1	7,55
Венгрия	3	6,93

Источник: составлено автором в соответствии с источником [16; 24]

В России по основным показателям устойчивая динамика наблюдается по всем направлениям инновационно-цифрового развития. Улучшение показателей связано с интенсивным распространением цифровых технологий в социально-экономической сфере, доступностью сети Интернет, социальных сетей, мобильных приложений, совершенствованием государственных сервисов и стимулированием инвестиций в развитие новых технологий.

Доминирование на ключевых сегментах рынка интенсифицирует процессы внедрения специализированных технологий, связанных с оперативным управлением данными, позволяющих структурировать алгоритмы разработки новых бизнес-моделей и внедрением сервисов, связанных с конфигуративной архитектурой экономики (см.табл. 2).

Таблица 2 – Рейтинг цифровых технологий в промышленной сфере

Рейтинг	Технология	Индекс значимости
1	Промышленные роботы	1,00
2	Искусственный интеллект	0,86
3	Машинное обучение	0,68
4	Цифровое прототипирование	0,56
5	Сенсорика	0,42
6	Беспроводная связь	0,30
7	Блокчейн	0,21
8	Большие данные	0,20
9	Виртуальная реальность	0,12
10	Сервисные услуги	0,09
11	Компьютерное зрение	0,03
12	Смарт-контракты	0,03
13	Промышленный интернет вещей	0,03
14	Цифровой двойник	0,02
15	Умные фабрики	0,01

Источник: составлено автором в соответствии с источником [24; 25]

Оценка уровня цифровизации отечественной экономики основывается на значении индекса связи (connectivity), который характеризует степень обеспечения широкополосного доступа к

интернет-инфраструктуре и ее качественных параметрических значений (см.табл. 3).

Таблица 3 – Доступ к Интернету субъектов деятельности, чел.

Интернет	Годы			Темп роста, %
	2019	2020	2021	
Фиксированный	32739	33792	34504	5,4
Мобильный	145633	149622	160745	10,37
Спутниковый	88	65	99	12,5
Беспроводной наземный фиксированный	269	271	272	1,11
Беспроводной наземный мобильный	669	678	627	-

Источник: составлено автором в соответствии с источником [24]

Следующее значение в аналитической шкале занимает человеческий капитал (human capital), который отражает степень накопления компетенций, необходимых для возможностей применения цифровых технологий для производства и распределения благ, основанных на онлайн-технологиях, в режиме реального времени (см. табл. 4).

Таблица 4 – Капитализация трудовых ресурсов в контексте приобретения цифровых компетенций

Показатель	Содержание	2021г.	2022 г.
Цифровые навыки населения	Имеющие опыт трудовые ресурсы применения навыков в информационной сфере, коммуникациях, программного обеспечения	62,6	64,7
Образовательные программы в информатике и технических науках	Финансирование проектов в области развития математики и науки	56,7	63,7
Компетенции, соответствующие среднему образованию	Подготовка специалистов в соответствии с потребностями работодателей	0,8	1,3
Компетенции, соответствующие высокому уровню	Трудовые ресурсы с высшим образованием и занятые в ИТ-сфере	19,5	22,2
Самообразование	Программы переквалификации специалистов	0,2	0,3

Источник: составлено автором в соответствии с источником [24]

Использование Интернет-услуг гражданами (use the Internet services) основывается на мониторинге онлайн-активности, потреблении, покупках и банковских операциях (см. табл. 5).

Таблица 5 – Направления индивидуальных использований цифровой экономики населением (в процентах от численности опрошенных в возрасте 14 лет и старше), %

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022г.
Доступ к интернету в домашних хозяйствах	80,0	84,0	86,6
Использование интернета населением	89,6	91,8	93,5
Использование мобильных устройств населением для выхода в интернет вне дома или работы	62,3	69,1	74,2
Участие в социальных сетях	53	56	67

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022г.
Использование интернета населением для чтения или скачивания онлайн-газет или журналов, электронных книг	15	17	18
Использование интернета населением для загрузки личных файлов	42,2	62,2	64,8
Использование интернета населением для дистанционного обучения	9	7	6
Использование интернета населением для поиска информации, связанной со здоровьем или услугами в области здравоохранения	32	30	33
Использование интернета населением для осуществления финансовых операций	48	50	56
Использование интернета населением для заказа товаров (услуг)	46,2	51,8	58,3

Источник: составлено автором в соответствии с источником [24]

Интеграция цифровых технологий в бизнесе (integration of digital technology) характеризует степень распространения и применения цифровых инноваций в предпринимательской сфере и электронной коммерции (см.табл. 6).

Таблица 6 – Структура внутренних затрат использования цифровых технологий предприятий по отраслевой принадлежности (в %)

Отрасль	Период, год		Темп роста, %
	2022	2023	
Сельское хозяйство	0,4	0,4	-
Добыча полезных ископаемых	1,4	1,9	35,71
Обрабатывающая промышленность	8,2	8,7	6,09
Обеспечение энергией	2,2	1,8	-
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	0,6	0,3	-
Строительство	1,6	2,8	-
Оптовая и розничная торговля	6,0	9,2	75
Транспортировка и хранение	7,9	5,1	-
Гостиницы и общественное питание	0,4	0,5	25
Информация и связь	26,8	29,4	9,71
Отрасль информационных технологий	7,4	12,7	71,62
Финансовый сектор	13,2	12,9	-
Операции с недвижимым имуществом	2,4	2,7	12,5
Профессиональная, научная и техническая деятельность	9,1	10,3	13,2
Образование	9,7	4,1	-
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,2	2,6	18,18
Культура и спорт	0,7	2,0	-

Отрасль	Период, год		Темп роста, %
	2022	2023	
Государственное управление, социальное обеспечение	6,4	4,2	-

Источник: составлено автором в соответствии с источником [24]

Глобальный индекс инноваций (Global innovation index, GII) рассматривается с точки зрения инновационных затрат (Innovation Input) и инновационных результатов (Innovation Output).

Это обусловлено тем, что на качественно новой основе усилилась значительная поляризация стран, где четко определился аспект смещения от традиционных критериев, отражающих уровень экономического развития, а именно, возможности обеспечения ресурсами, квалифицированной рабочей силой, приведших к переформатированию в плоскость технологической оснащенности, формированию информационно-коммуникационного потенциала, значительной скорости освоения новых технологий.

Сложившиеся исторические тенденции обозначили вектор применения технологических инноваций в международном масштабе, определив, что именно развитые страны ориентируются, в первую очередь, на реализацию фундаментальных и практических научных результатов и их практическое применение по всей производственной цепочке предприятий.

Наиболее весомые значения характерны для показателей, отражающих результаты экспорта ИТ- и телекоммуникационных услуг в торговом балансе, позитивные результаты в сфере разработки мобильных приложений, патентов, доступность ИКТ, занятость в наукоемкой сфере, разработок новых организационных моделей (см. табл. 7).

Таблица 7 – Значения показателей GII в глобальном рейтинге инноваций

Показатель	Годы		
	2021	2022	2024
Институты	67	89	126
Человеческий капитал и исследования	29	27	39
Инфраструктура	63	62	76
Развитие рынка	61	48	57
Развитие бизнеса	44	44	53
Научно-технологическая продукция	48	51	52
Креативные индустрии	56	48	53

Источник: составлено автором в соответствии с источником [24]

Интенсивность развития сектора цифровых технологий значительно опережает темпы роста в промышленно-производственном секторе, что способствует формированию нового секторального сегментирования отраслевой экономической системы в контексте инновационных преобразований.

Соответственно, продуцирование качественно новых знаний непосредственно связано с изменением технологического базиса и трансформацией системы экономических отношений. Это обусловлено тесным взаимодействием между реальным сектором и высокотехнологичной сферой, позволяющим организовать полный цикл производства и распределения современных товаров и услуг в едином пространстве, что обеспечивает устойчивость функционирования и экономическую безопасность.

Таким образом, эффективность управления цифровыми процессами зависит от специфики и учета проектирования источников модернизации и инноватизации секторальных сегментов экономики, направленных на усовершенствование производственных и технологических цепочек и обеспечивающих доступ к новым знаниям, ресурсам и рынкам.

Полученные результаты

В практической плоскости сетевое взаимодействие благодаря своим особенностям способствует образованию гибких, открытых динамических структур, что приводит к замещению массового производства современными гибкими структурами, ориентированными на индивидуализированный уровень спроса и позволяющих производить ускоренный обмен опытом, знаниями, информацией. Соответственно, технологические нововведения активизируют бизнес-процессы, зависящие от рыночной конъюнктуры, что обусловлено внедрения цифровых технологий в отраслевые сегменты экономики, и охватывающих производственные, финансовые, образовательные сферы деятельности. Тем самым создаются предпосылки для переориентации модели экономического развития на инновационно-цифровую сферу и финансово-кредитный сектор.

Являясь симбиозом экономики знаний и инновационных процессов, сектор цифровых технологий может рассматриваться как сложная экосистема. С этой позиции инновационная активность трансформируется в динамические секторальные направления, объединяющие различные уровни взаимодействий в едином цифровом пространстве, ключевыми из которых являются:

1) структурные - систематизация секторальных сфер деятельности, оптимизирующих распределение научно-исследовательского и ресурсного потенциала в соответствии с достижениями взаимосвязанных стратегических целей инновационного развития;

2) атрибутивные - классификационные характеристики информационного обеспечения с учетом воспроизводства инновационных циклов;

3) функциональные - эффективизация сферы производства и оборачиваемости товаров, исходя из функций специализации отраслевого комплекса в рамках инновационной привлекательности.

Экосистемы цифровой эволюции основываются на методологии электронного управления, обеспечивающих сбалансированность информационно-инновационных, функциональных процессов и взаимодействий между различными сферами деятельности. Эти процессы по логике действий концентрирует организационные, структурные и функциональные институции, сочетающие процессы моделирования, технического обслуживания и адаптации решения новых задач, основываясь на научных знаниях и современных технологиях (см. табл. 8).

Таблица 8 – Характерные особенности систематизации экосистем

Экосистема	Сущностная характеристика
Предпринимательская	переформатирование социально-экономических взаимодействий, основанных на цифровых платформах и концепциях управления онлайн-бизнесом, обеспечивающих мгновенный доступ к деловым операциям, товарам и услугам
Технологическая	процесс трансформации отраслевых сегментов экономической системы за счет внедрения интеллектуальных результатов и цифровых сервисов
Инновационная	масштабное распространение инноваций и научных исследований, направленных на усиление конкурентных позиций и развитие высокотехнологичных производств за счет роста занятости и создание основы для современного производства

Источник: составлено автором

Соответственно, в основе направлений отражается специфика реализации социально-экономических мероприятий, для которых характерны следующие особенности:

– воспроизводство инновационных циклов определяющих уровень обновлений технологий, промышленно-производственной сферы, инвестирование в создание новых товаров;

– усовершенствование продуцирования производительных сил видоизменяющих характер производственно-экономических отношений;

- интеграция базовых нововведений способствующих образованию инновационных структур, влияющих на долгосрочное развитие.

По содержательному значению эти аспекты основываются на условиях сетевого управления, синхронизирующих концентрацию технологий, процессов, концепций, знаний, информации в едином инновационно-экономическом пространстве (рис. 2).

Рисунок 2 – Характеристика концепций инноватизации экономики

Источник: построено автором

Проблема внедрения и адаптации современных структур в существующие отраслевые сегменты зависит от скорости перехода к многовариантным проекциям с учетом упорядочения комплексных действий, в соответствии с уровнями специализации и интеграции субъектов хозяйствования, а именно:

- 1) неприбыльные организации, профиль деятельности которых связанный с преобразованием убыточных предприятий в инкубаторы малых фирм;
- 2) концентрации широкого круга разнопрофильных экономических субъектов – промышленных предприятий, стартапов, университетов, научных центров;
- 3) научно-исследовательские центры, специализирующиеся на высокотехнологическом производстве, разработке образовательных программ и предоставлении консультационных услуг новым структурам в решении проблем и налаживании контактов с существующими предприятиями;
- 4) консалтинговые структуры, предоставляющие консультации, сервисные и другие услуги предприятиям и малым фирмам в сфере высоких технологий;
- 5) организация венчурных фондов, оказывающих финансовую поддержку секторам высоких технологий;
- 6) интеграция деловой, научной, инновационной коллаборации, способствующей увеличению конкурентоспособных преимуществ между участниками деятельности.

Учитывая особенности эволюционного развития, закономерной тенденцией обеспечивающей развитие экономики, является формирование новых форм территориальной организации, разнопрофильных производств, соответствующих качественно новому этапу развития. Современным производствам присущ высокий уровень гибкости в направлениях размещения и формирования новых технологических связей.

В этом контексте адаптация переформатирование функциональной структуры экономики способствует расширению масштабов деятельности действующих сфер и образованию новых точек для развития на качественно новой основе. То есть, с одной стороны, продолжается функционирование действующей промышленно-экономической системы, что может способствовать или дальнейшему развитию или деструктуризации. С другой стороны, ускоряются структурные изменения, обеспечивающие качественные преобразования производительных сил и экономического пространства на основе применения новаций, концентрирующих возможности для развития специальных инновационных зон, сфер предпринимательской деятельности, технопарков, технополисов, усовершенствование и формирование инфраструктурного обеспечения, на базе расширения видов предоставления производственных услуг, научно-технического содействия, образования информационных центров.

Эти процессы определяют ключевые характеристики функционирования экономического пространства, отражающие свойства полиморфизма и многовекторности и позволяющие конкретизировать явления и процессы, соответствующие системам субподрядности.

Соответственно, современная инновационная экосистема может образовывать специальную среду, концентрирующую ресурсный потенциал, инфраструктуру, бизнес-структуры и социальные формации, институты управления в системе формирования единых цепочек создания инновационных продуктов на всех уровнях развития.

Ведущими индикаторами при этом являются: 1) человеческий капитал, объединявший знания, навыки, опыт, интеллект; 2) образование сферы услуг высшего порядка за счет приоритетного развития наукоемких предприятий; 3) реализация инновационных проектов, консолидирующих различные уровни взаимодействий между предприятиями технической направленности.

Инновационная привлекательность предопределяет инвестиционную политику в сегменте цифровой экономики, что выражается в усилении позиций в области капитализации бизнеса. Эти процессы являются системообразующими, охватывающими направления инвестиционной политики, формирования сетевой инфраструктуры и стимулирующие бизнес-структуры для активизации внедрения цифровых продуктов и технологий в ключевые сферы деятельности.

Поэтому, проявление новых возможностей способствует сегментации рынка и образованию высокотехнологичных структур, регламентирующих стратегический вектор цифровых преобразований в отраслевых сегментах деятельности.

По своей природе ориентированность деятельности на высокотехнологическую сферу зависит от степени доступности рыночных ниш, технологий и услуг, влияющих на темпы и цели социально-экономического развития. Это является основанием для налаживания тесного сотрудничества между взаимосвязанными направлениями деятельности, действующих в формате взаимодополнения по функционально-технологическим характеристикам ведущих секторов экономики и концентрирующих следующие направления:

- 1) производство ИКТ-продукции, а именно, компьютерных комплектующих изделий, средств телекоммуникаций, дополнительных товаров;
- 2) программное обеспечение, маркетинговые подходы, связанные с продвижением приложений;
- 3) базовая телекоммуникационная инфраструктура и сервисы сети;
- 4) консалтинговые, информационные услуги, техническое обслуживание;
- 5) дистрибуция и розничная продажа продукции;
- 6) информационные ресурсы – транзакции, модели-управления, процессы цифровизации.

Образование экосистем это длительный процесс, который способствует увеличению эффективности и конкурентоспособности экономики, кардинальному преобразованию социально-экономических и технико-организационных форм управления. То есть, интеграционная составляющая включает в себя системы технологий, инвестиций и образования корпоративных связей управления бизнесом, направленных на обеспечение трансформации традиционных

производственных взаимоотношений и внедрению новых решений в сферу промышленно-технологической политики.

Заключение

Процессы инновационно-цифровых преобразований непосредственно связаны с определением объективных закономерностей, действующих в конкретных отраслевых сегментах экономики. Разработка конструктивных трансформационных подходов потенциально влияет на результативность управления и воспроизводство экономической системы, что выражается в учете тенденций интеграции информационных, финансовых и товарных потоков, обеспечивающих бесперебойность функционирования рыночных механизмов и инновационно-экономического пространства.

Тем самым создаются предпосылки для изменения подходов управления бизнесом, переформатирования взаимоотношений между различными иерархическими уровнями и участниками деятельности, государством, населением. Инновационно-цифровые преобразования непосредственно связаны с изменением экономической системы, доминированием определенных видов деятельности, что отражает характер внедрения технологических и производственных нововведений. В результате перспективность дальнейшего развития отраслевых сегментов зависит от направлений и интенсивности распространения инноваций, как индикатора, обеспечивающего формирование новых высокотехнологичных производств, выпускающих продукцию с высокой дополнительной стоимостью.

Распространение технологических инноваций, основанных на знаниях, расширении инвестиций в сферу научно-исследовательских работ, способствует преобразованию реального сектора экономики, капитализации интеллектуального и человеческого капитала. Являясь симбиозом экономики знаний и инновационных процессов, сектор цифровых технологий может рассматриваться как сложная экосистема. С этой позиции инновационная активность трансформируется в динамические секторальные направления, объединяющие различные уровни взаимодействий в едином цифровом пространстве.

Таким образом, в схеме управления генерация научных и фундаментальных разработок обуславливает переход на новый уровень экономического развития, к сетевым формам взаимодействия, что выражается в образовании новых производственно-технологических и социальных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеенко Т.В., Алетдинова А.А. Цифровизация экономики на основе совершенствования экспертных систем управления знаниями. Научно-технические ведомости СПбГПУ. «Экономические науки». 2017. Том 10 №1. С. 7-18.
2. Андрейчиков, А.В. Системный анализ и синтез стратегических решений в инноватике. Основы стратегического инновационного менеджмента и маркетинга / А.В. Андрейчиков, О.Н. Андрейчикова. – М. : Либроком, 2019. 248 с.
3. Аношина Ю.Ф., Симонов С.Ю. Россия в цифровом будущем: проблемы и перспективы развития // Russian Journal of Management. 2020. Т. 8. № 1. С. 146-150.
4. Аренков И. А., Салихова Я. Ю., Сайфутдинов А. А. Цифровая трансформация: направления исследований и цифровые риски // Креативная экономика. 2021. Том 15. – № 7. С. 2757-2776.
5. Грибанов Ю.И. Факторы и условия цифровой трансформации социально-экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2 (часть 2). С. 253-259.
6. Гусарова, О.М. Цифровизация экономики: вызовы и пути решения / О.М. Гусарова, А.А. Балуева, А.Э. Долгалло // Научное обозрение. Экономические науки. 2020. № 2. С. 10-14.
7. Ефремова Т.А., Артемьева С.С., Макейкина С.М. Особенности, тенденции и перспективы цифровой трансформации экономики: мировой и национальный опыт // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 53–58.
8. Капранова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 58–69.
9. Косолапова М. В., Свободин В. А. Методологические вопросы системно-цифровой экономики: взаимосвязь системной и цифровой экономик // Мягкие измерения и вычисления. 2019. № 6. С.13–19.
10. Марчук А.А. Технологический уклад как основа эволюции экономических структур и институтов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Том 8. – № 8А. – С. 159-164.
11. Никитская Е.Ф., Валишвили М.А., Афонина В.Е. Цифровизация в глобальном мире: международная практика и российский опыт // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10-2. С. 150-159.
12. Носонов А. М. Формирование информационного общества в регионах России // Регионология. – № 4 (97). 2016. С. 114-126.
13. Олейникова Ю.А. Вызовы и модели развития бизнеса в условиях прогрессии цифровой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2019. Том 9. № 4. С. 1415-1426. – DOI: 10.18334/vines.9.4.41294.
14. Пискунов А.И., Глезман Л.В. Развитие промышленных предприятий в условиях становления цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. Том 13. № 3. С. 471-482. – DOI: 10.18334/se.13.3.40085.
15. Промышленное производство в России. 2023: Стат.сб./Росстат. М., 2023. 259 с.
16. Россия 2024: Стат.справочник/ Росстат – М., 2023. 66 с.
17. Секерин В. Д., Горохова А. Е. Оценка инвестиций : Монография. – Москва : Аргмак-медиа, 2013. – 152 с.
18. Синицкая Н.Я. Развитие цифровой экономики: широкие возможности и возможные риски // Фундаментальные исследования. 2023. № 11. С. 95–99. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43524> (дата обращения: 03.08.2025).
19. Тимчук Н.Ф. Город и район: регулирование комплексного развития.- Москва: Экономика, 2019. – 160 с.
20. Толстых Т.О., Хвостикова В.А. Инструментарий управления бизнес – проектами инновационных предприятий в условиях цифровой экономики/ Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 237 с.
21. Трофимов О.В., Фролов В.Г., Захаров В.Я., Павлова А.А. Алгоритм принятия и реализации

управленческих решений при согласовании интересов государства и хозяйствующих субъектов в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // *Лидерство и менеджмент*. 2019. Том 6. № 4. С. 409-424. – DOI: 10.18334/lim.6.4.41282.

22. Фролов В.Г., Каминченко Д.И. Классификация условий и факторов формирования инновационно-инвестиционно сбалансированной промышленной политики // *Экономика, предпринимательство и право*. 2019. Том 9. № 4. С. 419-432. – DOI: 10.18334/erp.9.4.41417.

23. Хоменко Е.Б., Ватутина Л.А., Злобина Е.Ю. Инфраструктура предпринимательства в условиях цифровой трансформации // *Наука и бизнес: пути развития*. 2021. № 4 (118). С. 191–194.

24. Цифровая экономика: 2023 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.

25. Шуйский В.П. Цифровизация экономики России: достижения и перспективы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020. № 6. С. 158–169.

Conceptual and methodological provisions for innovative and digital transformations of the economic system

Rudavka Nataliya Viktorovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Bryansk State Technical University, Bryansk, Russian Federation
E-mail: rydavka.natali@mail.ru

KEYWORDS.

digital economy sector, information and electronic environment, knowledge economy, innovation processes, ecosystem, generation of scientific and fundamental developments, network forms of interaction

ABSTRACT.

In the article, based on the systematization of trends in the development of the digital economy sector, it is determined that transformations covering organizational, hierarchical and network levels of interactions create prerequisites for the transition to new economic relations that combine the transformational validity of the real sector of the economy and the formation of an information and electronic environment. The concepts of spreading technological innovations based on knowledge, expanding investments in the field of scientific research, contributing to the transformation of the real sector of the economy, and the capitalization of intellectual and human capital are described. To assess the basic indicators of monitoring the digitalization of the economy, the values of the IDI information and communication technology development index were determined, and the dynamics of indicators of digitization of promising areas of economic activity were considered. It has been established that, being a symbiosis of the knowledge economy and innovation processes, the digital technology sector can be considered as a complex ecosystem, according to which innovation activity is transformed into dynamic sectoral directions combining different levels of interactions in a single digital space. In this context, innovative and digital transformations are directly related to changes in the economic system, the dominance of certain types of activities, which reflects the nature of the introduction of technological and industrial innovations that affect the prospects for further development of industry segments and depend on the directions and intensity of the spread of innovations, as an indicator ensuring the formation of new high-tech industries producing products with high additional value. As a result of the research, the author concludes that the generation of scientific and fundamental developments leads to the transition to network forms of interaction, which is reflected in the formation of new production, technological and social systems.

Цифровая трансформация промышленных предприятий: экономический аспект

Наумов Денис Владимирович

кандидат технических наук, доцент, первый проректор,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: naumovdv@ystu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

цифровая трансформация;
промышленность;
экономический эффект;
производительность;
инвестиции; Россия;
искусственный интеллект;
Индустрия 4.0

АННОТАЦИЯ.

Статья посвящена анализу экономических эффектов цифровой трансформации промышленных предприятий в глобальном и российском контексте. Цель исследования – выявить, в каких условиях цифровизация действительно приводит к росту эффективности и производительности, а когда она генерирует чрезмерные издержки и риски. Методологически работа опирается на обзор современных зарубежных (европейских, американских, корейских, китайских) и российских исследований, а также на сопоставление статистических оценок макро- и микроэкономического влияния цифровых технологий. Показано, что внедрение решений Индустрии 4.0, промышленного интернета вещей, систем аналитики данных и искусственного интеллекта в большинстве случаев сопровождается ростом производительности труда, снижением издержек, повышением качества продукции и расширением экспортного потенциала. На макроуровне цифровая трансформация промышленности способствует ускорению экономического роста и повышению конкурентоспособности стран. Вместе с тем выявляются и негативные аспекты: высокий процент неудачных цифровых проектов, значительные капитальные затраты, киберриски, углубление неравенства между «цифровыми лидерами» и отстающими компаниями, а также структурные сдвиги на рынке труда. В российской промышленности фиксируется существенный потенциал экономической отдачи от цифровизации, но он реализуется фрагментарно из-за низкой цифровой зрелости большинства предприятий, дефицита компетенций и финансовых ограничений, усугубляемых санкционным давлением. Делается вывод, что экономический эффект цифровой трансформации не является автоматическим и зависит от качества управления изменениями, уровня развития институтов и согласованности государственной и корпоративной стратегий.

JEL codes: O14, O33, O32, L60, M15, E22, J24

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-80-93>

Для цитирования: Наумов, Д.В. Цифровая трансформация промышленных предприятий: экономический аспект /Д.В. Наумов - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.80-93. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Цифровая трансформация промышленности стала в последние годы стратегическим приоритетом для предприятий во всем мире. Под цифровой трансформацией понимается комплексное внедрение современных цифровых технологий (например, промышленный интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект, облачные сервисы) с одновременным изменением бизнес-процессов и моделей управления. В результате цифровизация должна приводить к существенным улучшениям показателей деятельности компаний. В наиболее точном определении, предложенном Г. Вайалом, цифровая трансформация – это «процесс, направленный на улучшение объекта (компании, организации и т.д.) путем инициирования значительных изменений его характеристик посредством комбинации информационных, вычислительных, коммуникационных

и сетевых технологий»[1]. Данная концепция отражает, что трансформация затрагивает не только техническую сторону (внедрение ИТ-решений), но и организационную культуру, структуру и стратегию предприятия.

Актуальность цифровой трансформации обусловлена ее экономическим эффектом. Считается, что оцифровка производства повышает производительность труда, снижает издержки, ускоряет выпуск инноваций и в итоге усиливает конкурентоспособность компаний и отраслей. По мере развития технологий и удешевления вычислительных мощностей цифровые решения становятся все более доступными, и бизнес наращивает инвестиции в эту сферу. Мировые расходы на цифровую трансформацию колоссальны – по оценке IDC, они достигнут 3,4 трлн долл. к 2026 году[4]. Для сравнения, еще 10–15 лет назад цифровизация носила фрагментарный характер, тогда как сегодня она рассматривается как неотъемлемое условие долгосрочного экономического роста. Однако, вместе с оптимистичными ожиданиями появились и более сдержанные оценки: ряд исследований отмечает «парадокс продуктивности» – неочевидность влияния цифровых технологий на рост эффективности в некоторых случаях. Есть данные, что значительная часть проектов цифровой трансформации не достигает поставленных целей, а вложения окупаются не всегда. Таким образом, экономический аспект цифровизации промышленности включает как позитивные эффекты, так и возможные риски и ограничения.

В данном обзоре рассматривается современная литература по теме экономических эффектов цифровой трансформации промышленных предприятий. Особое внимание уделено работам европейских, американских, корейских и китайских авторов, а также статистическим данным и примерам, иллюстрирующим влияние цифровизации на экономику как в мире, так и в России. Статья имеет следующую структуру: во введении обоснована актуальность темы; в разделе «Обзор литературы» анализируются основные выводы научных исследований о влиянии цифровой трансформации на эффективность и производительность; в разделе «Методы» описывается подход к проведению обзора; в основной части представлены конкретные показатели и примеры экономических эффектов (положительных и отрицательных) цифровизации промышленности глобально и в российских реалиях; в заключении даны обобщающие выводы.

Обзор литературы

Концепция цифровой трансформации привлекает огромное внимание исследователей. Как показывают мета-обзоры, число научных публикаций на эту тему экспоненциально растет последние два десятилетия[2]. Ранние работы фокусировались преимущественно на использовании информационных технологий (ИТ) в бизнесе, однако со временем понятие цифровой трансформации расширилось. Сейчас оно охватывает не только внедрение отдельных технологий, но и глубокую перестройку процессов и бизнес-моделей под влиянием этих технологий[11][2]. Цифровая трансформация рассматривается как многоуровневое явление: изменения происходят на уровне отдельных предприятий, экосистем отрасли и даже макроэкономики[2].

Драйвером изменений являются технологии, запускающие процессы организационных новаций. С. Краус с соавт. (2021) в обзоре литературы отмечают, что новые технологии провоцируют трансформацию на всех уровнях – от фирмы до общества[2]. По словам Г. Вайала (2019), цифровая трансформация носит двойственный характер: с одной стороны, она инициируется внутренним стремлением компаний воспользоваться цифровыми возможностями, с другой – это ответ на внешние угрозы и давление среды. Таким образом, компании воспринимают цифровизацию одновременно как шанс для развития и как неизбежное требование рынка.

Основная цель цифровой трансформации – повышение ценности и эффективности бизнеса через внедрение инноваций. Исследования фиксируют, что переход на цифровые технологии обычно сопровождается появлением новых бизнес-моделей и продуктов, ростом инновационной активности и улучшением клиентского опыта. Так, J. Verma еще в 2012 г. указывал на возможности создания принципиально новых моделей бизнеса благодаря цифровизации[11]. Более свежая работа китайских

авторов Zhang и др. (2023) подтвердила, что цифровая трансформация дает фирме конкурентные преимущества за счет формирования портфеля инноваций и перестройки процесса создания ценности[12]. Цифровые технологии позволяют компаниям активнее внедрять инновации в продуктах и услугах, точнее анализировать потребности клиентов и персонализировать предложения[13]. Всё это ведет к повышению финансовых результатов и устойчивости предприятий в долгосрочной перспективе[2]. В совокупности литература сходит к мнению, что для промышленных компаний цифровизация является важнейшим условием поддержания конкурентоспособности в цифровую эпоху.

Тем не менее, не всем компаниям цифровая трансформация необходима или одинаково полезна. Некоторые авторы подчеркивают, что эффект от цифровизации сильно зависит от отрасли и готовности самой организации к переменам. Например, по мнению M. Sebastian с соавт. (2017), крупные консервативные корпорации внедряют цифровые новшества медленнее, чем молодые и гибкие фирмы. Исследование Andriole (2017) даже называет ряд «мифов о цифровой трансформации», указывая, что простое внедрение технологий не гарантирует успеха без одновременных изменений в менеджменте и культуре организации[2]. Другими словами, цифровая трансформация эффективна только при комплексном подходе. Необходимо, чтобы компания умела перестроить бизнес-процессы и обучить персонал – иначе затраты на новые ИТ-решения могут не окупиться. В литературе подчеркивается роль организационной культуры: открытость инновациям, готовность к экспериментам и способность быстро принимать решения являются факторами, определяющими успех цифровых инициатив[12]. Внешняя среда также влияет: высокий уровень конкуренции и запросы клиентов подталкивают бизнес активнее внедрять цифровые технологии. Таким образом, исследования показывают, что детерминанты цифровой трансформации лежат как внутри компании, так и во внешнем окружении.

Большинство эмпирических работ посвящено оценке влияния цифровизации на эффективность компаний (микроуровень). Здесь преобладают выводы о положительном эффекте. Например, китайское исследование (Shao и др., 2024) по данным китайских промышленных предприятий в 2011–2021 гг. выявило, что цифровая трансформация статистически значительно повышает производственную эффективность компаний[11]. Причем эффект выражен сильнее у частных и высокотехнологичных компаний, чем у госпредприятий и традиционных производств[11]. Авторы объясняют это тем, что негибкие структуры и бюрократия в госкомпаниях тормозят реализацию цифровых инициатив, тогда как частный бизнес более восприимчив к инновациям и быстрее извлекает пользу из новых технологий[11]. Аналогичные результаты получены в ряде других работ: в целом цифровизация связана с ростом продуктивности труда, рентабельности и экспортного потенциала фирм[11]. В частности, использование искусственного интеллекта (ИИ) и аналитики данных на производстве приводит к сокращению простоев оборудования, снижению брака и оптимизации запасов, что улучшает финансовые показатели предприятий. Так, по данным McKinsey, внедрение систем предиктивного обслуживания и мониторинга на базе ИИ позволяет снизить незапланированные простои оборудования на 30–50%, а срок службы машин увеличить на 20–40% за счет раннего выявления неисправностей[11]. Это напрямую повышает производительность и экономит затраты на ремонт. Таким образом, множество эмпирических исследований из разных стран (США, ЕС, Китай и др.) подтверждают позитивное влияние цифровой трансформации на микроуровне – при условии грамотной реализации проектов.

Помимо прямых эффектов на компании, цифровизация промышленности рассматривается и через призму макроэкономики. Здесь исследования пытаются измерить вклад цифровых технологий в экономический рост, продуктивность экономики в целом и другие макропоказатели. Одно из первых влиятельных исследований (Röller & Waverman, 2001) показало, что развитие телекоммуникационной инфраструктуры обеспечило около 1/3 роста ВВП в 21 стране за 1970–1990 гг.[2]. В дальнейшем работы Vu (2011) и Toader и др. (2018) подтвердили значимый вклад развития ИКТ (интернета, мобильной

связи и пр.) в рост производительности и ВВП разных стран[2]. Современные исследования уже напрямую оценивают цифровую трансформацию. Так, Tudose и др. (2023) провели анализ по выборке из 46 стран с использованием индекса сетевой готовности (Network Readiness Index) как показателя цифрового развития экономики. Они выяснили, что увеличение значения этого индекса приводит к статистически значимому росту ВВП на душу населения, то есть цифровизация экономики вносит вклад в благосостояние[2]. По их оценкам, улучшение цифровой готовности прямо связано с ускорением экономического роста, хотя вклад различных компонентов (бизнес-среда, технологии будущего, человеческий капитал и пр.) может отличаться[2]. Отдельного упоминания заслуживает потенциал искусственного интеллекта на макроуровне. Согласно отчету Всемирного экономического форума, масштабное применение ИИ в промышленности способно ежегодно добавлять около 2% к мировому ВВП за счет роста эффективности и появления новых продуктов[13]. Это чрезвычайно высокий показатель, свидетельствующий о трансформационном эффекте новых технологий для всей экономики.

Вместе с тем, не все макроисследования однозначны. В литературе продолжается дискуссия о «парадоксе продуктивности» – ситуации, когда инвестиции в ИТ не приводят к ожидаемому ускорению производительности. Например, исследование Eller и др. (2020) обнаружило, что у ряда европейских МСП влияние цифровизации на производительность было незначительным или неоднозначным[11]. Причины могут заключаться в задержках эффекта (требуется время на обучение и настройку процессов), в неправильной реализации проектов или в том, что измеримые выгоды «съедаются» сопутствующими издержками. Некоторые авторы предупреждают, что без изменений в управлении цифровые проекты могут даже ухудшать показатели, вызывая хаос в процессах или сопротивление персонала. Однако консенсус состоит в том, что сам по себе «парадокс» преодолим – при накоплении опыта и правильных институциональных условиях цифровизация все же дает положительный экономический результат[11]. Более того, Shao и др. (2024) в своем анализе вводят в модель институциональные факторы и показывают, что в регионах с благоприятной деловой средой эффект цифровой трансформации на продуктивность значительно выше, чем там, где институциональная среда слабая[11]. Это указывает на важность поддержки цифровой экономики со стороны государства и регуляторов.

Наконец, существенный пласт исследований посвящен потенциально негативным последствиям цифровой трансформации. Их условно можно разделить на две группы: (1) проблемы реализации самих проектов и (2) социально-экономические издержки. К первой группе относится высокий процент неудач цифровых преобразований. Консалтинговые компании бьют тревогу: по данным McKinsey, около 70% программ цифровой трансформации проваливаются, не достигая заявленных целей[14]. Гартнер отмечает, что лишь 48% проектов полностью оправдывают ожидания[14]. В глобальном масштабе суммарные потери бизнеса от неудачных трансформаций оцениваются в 2,3 трлн долл. ежегодно[14] – колоссальная сумма упущенных инвестиций. Основные причины – недооценка сложности изменений, ошибки в управлении проектами, сопротивление изменениям внутри организации, нехватка компетенций и т.д. (Jon Garcia, 2020)[14]. Таким образом, риск экономических потерь при цифровизации довольно высок, если подходить к ней формально или спешно.

Ко второй группе негативных аспектов относятся социально-экономические эффекты для работников и общества. Автоматизация и внедрение ИИ порождают опасения насчет сокращения рабочих мест, особенно низкоквалифицированных. Хотя в долгосрочной перспективе цифровая экономика создает и новые рабочие роли (специалисты по данным, разработчики и пр.), в краткосрочном плане возможна структурная безработица в традиционных отраслях. Кроме того, внутри компаний цифровизация изменяет характер труда, предъявляет новые требования к навыкам и может вызывать стресс у персонала. Недавнее исследование китайских ученых (Zhou и др., 2025) описывает цифровую трансформацию как «обоюдоострый меч» для сотрудников: с одной

стороны, цифровые инструменты повышают адаптивность и эффективность работников, с другой – усиливают у них ощущение угрозы своему статусу[42][43]. Сотрудники с высокой мотивацией к обучению получают выгоды – благодаря ИТ они приобретают больше автономии и легче осваивают новые навыки, что повышает их продуктивность. Однако работники, ориентированные лишь на выполнение текущих задач, могут воспринимать цифровые нововведения как стресс: увеличение требований, риск стать невостребованными, необходимость осваивать трудные системы[44][45]. Это приводит к сопротивлению изменениям, что само по себе снижает экономический эффект от внедрения технологий. Для бизнеса данные риски означают, что успех цифровой трансформации требует инвестиций не только в технику, но и в человеческий капитал – обучение сотрудников, изменение корпоративной культуры, новые подходы к управлению. Без этого цифровые проекты могут буксовать или давать ограниченный результат, несмотря на высокий технический потенциал.

Подводя итог обзору литературы, можно заключить, что экономический эффект цифровой трансформации в промышленности в целом положительный, что подтверждается множеством исследований. Цифровизация выступает драйвером роста производительности и эффективности как на уровне отдельных предприятий, так и в масштабах экономики. Однако реализация этого потенциала сопряжена с серьезными организационными изменениями. В научных работах акцентируется, что для успешного получения экономической отдачи предприятия должны преодолеть внутренние барьеры, развивать необходимые компетенции и адаптироваться к новым бизнес-реалиям. Кроме того, государственная политика и институты могут как ускорять, так и замедлять распространение цифровых инноваций. Таким образом, экономические преимущества цифровой трансформации не являются автоматическими – они зависят от множества условий и усилий по их достижению. В дальнейшем, опираясь на изложенные теоретические положения, рассмотрим конкретные количественные показатели и примеры эффектов цифровизации промышленности в мире и в России.

Методы

Настоящее исследование представляет собой обзорно-аналитическую работу, основанную на синтезе данных из различных источников. В соответствии с целью – изучить экономический аспект цифровой трансформации – были отобраны публикации и отчеты как академического, так и прикладного характера. Основу литературного обзора составили научные статьи (в том числе из баз Scopus/Web of Science), посвященные влиянию цифровизации на показатели эффективности предприятий и экономики. Для обеспечения глобального охвата учитывались исследования из разных регионов: Европы, Северной Америки, Восточной Азии (Китай, Республика Корея), а также аналитические обзоры международных организаций (ВЭФ, ОЭСР и др.).

Помимо научной литературы, в анализ включены отраслевые отчеты и статистические данные. Например, использованы материалы консалтинговых компаний (McKinsey, Gartner) по статистике успеха/неуспеха трансформационных проектов, данные IDC по динамике инвестиций, а также сведения из профильных новостных изданий. Отдельное внимание уделено российским источникам – отчетам Высшей школы экономики, публикациям деловых СМИ (РБК, Коммерсантъ) и кейсам ведущих российских компаний. Это сделано для учета специфики и реалий цифровизации промышленности в России, сопоставления их с мировыми трендами.

Методологически работа основана на качественном сравнительном анализе: выявляются общие черты и различия в оценках экономического эффекта цифровой трансформации в различных исследованиях. Количественные показатели (проценты роста производительности, объемы экономии затрат, доли внедрения технологий и т.п.) берутся из источников и приводятся для иллюстрации масштабов эффектов. Все показатели старательно сопоставляются и, по возможности, взаимно подтверждаются из нескольких независимых источников для повышения надежности выводов. Ограничением обзора является зависимость от доступных опубликованных данных; некоторые актуальные сведения (особенно по России) могут быть фрагментарными. Тем не менее, выбранный

комплексный подход – комбинация академической литературы и актуальной статистики – позволяет получить целостное представление об экономических плюсах и минусах цифровой трансформации в промышленности.

Основная часть

Глобальные экономические эффекты цифровизации промышленности

Опыт индустриально развитых стран демонстрирует значительный экономический выигрыш от внедрения цифровых технологий на производстве. В обрабатывающей промышленности за счет цифровизации достигаются рост производительности, снижение издержек и улучшение качества продукции. Так, комплексное внедрение решений Индустрии 4.0 (интернет вещей, роботизация, аналитика данных) способно повысить производительность производства на 20–30%, а энергопотребление сократить на 5–10% – такие оценки дает консалтинговая компания McKinsey по результатам проектов на предприятиях Европы[10]. Достижение подобного эффекта подтверждается и национальными программами. Например, в Республике Корея с 2014 г. реализуется государственная стратегия «Умные фабрики», в рамках которой к 2023 году было модернизировано десятки тысяч предприятий. По официальным данным, 5000+ малых и средних заводов после внедрения цифровых технологий за первые годы работы продемонстрировали в среднем рост производительности на 25% и одновременное снижение доли дефектной продукции на 27%[12]. Это ярко показывает, что даже традиционный промышленный сектор (МСП в обрабатывающей промышленности) способен существенно увеличить эффективность за счет автоматизации и цифровых систем управления. Другой пример – Япония и Германия, где внедрение промышленных роботов и систем автоматизации позволило не только увеличить выпуск продукции, но и заметно улучшить ее качество, сократив долю брака и простоев. Сама роботизация ускоряется: по данным IFR, мировое количество промышленных роботов на предприятиях удвоилось за последнюю декаду, что сопряжено с ростом производительности труда в производстве. В уже упомянутой Корее, занимающей лидирующие позиции по плотности роботизации, отмечается повышение выпуска продукции на 10–16% в отдельных производственных процессах благодаря роботам (например, роботизированные буровые установки увеличивают скорость бурения на 16% по метражу)[13].

Искусственный интеллект (AI) и большие данные также приносят значимые экономические плоды. За счет AI-подходов предприятия могут оптимизировать планирование, техническое обслуживание и управление качеством. По оценке Всемирного экономического форума, систематическое применение AI в промышленности способно ежегодно добавлять порядка 2% к мировому ВВП[13]. Этот эффект складывается из повышения операционной эффективности, ускорения инноваций и появления новых продуктов и услуг. В практическом выражении AI снижает простои оборудования, оптимизирует цепочки поставок и минимизирует человеческий фактор в рутинных операциях. Например, алгоритмы машинного обучения позволяют в реальном времени прогнозировать спрос и подстраивать производственные планы, что уменьшает избыточные запасы и экономит оборотные средства. Крупнейшие мировые производители отмечают, что AI-инструменты при правильной интеграции дают ощутимую отдачу: сокращение незапланированных простоев на 30–50%, уменьшение затрат на техобслуживание до 20%, рост выпуска за счет устранения узких мест на 10% и более[11][48]. Особенно ярко преимущества AI проявляются в сложных непрерывных производствах (нефте-химия, металлургия), где даже небольшое снижение времени простоя эквивалентно значимой экономии. По данным исследования Siemens, среди 500 крупнейших мировых производственных компаний убытки от незапланированных остановок оборудования составляют до 11% годовой выручки (в совокупности около 1,4 трлн долл.), поэтому инвестирование в предиктивные аналитические системы вполне окупается[12].

Макроэкономический эффект промышленной цифровизации проявляется через рост совокупной производительности факторов (TFP) и ускорение экономического роста стран.

Цифровые технологии усиливают отдачу от капитала и труда за счет лучшего их использования. Исследования в странах ОЭСР фиксируют, что сектора, быстрее внедряющие ИКТ, показывают более высокие темпы роста производительности. Цифровизация промышленности также стимулирует экспортный потенциал (благодаря повышению конкурентоспособности продукции) и создает мультипликативный эффект в смежных отраслях – например, спрос на услуги ИТ, телекоммуникаций, обучение персонала. По оценкам Минэкономразвития Республики Корея, распространение промышленных решений на базе AI может добавлять экономике около 30 млрд долл. в год за счет роста производительности и появления новых рынков[50]. В мировом масштабе выгоды цифровизации промышленности выражаются в повышении доли высокотехнологичной продукции в ВВП, создании новых рабочих мест в ИТ-секторе и общем повышении конкурентоспособности национальной экономики. Международные сравнения показывают прямую корреляцию между индексом цифрового развития промышленности и показателями экспорта высокотехнологичной продукции, долей добавленной стоимости в производстве. Иными словами, страны, инвестирующие в «умные фабрики» и индустриальные платформы, получают структурные преимущества в мировой экономике.

Несмотря на перечисленные плюсы, мировой опыт цифровой трансформации выявил и ряд негативных моментов, которые необходимо учитывать. Прежде всего, это высокий процент неудачных проектов. Как отмечалось в обзоре литературы, около 70% инициатив в области цифровизации не достигают поставленных целей[14]. Причины носят не технический, а организационный характер: недостаточная проработка стратегии, сопротивление изменений со стороны персонала, нехватка навыков у сотрудников, сбои в управлении проектом. Например, компания может инвестировать в дорогую систему IoT-сенсоров на производстве, но не добиться улучшений из-за того, что данные с них не интегрированы в процессы принятия решений. Или внедрить ERP-систему, но персонал продолжит работать по старым схемам, дублируя операции. Таким образом, риски неэффективности инвестиций в цифровизацию достаточно велики. По оценкам экспертов, в глобальном масштабе ежегодно теряются триллионы долларов на проекты, которые не принесли ожидаемой отдачи[14]. Это негативно сказывается на экономике компаний, снижая их прибыль и оттягивая ресурсы от других направлений. Кроме того, неудачные пилотные проекты могут формировать скептицизм руководства относительно цифровизации в целом, что тормозит инновации в дальнейшем.

Еще один риск – усиление цифрового неравенства. Крупные транснациональные корпорации обладают ресурсами для внедрения самых современных решений и получают от этого выгоду, тогда как малые и средние предприятия часто отстают. В результате разрыв в производительности между лидерами и аутсайдерами рынка может расти. Например, в ЕС крупные промышленники внедряют AI и аналитику данных гораздо быстрее, чем МСП, что ведет к повышению доли рынка первых за счет эффективности. Правительства многих стран (Германия, Южная Корея и др.) осознают эту проблему и запускают программы поддержки цифровизации МСП, субсидируя приобретение оборудования, софта, обучение персонала. Тем не менее, на глобальном уровне сохраняется ситуация, когда около половины предприятий малого бизнеса практически не используют современных цифровых технологий, что ограничивает их рост и конкурентоспособность. Это проявляется и между странами: развитые экономики уходят вперед, тогда как развивающиеся сталкиваются с нехваткой инфраструктуры и кадров для полноценной цифровой трансформации, из-за чего эффект для них ниже.

Социальные издержки цифровизации промышленности также ощутимы. Автоматизация может приводить к сокращению рабочих мест на заводах. Хотя в долгосрочной перспективе создаются новые рабочие места (например, разработчики, операторы сложных систем), работники с устаревшими навыками рискуют столкнуться с безработицей или снижением доходов. Это требует серьезных программ перекалфикации и социальной поддержки, без которых негативные социальные последствия могут перевесить локальные экономические выгоды компании от сокращения

персонала. Кроме того, цифровизация повышает требования к уровню образования работников, что может усилить неравенство на рынке труда: растет спрос на высококвалифицированных инженеров и дата-сайентистов, тогда как менее образованные кадры становятся невостребованными. В краткосрочном периоде это тоже экономический риск – рост безработицы или необходимость содержать избыточный персонал в период трансформации.

Нельзя не упомянуть и угрозы кибербезопасности. Оцифровывая производство и подключая оборудование к сетям, компании становятся уязвимыми для кибератак. В промышленности инциденты (вирусы, взлом систем управления) могут приводить к остановкам производств и прямым убыткам. Поэтому часть инвестиций должна идти в обеспечение информационной безопасности, что увеличивает издержки цифровизации. Если этого не сделать, экономический ущерб от потенциальных атак способен свести на нет выгоды от внедренных технологий. Многие мировые корпорации уже столкнулись с подобными инцидентами (вирус NotPetya парализовал в 2017 г. производственные площадки нескольких международных компаний, что привело к сотням миллионов долларов убытков). Следовательно, киберриски – еще один фактор, уменьшающий чистый экономический эффект цифровой трансформации, если ими пренебрегать.

Резюмируя, глобальный опыт показывает, что плюсы цифровой трансформации промышленности значительно перевешивают минусы, однако последние требуют активного управления. Экономический выигрыш выражается в росте эффективности, но чтобы его достичь, компаниям и государствам приходится преодолевать целый ряд вызовов: обучать кадры, менять устоявшиеся процессы, инвестировать в ИТ-инфраструктуру и безопасность. Те, кому это удастся, получают существенные конкурентные преимущества на мировом рынке. В следующем разделе рассмотрим, как описанные тенденции проявляются в российской промышленности – какие экономические эффекты уже достигнуты и какие проблемы сдерживают цифровую трансформацию в отечественных реалиях.

Российская практика: результаты и проблемы цифровой трансформации

В Российской Федерации цифровизация промышленности официально признана одним из приоритетов экономического развития. С 2018 по 2024 год реализовывался национальный проект «Цифровая экономика», в рамках которого были созданы основы ИКТ-инфраструктуры, переведены в электронный вид государственные услуги, запущены проекты в отраслях. По итогам этого периода, например, обеспечена 100% доступность широкополосного интернета для социально значимых объектов и более 86% домохозяйств в стране[5]. На 2025–2030 гг. запланирован новый нацпроект «Экономика данных», призванный развивать инфраструктуру хранения и обработки данных и стимулировать внедрение ИИ в отраслях[5]. Другими словами, на государственном уровне созданы предпосылки для цифровой трансформации промышленности. Как же это отражается на экономических показателях предприятий?

Текущий уровень цифровизации российских предприятий можно охарактеризовать как умеренно низкий, с заметным отставанием от мировых лидеров, но с локальными примерами успеха. Согласно исследованию «Холдинга Т1», общий индекс технологического развития крупных и средних российских компаний в 2023 году составил лишь 38,5%[5]. Это интегральный показатель цифровой зрелости, учитывающий внедрение технологий AI, облаков, информационной безопасности и пр. Для сравнения, аналогичные индексы в передовых странах оцениваются экспертами в 60–70%. Особенно отстает российская обрабатывающая промышленность. По оценке консалтинговой компании SBS, уровень «цифровой зрелости» обрабатывающих предприятий в России – около 26,6%[6]. То есть менее трети необходимых технологий и практик внедрено. Даже на крупных заводах цифровизация часто ограничивается точечными решениями (учет энергоресурсов, электронный документооборот), тогда как сквозные цифровые системы управления производством почти не интегрированы[6]. В результате многие заводы формально имеют отдельные цифровые инструменты, но не получают системного эффекта – по выражению экспертов, «цифра присутствует, но не управляет»[6].

Конкретные показатели подтверждают фрагментарность внедрения технологий. Например, к 2024 году только 14% российских промышленных предприятий внедрили ERP-системы, а системы класса MES используются лишь на 6% заводов[57]. Для сравнения, на предприятиях Германии охват ERP превышает 90%, MES – около 40%. Более того, существующие автоматизированные системы управления технологическими процессами (АСУ ТП) в России часто изолированы и не интегрированы с бизнес-системами[58]. Любые попытки доработать или связать устаревшие системы сопровождаются рисками для стабильности производства, поэтому предприятия предпочитают их минимизировать, сохраняя «статус-кво» без глубокой интеграции IT и операционных технологий[59]. Такой технологический разрыв приводит к тому, что менеджмент не обладает полной прозрачностью данных, решения принимаются без опоры на аналитику в реальном времени, а потенциал оптимизации процессов не реализуется. По сути, многие заводы продолжают работать по старым схемам, дополняя их лишь отдельными цифровыми решениями, не меняющими кардинально ситуацию.

Тем не менее, есть и отрасли-лидеры в России по уровню цифровизации. К их числу относятся, по данным того же исследования, финансовый сектор, розничная торговля и металлургия, где средний уровень внедрения цифровых технологий достигает 46–52%[6]. В банковской сфере (fintech) объем инвестиций в IT традиционно высок, что отражается в масштабной автоматизации, переходе на онлайн-сервисы и использовании больших данных для анализа клиентов. Розничная торговля активно внедряет аналитику больших данных и AI для управления ассортиментом, ценами и цепочками поставок – крупные ритейлеры (X5 Group, СберМаркет и др.) уже получили ощутимую отдачу от этих инструментов, выражающуюся в росте продаж и снижении уровня out-of-stock[61]. Металлургические компании России в последние годы также увеличили инвестиции: около половины металлургических предприятий развивают концепцию «умного производства» с высоким уровнем автоматизации и применением цифровых двойников[6]. Этот сектор показывает наиболее быстрые темпы роста вложений в оборудование и ПО. Причины во многом внешние – конкуренция на глобальном рынке металлов требует снижения себестоимости, а санкционные ограничения подталкивают к импортозамещению критического софта.

Следует отметить успешные кейсы отдельных компаний, которые уже ощутили значительный экономический эффект от цифровой трансформации. Один из примеров – ПАО «ВТБ». Крупный банк, но с развитой инфраструктурой IT, он также обладает промышленными активами и активно внедряет цифровые решения в бизнес-процессы. По заявлению руководства, совокупный экономический эффект от реализованных проектов цифровой трансформации в банке ВТБ к концу 2024 года ожидается около 500 млрд руб.[6]. Это колоссальная сумма, эквивалентная примерно 6 млрд долларов, показывающая, насколько серьезные результаты могут дать масштабные цифровые инициативы. В эту цифру входят как прямое увеличение доходов (за счет новых цифровых сервисов, роста клиентской базы), так и сокращение издержек. Например, только переход ВТБ на собственные разработки и отказ от части иностранного софта дал экономию около 30 млрд руб. за 2023 год благодаря снижению расходов на лицензии и оборудование[7]. В промышленном секторе впечатляющих результатов добился нефтехимический холдинг СИБУР. Здесь программа цифровой трансформации реализуется с 2018 года и охватывает ключевые производственные и бизнес-процессы. По словам топ-менеджмента, накопленный экономический эффект от цифровизации в СИБУРе уже превысил 50 млрд руб.[64]. В числе наиболее эффективных решений – применение моделей искусственного интеллекта для оптимизации технологических режимов. Если на начальном этапе ИИ внедрялся для локальных задач (например, повышение эффективности отдельной установки), то сейчас акцент на проектах, где AI улучшает качество принятия решений во всех процессах компании[8]. СИБУР также стал одним из пионеров по разработке отечественных цифровых продуктов взамен ушедших западных: совместно с другими крупными компаниями («Еврохим», «Новатэк», «Газпром нефть») создана российская альтернатива сложному ПО для технологического моделирования процессов[8][66]. Это не только обеспечивает технологический суверенитет, но и открывает новый сегмент рынка

ПО, где российские решения могут распространяться и на другие предприятия.

Официальные прогнозные оценки также свидетельствуют о большой потенциальной отдаче от цифровизации российской промышленности. По данным агентства Statista, ожидается, что к 2025 году вклад цифровизации в рост российской экономики составит около 26 млрд долларов совокупно[8]. К 2030 году, по расчетам экспертов, мероприятия по цифровой трансформации обеспечат значительный дополнительный прирост производительности труда в основных секторах: в обрабатывающей промышленности – примерно на 20% выше базового сценария, в топливно-энергетическом комплексе – на 13%, в сельском хозяйстве – на 16%, в транспорте и логистике – на 20%, в финансовом секторе – на 14%[8]. Эти цифры приводятся в исследовании НИУ ВШЭ и базируются на моделировании эффекта от широкого внедрения ИИ, больших данных и роботизации в экономиках соответствующих отраслей. Фактически, реализуй Россия весь заложенный потенциал цифровизации, темпы роста производительности в промышленности могли бы удвоиться относительно нынешних. Для экономики, традиционно страдающей от стагнации производительности, это был бы мощный толчок вперед. Таким образом, резерв экономического роста за счет цифровой трансформации в России весьма велик.

Однако на пути к реализации этих эффектов встают серьезные препятствия, присущие текущим российским условиям. Во-первых, уже отмеченный низкий уровень текущей цифровой зрелости большинства предприятий. Многие заводы технологически отстали, их оборудование изношено и не поддерживает современные системы автоматизации. Цифровизация таких производств требует сперва крупных вложений в модернизацию основных фондов, что не все собственники готовы делать. Во-вторых, дефицит кадров и компетенций. Российские промышленные компании испытывают острую нехватку инженеров, разбирающихся в технологиях Industry 4.0 – системах SCADA, IIoT, цифровых двойниках, анализе данных[11]. Также не хватает внутренних ИТ-специалистов, знакомых с производственными процессами. Этот кадровый разрыв приводит к тому, что даже при наличии денег на оборудование предприятия не могут эффективно его внедрить и использовать. Обучение персонала и привлечение новых специалистов требует времени и ресурсов. Некоторые компании решают проблему через сотрудничество: крупные игроки объединяются в отраслевые альянсы, создают центры компетенций, совместно разрабатывают типовые решения и обучают кадры[69] [70]. Пример – консорциумы под эгидой Минпромторга РФ, где ключевые корпорации отрасли обмениваются опытом цифровизации. Тем не менее, на общероссийском уровне проблема кадрового дефицита остается острой и сдерживает темпы трансформации.

В-третьих, финансово-экономические барьеры. Цифровые проекты в промышленности капиталоемки. Это приводит к тому, что нужно покупать датчики, прокладывать сети, внедрять софт, создавать ИТ-инфраструктуру и службу поддержки. Все это – значительные инвестиции, окупаемость которых не всегда очевидна. При высокой стоимости заемного капитала в России и общем экономическом фоне многие предприятия боятся вкладываться в длинные проекты. «Коробочные» решения (готовые системы) стоят десятки миллионов рублей, а срок возврата инвестиций может растянуться на годы[13]. Менеджмент порой не готов показывать временное снижение прибыли ради туманных перспектив роста эффективности через 3-5 лет. Отсюда следует склонность к минимизации рисков и затрат, что приводит к внедрению самого необходимого, либо ожидают субсидий от государства. Ситуацию усугубляют санкционные ограничения. Тем не менее, тут есть и обратная сторона. Уход иностранных вендоров побудил российские предприятия активно искать отечественные решения, и это стало своеобразным драйвером цифровизации[10]. Многие заводы, ранее откладывавшие переход на новые системы, были вынуждены заняться этим, поскольку больше не могли полагаться на импортное ПО и оборудование. Импортозамещение стало не просто заменой «один в один», а стимулом проектировать системы с нуля с учетом совместимости и масштабируемости, без исторического балласта. По сути, кризис заставил компанию спроектировать цифровую архитектуру заново, часто более продуманно. Как отмечают

эксперты, теперь предприятия стремятся к независимости от западных поставщиков и изначально закладывают открытые стандарты, модульность и возможность масштабирования решений[10]. Это в перспективе может повысить устойчивость и снизить расходы (например, не придется платить за дорогостоящие лицензии ежегодно). Таким образом, санкции и технологический разрыв с Западом одновременно и тормозят внедрение самых передовых технологий, и стимулируют рост локальных разработок и кооперацию российских участников.

Еще одним ограничением является организационная инертность и недостаток успешных примеров для тиражирования. Многие предприятия до сих пор не видели на своем опыте ощутимых выгод от цифровизации и относятся к ней как к модному слову или «игрушке айтишников». В корпоративной культуре промышленных гигантов сильны традиции иерархии, а цифровая трансформация требует более гибких, плоских структур, экспериментального подхода. Это сталкивается с внутренним сопротивлением менеджеров среднего звена, которые не хотят «ломать» привычные схемы. Выходом здесь может быть точечное создание команд цифровой трансформации со специальными полномочиями и поддержкой первого лица компании. В России такие практики только начинают появляться. Например, ряд крупных холдингов (Северсталь, СИБУР и др.) вводят должности Chief Digital Officer, создают цифровые подразделения, которые имеют свой бюджет и свободу в экспериментах. Без подобной реорганизации цифровые проекты тонут в бюрократии. То есть, экономический эффект возможен, когда цифровизация становится частью стратегии компании, подкрепленной волей руководства и изменениями бизнес-процессов.

Наконец, нельзя забывать про внешние макроусловия. Общая экономическая ситуация в РФ (замедленный рост экономики, санкционное давление) сокращает финансовые возможности компаний и спрос на продукцию, что снижает мотивацию инвестировать в модернизацию. Кроме того, небольшая конкуренция в отдельных секторах (монополизированные рынки) не стимулирует компании искать пути повышения эффективности. Государство пытается влиять – через налоговые льготы, субсидии на пилотные проекты, требования по цифровым метрикам в госкорпорациях. Например, действует программа налогового вычета на затраты по цифровой трансформации, грантовая поддержка от Российского фонда развития информационных технологий (РФРИТ) и др. Однако масштаб этих мер пока ограничен по сравнению с потребностями всей промышленности.

Подведем итоги по России: хотя отставание от мировых лидеров по цифровизации промышленности очевидно, в стране сформировались все предпосылки для ускорения этого процесса – есть стратегическое понимание, точечные успехи и даже принудительные стимулы (импортозамещение). Экономический эффект, продемонстрированный лидерами (миллиардные рублевые выгоды у ВТБ, СИБУРа и др.), служит доказательством, что цифровая трансформация может быть крайне выгодной. Потенциальный суммарный эффект для экономики измеряется десятками миллиардов долларов к 2030 г. Однако для его достижения необходимо устранить тормозящие факторы: подтянуть отстающие предприятия, решить проблему кадров, обеспечить финансирование и тиражировать лучшие практики. Если этого не сделать, существует риск усиления технологического разрыва: часть продвинутых компаний будет процветать, а остальные – терять конкурентоспособность, что негативно скажется на экономике в целом. Таким образом, российской промышленности еще предстоит пройти основной путь цифровой трансформации, и ближайшие годы станут определяющими в плане того, удастся ли получить масштабный положительный экономический эффект или трансформация останется локальной.

Заключение

Цифровая трансформация промышленных предприятий представляет собой сложный, многогранный процесс, который уже оказывает заметное влияние на экономику – как на уровне отдельных фирм, так и в масштабах стран и мира. Положительные экономические эффекты цифровизации промышленности трудно переоценить. Внедрение передовых технологий ведет к росту производительности труда, снижению издержек производства, улучшению качества

продукции и ускорению вывода инноваций на рынок. Предприятия, успешно прошедшие через трансформацию, получают ощутимые выгоды: повышение выручки и прибыли, усиление позиций на рынке, рост капитализации. На макроуровне цифровизация промышленности способствует ускорению экономического роста, повышению конкурентоспособности национальной экономики и ее технологической независимости. Как было показано, исследования фиксируют значимый вклад цифровых технологий в прирост ВВП и производительности. Практические примеры – от южнокорейских «умных фабрик» до российских цифровых прорывов в СИБУРе – наглядно демонстрируют, что грамотно реализованные цифровые проекты окупаются многократно, принося сотни миллионов и миллиарды рублей экономии и дополнительной продукции.

В то же время, экономический аспект цифровой трансформации нельзя считать однозначно благополучным. Высокий процент неудач в цифровых инициативах напоминает, что для достижения положительного эффекта недостаточно просто закупить технологии – необходимы изменения в управлении, вовлеченность персонала, развитие компетенций. Экономические риски цифровизации проявляются в виде возможных потерь инвестиций при провале проектов, а также во временном падении эффективности в период перестройки процессов (кривая обучения). Кроме того, цифровая трансформация вызывает определенные структурные сдвиги: меняется спрос на рабочую силу (возрастает потребность в ИТ-специалистах, снижается – в низкоквалифицированном труде), что требует адаптации рынка труда. Без проактивных мер эти сдвиги могут привести к социальным издержкам, которые в конечном счете тоже экономически ощутимы (расходы на переобучение, пособия и т.д.). Таким образом, получение положительного экономического эффекта от цифровизации сопряжено с необходимостью инвестиций не только в технологии, но и в людей и институты.

Российская промышленность находится сейчас на перепутье: с одной стороны, признаны и частично реализованы возможности цифровой трансформации (есть стратегии, нацпроекты, пилотные успехи), с другой – системный эффект на экономику пока ограничен. Реалии России накладывают свои особенности: необходимость технологического суверенитета в условиях санкций придает цифровизации дополнительное значение (как фактор независимости), но одновременно усложняет доступ к передовым достижениям. Тем не менее, тенденция последних лет внушает осторожный оптимизм – уровень цифровой зрелости предприятий постепенно растет, формируется рынок отечественных промышленных ИТ-решений, расширяется подготовка специалистов по цифре. Если удастся преодолеть инерцию и активно масштабировать успешные кейсы, российская промышленность может совершить рывок в эффективности за счет цифровизации. В противном случае сохраняется риск увеличения разрыва с лидерами мировой индустрии и упущения потенциальных выгод.

В заключение подчеркнем, что цифровая трансформация – не дань моде, а объективная необходимость для промышленности, стремящейся оставаться конкурентоспособной в XXI веке. Ее экономический эффект уже ощутим и по преимуществу позитивен, что подтверждается как исследованиями, так и практикой. Однако достижение этого эффекта требует целенаправленной работы и от бизнеса, и от государства. Ключевыми факторами успеха являются: стратегическое видение руководства, инвестиции в кадры, готовность к организационным инновациям, а также благоприятная внешняя среда (стимулы, инфраструктура, нормативная поддержка). Страны и компании, сумевшие выстроить эти элементы, получают значительные экономические дивиденды от цифровизации. Те же, кто отстает, рискуют понести экономические потери в виде снижения эффективности и утраты позиций. Можно с уверенностью сказать, что в ближайшие годы цифровая трансформация останется одним из главных драйверов изменений в промышленности, и ее экономический аспект – рост эффективности – будет в фокусе внимания руководителей и экономистов. Цифровая экономика открывает перед промышленными предприятиями огромные перспективы, и от того, насколько успешно они будут реализованы, во многом зависит будущее экономическое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda // *Journal of Strategic Information Systems*. 2019. 28(2). P. 118–144
2. Tudose M. B., Georgescu A., Avasilcăi S. Global Analysis Regarding the Impact of Digital Transformation on Macroeconomic Outcomes // *Sustainability*. 2023. 15(5): 4583. DOI: 10.3390/su15054583
3. Zhou Q., Cheng S., Fu F., Zhang J., Jiang Y. Enterprise digital transformation as a double-edged sword for employees: an investigation based on the Job Demands-Resources model // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. 12, Article 1718. DOI: 10.1057/s41599-025-05985-4
4. Taylor & Francis Group. \$2.3 trillion Wasted Globally in Failed Digital Transformation Programs – Costly and Complex Business Strategies are ‘Not Necessary’ (Press Release) // newsroom.taylorandfrancisgroup.com. 13.09.2023. URL: <https://newsroom.taylorandfrancisgroup.com/costly-business-overhauls-are-not-needed-to-embrace-new-digital-technologies-according-to-specialist/> (дата обращения: 14.11.2025)
5. Как экономика становится цифровой // РБК, 11.11.2024. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/672dd29f9a7947234ef1a350> (дата обращения: 14.11.2025)
6. Заводы будущего: как запустить цифровую трансформацию промышленных производств // Журнал «Сибур», 29.07.2025. URL: <https://magazine.sibur.ru/publication/trends/zavody-budushchego-kak-zapustit-tsifrovuyu-transformatsiyu-promyshlennykh-proizvodstv/> (дата обращения: 14.11.2025)
7. «Цифра» в деле. Как технологии помогают бизнесу повысить эффективность в разных отраслях // SberPro Медиа, 16.04.2024. URL: <https://sber.pro/publication/cifra-v-dele-kak-tehnologii-pomogayut-biznesu-povysit-ehffektivnost-v-raznyh-otraslyah/> (дата обращения: 14.11.2025)
8. Perducat C., Schwertner A. L. Industrial AI gives people “superpowers” in advanced manufacturing. Here’s how // *World Economic Forum*, 12.01.2024. URL: <https://www.weforum.org/stories/2024/01/industrial-ai-superpowers-advanced-manufacturing/> (дата обращения: 14.11.2025)
9. Shao X. et al. Digital transformation and production efficiency in China’s manufacturing // *International Review of Economics & Finance*. 2024 (в печати). DOI: 10.1016/j.iref.2024.01
10. South Korea – Manufacturing Technology – Smart Factory // *Country Commercial Guide*, U.S. International Trade Administration, обновлено 05.12.2023. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/south-korea-manufacturing-technology-smart-factory> (дата обращения: 14.11.2025)
11. Wang D., Shao X. Research on the impact of digital transformation on the production efficiency of manufacturing enterprises: Institution-based analysis of the threshold effect // *International Review of Economics and Finance*. 2024. Vol. 91. P. 883–897.
12. Цифровая трансформация с ИИ: как данные меняют промышленность // *Ес[ON]омукZ*. – 2025. – 21 октября. – Режим доступа: <https://economykz.org/?p=21768#:~:text=Экономическая%20цена%20отказа%20от%20ИИ,миллионов%20в%20зависимости%20от%20отрасли.> – Дата обращения: 15.09.2025.
13. Industrial AI is giving advanced manufacturing new superpowers. *World Economic Forum*, 29 Jan. 2024, www.weforum.org/stories/2024/01/industrial-ai-superpowers-advanced-manufacturing/
14. 70 per cent of transformation projects fail – and everyone’s ignoring the same fix // *Financial Times*. – 2025. – 3. – URL: <https://www.ft.com/partnercontent/teamviewer/70-per-cent-of-transformation-projects-fail-and-everyones-ignoring-the-same-fix.html> (дата обращения: 14.09.2025).

Digital transformation of industrial enterprises: the economic aspect

Naumov Denis Vladimirovich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, First Vice-Rector

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: naumovdv@ystu.ru

KEYWORDS.

digital transformation; industry; economic impact; labor productivity; Industry 4.0; artificial intelligence; Russia; investment

ABSTRACT.

The article examines the economic effects of digital transformation in industrial enterprises, focusing on both global developments and the specific context of Russia. The purpose of the study is to identify the conditions under which digitalization leads to tangible improvements in efficiency and productivity, and when it instead generates excessive costs, risks, or limited returns. Methodologically, the work relies on a comprehensive review of contemporary academic research from European, American, Korean, Chinese, and Russian scholars, complemented by comparative analysis of statistical data at the micro- and macroeconomic levels. The findings show that the deployment of Industry 4.0 technologies, industrial IoT, data analytics systems, and artificial intelligence generally results in higher labor productivity, reduced operational costs, improved product quality, and enhanced export potential. At the macro level, industrial digitalization contributes to faster economic growth and strengthened national competitiveness. However, the study also highlights significant challenges, including the high failure rate of digital transformation projects, substantial capital expenditures, cybersecurity threats, widening gaps between “digital leaders” and lagging firms, and structural shifts in the labor market. In Russia, the potential economic benefits of digitalization are considerable, yet remain only partially realized due to low digital maturity across many enterprises, shortages of skilled personnel, financial constraints, and technological restrictions intensified by sanctions. The article concludes that the economic impact of digital transformation is not automatic; it depends on effective change management, institutional quality, and strategic alignment between government initiatives and corporate priorities.

Современные риски и перспективы развития банковского сектора в Российской Федерации

Зверева Татьяна Владимировна

доктор социологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия

E-mail: tvzvereva@fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

банковский сектор,
кредитные организации,
налогообложение
банковского сектора,
налоговое регулирование,
риски функционирования
банковского сектора

АННОТАЦИЯ.

Статья посвящена анализу современных рисков и перспектив развития банковского сектора Российской Федерации в условиях внешнеэкономических ограничений, высокой ключевой ставки и продолжающейся цифровой трансформации. Автор обосновывает актуальность исследования, подчеркивая значимость устойчивого функционирования банковской системы для экономического роста, финансовой стабильности и инвестиционной активности. Особое внимание уделено ключевым видам рисков, влияющим на деятельность кредитных организаций: кредитному, рыночному, правовому, риску изъятия вкладов и усилению конкурентного давления. Показано, что санкционное воздействие стимулировало перестройку финансовой инфраструктуры, развитие внутренних платежных систем, цифровых сервисов и переориентацию на сотрудничество с азиатскими странами. Методологическую основу исследования составляют неоклассический и неоинституциональный подходы, а также методы анализа, синтеза, систематизации и сравнительного анализа. На основе проведенного исследования автор выделяет приоритетные направления развития банковского сектора: углубление цифровизации, расширение экосистемных моделей, совершенствование риск-менеджмента и повышение технологического суверенитета. Отдельный акцент сделан на роли налогового регулирования как инструмента государственной поддержки, включая адресные налоговые льготы и фискальные стимулы. Сделан вывод, что комплексная адаптация к геополитическим и макроэкономическим вызовам является ключевым условием повышения устойчивости и конкурентоспособности российского банковского сектора.

JEL codes: G21, E52, E44, H21, H25, G28, O33, F51, F65

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-94-105>

Для цитирования: Зверева, Т.В. Современные риски и перспективы развития банковского сектора в Российской Федерации / Т.В. Зверева - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.94-105. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Банковский сектор - сложная многогранная система, включающая в себя множество банковских и финансовых организаций, которые работают в тесном взаимодействии, формируя единый денежно-кредитный механизм страны. Данный сектор играет ключевую роль в экономике, являясь одним из основных поставщиков финансовых ресурсов для предприятий и населения. Банковские организации реализуют широкий спектр услуг, необходимых для функционирования современного общества [1]. Так, ключевые задачи банков заключаются в предоставлении кредитов и займов как физическим лицам, так и юридическим, финансируя их потребности и инвестиционные проекты, в обеспечении проведения платежей, перевод денежных средств между счетами, обработки чеков и других платежных документов, в предоставлении возможности хранить свои сбережения в безопасном и доступном месте и др.

За последние два десятилетия российский банковский сектор пережил стремительное

экстенсивное развитие, основанное на количественном расширении, а не на качественном улучшении [2]. Банки стремились быстро нарастить свой капитал и клиентскую базу, часто в ущерб качеству предоставляемых услуг и контролю рисков. Подобная модель развития, основанная на «гонке за прибылью», имела ряд последствий, среди которых можно выделить несколько ключевых:

- Агрессивная банковская политика, в рамках которой банки часто предлагали привлекательные условия кредитования, не всегда в полной мере оценивая платежеспособность заемщиков и уровень рисков.
- Высокий уровень потенциальных банковских рисков. Быстрый рост кредитования без должной проработки рисков привел к увеличению количества проблемных кредитов и повышению вероятности возникновения финансовых кризисов.
- Отсутствие инноваций, вызванное фокусированием на количественном росте, что часто приводило к пренебрежению инвестициями в развитие технологий, оптимизацию процессов и повышение качества обслуживания клиентов и др.

В настоящее время банковском секторе наблюдается переход к более интенсивной модели развития, основанной на качественном улучшении услуг, внедрении инноваций и усилении контроля рисков. Целями развития банковского сектора являются обеспечение стабильного экономического роста – развитая и стабильная банковская система является ключевым элементом для стимулирования инвестиций, кредитования предприятий. Повышение финансовой стабильности – нестабильная банковская система может привести к финансовым кризисам, инфляции, снижению доверия к национальной валюте, а также к дестабилизации всей экономики. Из-за геополитической ситуации в текущее время задача повышения финансовой стабильности банковского сектора крайне актуальна. По итогам 2024 года банковский сектор получил прибыль, в размере 3,8 трлн руб., что стало рекордным показателем [3].

Цель исследования состоит в анализе влияния международных санкций на банковский сектор Российской Федерации и выявлении ключевых адаптационных стратегий для развития перспективных направлений банковского сектора в РФ.

Научная новизна заключается в определении рисков функционирования банковского сектора Российской Федерации в условиях санкций и высокой ключевой ставки.

Методы

При написании статьи использовались методологические подходы неоклассической и неоинституциональной теории. Методами, использованными в научной статье, являются анализ, синтез, систематизация, сравнительный анализ.

С 2022 года под влиянием макроэкономических и политических факторов произошло усиление санкционного давления на Российскую Федерацию, в том числе в отношении банковского сектора России. Были отключены крупнейшие российские банки от системы SWIFT, введены ограничения на операции с валютой, а также заморожены золотовалютные резервы России.

В краткосрочной перспективе санкции вызвали шок на финансовых рынках: курс рубля резко упал, а банки столкнулись с оттоком капитала и дестабилизацией ликвидности. Однако благодаря оперативным мерам Центрального банка России, которые подразумевали под собой повышение ключевой ставки и введение временных ограничений на валютные операции, ситуация стабилизировалась. В долгосрочной перспективе санкции привели к перестройке финансовой системы. Банки стали активно развивать внутренние ресурсы, сокращать зависимость от иностранного капитала и переориентироваться на сотрудничество с азиатскими странами.

Опыт Ирана, который находится под санкционным давлением с 1980-х годов показывает, что длительное санкционное давление приводит к изоляции от международных финансовых рынков, снижению инвестиционной привлекательности и ухудшению экономических показателей. Однако Россия обладает более диверсифицированной экономикой и значительными золотовалютными резервами, поэтому Российская Федерация смогла избежать аналогичных негативных последствий.

Кроме того, российские банки с 2014 года активно используют опыт других стран для разработки адаптационных стратегий.

Санкции привели к перераспределению долей на банковском рынке. Крупные государственные банки: Сбербанк, ВТБ и Газпромбанк, укрепили свои позиции благодаря поддержке со стороны государства. В то же время частные банки, особенно те, которые активно работали с иностранными партнерами, столкнулись с трудностями. Это привело к консолидации рынка и увеличению доли государственного сектора. Ограничение доступа к международным финансовым рынкам также привело к увеличению стоимости капитала для российских банков. Банки были вынуждены искать альтернативные источники финансирования, прибегая к внутренним займам и дополнительной эмиссии облигаций. Кроме того, санкции увеличили риски, связанные с валютными операциями и международными расчетами, что потребовало разработки новых платежных мощностей – аналогов европейских международных систем. Ключевым конкурентным преимуществом российских банков в условиях санкций стала их способность быстро адаптироваться к изменениям. Банки совместно с ЦБ Российской Федерации активно внедряют цифровые технологии, развивают собственные платежные системы (к примеру, Систему быстрых платежей, Мир Pay) и расширяют сотрудничество с азиатскими партнерами. Однако слабостью остается зависимость от импортных технологий и ограниченный доступ к международным финансовым ресурсам.

В условиях повсеместной адаптации к новым вызовам цифровизация стала ключевым направлением. Банки активно внедряют технологии искусственного интеллекта, блокчейн и облачные вычисления для повышения эффективности и снижения издержек. Продолжается активная разработка собственных платежных систем, которые позволяют снизить зависимость от международных платежных систем.

Санкции значительно сократили приток иностранных инвестиций в российскую экономику. Банки были вынуждены переориентироваться на внутренние источники финансирования и сотрудничество с инвесторами азиатско-тихоокеанского региона. В условиях санкций перспективы восстановления полноценного взаимодействия с международными финансовыми рынками остаются неопределенными. Однако российские банки активно ищут альтернативные пути сотрудничества, которые включают в себя развитие отношений с азиатскими странами и участие в новых международных финансовых институтах, одним из которых стал альянс БРИКС.

На развитие банковского сектора в России влияют ряд факторов.

Макроэкономическая конъюнктура, включающая динамику экономического роста, инфляционные процессы, валютные курсы и уровень безработицы, выступает ключевым детерминантом спроса на кредитно-депозитные и инвестиционные услуги, а также идентификатором уровня рисков в банковской системе. В периоды экономической экспансии наблюдается рост кредитной активности, сопровождающийся снижением процентных ставок, тогда как рецессионные фазы характеризуются сокращением спроса на заемные ресурсы, повышением стоимости кредитования и снижением рентабельности банковских операций.

Денежно-кредитная политика Центрального банка Российской Федерации, реализуемая через регулирование денежной массы и ключевой ставки, также непосредственно воздействует на доступность и стоимость финансирования. Рост ключевой ставки провоцирует удорожание кредитных ресурсов для коммерческих банков, что транслируется в повышение ставок для конечных заемщиков, и наоборот [4]. Законодательное регулирование банковской деятельности, установка нормативов капитала, ликвидности и риск-менеджмента, формирует институциональные рамки функционирования сектора. Ревизия нормативной базы может потребовать структурной перестройки бизнес-моделей, сопряженной с ростом операционных издержек или, напротив, созданием конкурентных преимуществ.

Технологическая трансформация, обусловленная внедрением финтех, искусственного интеллекта и технологий «Big Data», реконфигурирует ландшафт финансовых услуг, вынуждая

банки инвестировать в цифровизацию для сохранения конкурентоспособности, повышения клиентоориентированности и оптимизации процессов. Геополитические факторы, такие как санкционные ограничения и политическая нестабильность, оказывают мультипликативное воздействие на валютный курс, доступ к международному финансированию и операционную среду, что актуализирует поиск альтернативных источников капитала и риск-митигационных стратегий.

Одним из важнейших факторов, влияющих на развитие банковского сектора, является налоговое регулирование. Оно выполняет дуальную функцию: фискальную (мобилизация бюджетных доходов) и стимулирующую (корректировка отраслевых приоритетов). Налоговая система дифференцирует ставки на прибыль в зависимости от типа финансового института, предоставляя льготы банкам, специализирующимся на сберегательных услугах, ипотечном и потребительском кредитовании, что направлено на расширение доступности кредитных ресурсов для малого и среднего бизнеса [5]. Освобождение от НДС отдельных операций (таких как управление счетами, операции с валютой, работа с ценными бумагами) способствует снижению стоимости услуг и сдерживанию инфляции. Льготное налогообложение доходов по государственным облигациям и правительственным кредитам стимулирует участие банков в реализации публичных программ [6].

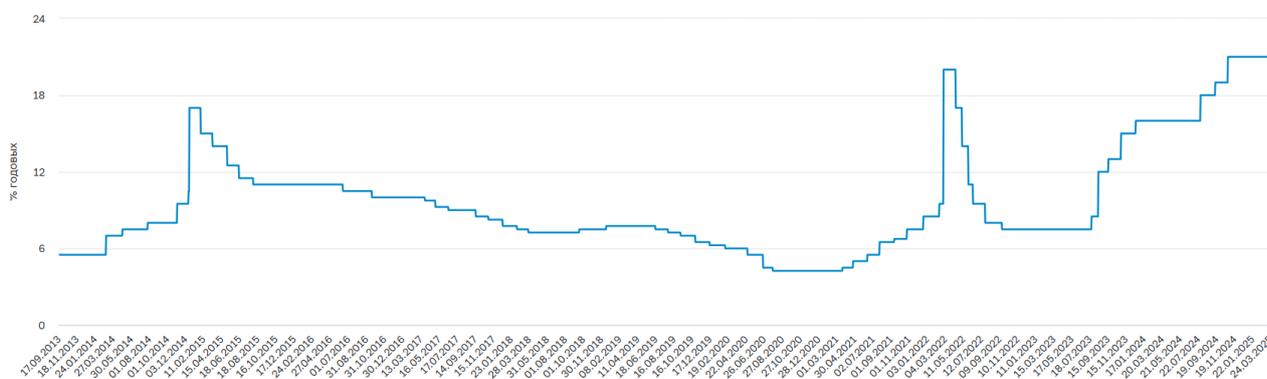

Рисунок 1 – Динамика ключевой ставки Центрального Банка Российской Федерации.

Источник: Банк России [7].

При высокой ключевой ставке банки могут устанавливать более высокие проценты по кредитам, выдаваемым физическим лицам и компаниям. Это увеличивает доходность активных операций, так как разница между ставками по кредитованию и привлеченным средствам становится больше. Однако рост ставок может привести к снижению спроса на кредиты, поскольку заемщики будут менее склонны брать дорогие займы.

Повышение ключевой ставки ведет к увеличению стоимости фондирования для банков, так как они привлекают средства у ЦБ РФ и на межбанковском рынке по более высоким ставкам. Это снижает маржу между процентными доходами и расходами, уменьшая чистую прибыль банков. Если же ключевая ставка снижается, то стоимость фондирования уменьшается, что благоприятно сказывается на рентабельности банков. Также изменение ключевой ставки непосредственно влияет на маржу чистого процента. Маржа чистого процента (Net Interest Margin, NIM) — это разница между процентным доходом, полученным банками от выданных кредитов, и процентными расходами на привлечение средств. Изменения ключевой ставки могут оказывать различное влияние на разные категории банков. Крупные системообразующие банки, обладающие большими ресурсами и доступом к дешевому фондированию, могут легче справляться с повышением ставок, чем небольшие региональные банки. Это усиливает конкуренцию на рынке и может привести к консолидации отрасли. Кроме того, повышение ключевой ставки может стимулировать слияния и поглощения, так как слабые игроки ищут пути для выживания, объединяя усилия с более крупными и устойчивыми банками.

При повышении ключевой ставки банки также могут повысить ставки по кредитам. Стоимость фондирования увеличивается. В результате маржа может либо увеличиться, если

рост процентных доходов превышает увеличение расходов, либо уменьшиться, если наоборот. В зависимости от структуры баланса конкретного банка, он может выиграть или проиграть от изменения ключевой ставки. Коммерческие банки привлекают средства различными способами: через депозиты физических и юридических лиц, межбанковские кредиты, выпуск ценных бумаг и другие инструменты. Когда ключевая ставка растет, стоимость этих источников финансирования возрастает, что уменьшает прибыльность банков. Например, если банк привлекает средства через депозиты, то ему придется предложить более высокую ставку по вкладам, чтобы привлечь клиентов. Это увеличит его процентные расходы и снизит маржинальность. Изменение ключевой ставки влияет на платежеспособность компаний и частных лиц, что отражается на качестве кредитного портфеля банков. При росте ставок платежи по кредитам увеличиваются, что может ухудшить финансовое положение заемщиков и увеличить долю просроченной задолженности.

Это приводит к следующим последствиям:

- рост резервов на возможные потери по ссудам (резервирование под обесценивание);
- увеличение риска дефолтов и невозвратов кредитов;
- ухудшение показателей достаточности капитала банков.

Ключевая ставка также имеет сильное влияние на объем денежной массы в экономике. При ее снижении банки получают возможность привлекать дешевые ресурсы, что стимулирует расширение кредитования и увеличение денежной массы. Способствует росту инфляции, но одновременно создает возможности для экономического роста. Однако при повышении ключевой ставки банки становятся менее склонными к выдаче новых кредитов, что замедляет рост денежной массы и сдерживает инфляцию. Это также может уменьшить ликвидность на рынке, создавая трудности для тех банков, которые зависят от краткосрочного фондирования.

Основной функцией ставки рефинансирования является оказание влияния на уровень инфляции в стране. При её повышении происходит сокращение расходов и денежной массы, что в свою очередь приводит к снижению темпов инфляции. Это положительно сказывается на реальном доходе населения и бизнесе, так как покупательная способность денег сохраняется. Однако для банков высокая инфляция может стать проблемой, так как она снижает реальную стоимость активов и обязательств, выраженных в рублях. Это касается как кредитов, так и депозитов. Инфляция также затрудняет планирование долгосрочной стратегии, поскольку будущие денежные потоки становятся менее предсказуемыми.

Центральный банк использует ключевую ставку как основной инструмент монетарной политики для поддержания стабильности банковской системы. Повышение ставки может стабилизировать рынок в период высокой волатильности, однако чрезмерное ужесточение денежно-кредитной политики может негативно сказаться на экономике в целом, снижая темпы роста и увеличивая безработицу. Для банков это означает необходимость адаптации к изменившимся условиям, что может потребовать пересмотра стратегий управления активами и пассивами, а также оптимизации операционных процессов.

Изменение ключевой ставки дополнительно может повлиять на ликвидность банковских активов. При повышении ставки доступ к дешевым источникам фондирования усложняется, что вынуждает банки искать альтернативные способы обеспечения ликвидности. Это и продажа активов, и привлечение более дорогих кредитов или выпуск облигаций. Недостаток ликвидности может привести к проблемам с выполнением обязательств перед клиентами и контрагентами, что ставит под угрозу репутацию банка и его финансовую устойчивость. В крайних случаях это может даже привести к банкротству. Чтобы минимизировать зависимость от колебаний ключевой ставки, банкам необходимо диверсифицировать свои источники фондирования. Это необходимо сделать через привлечение средств не только от Центрального банка, но и от международных финансовых институтов, выпуска облигаций, синдицированных кредитов и других инструментов. Такая стратегия позволяет банкам сглаживать колебания стоимости фондирования и поддерживать

стабильную маржу, несмотря на изменения ключевой ставки.

«Операционный леверидж описывает степень зависимости операционной прибыли банка от изменений выручки. Чем выше операционный леверидж, тем сильнее изменяется чистая прибыль при изменении выручки. Изменение ключевой ставки может оказать существенное влияние» [8] на операционный результат банка, особенно если его структура затрат фиксирована. При повышении ключевой ставки банки могут столкнуться с увеличением затрат на фондирование, что приведет к снижению чистой прибыли, если они не смогут компенсировать этот рост за счет увеличения доходов. В такой ситуации важно оптимизировать операционные затраты и повышать эффективность использования ресурсов. Изменение ключевой ставки несет в себе значительные риски для банков, особенно те, которые связаны с колебаниями процентных ставок и валютных курсов. Чтобы минимизировать эти риски, банки используют различные методы хеджирования, такие как деривативы (например, свопы и фьючерсы), а также диверсификацию активов и пассивов.

Центральным банком устанавливаются нормативы ликвидности капитала, которые должны соблюдать все кредитные организации. Изменение ключевой ставки может влиять на выполнение этих нормативов, особенно если оно сопровождается ростом процентных ставок по кредитам и депозитам. Банки регулярно проходят стресс-тесты, которые оценивают их способность выдержать неблагоприятные сценарии, включая резкое изменение ключевой ставки. Результаты этих тестов помогают банкам корректировать свои стратегии и принимать меры для поддержания финансовой устойчивости.

На финансовое состояние банков влияет не только внутренняя ситуация в стране, но и глобальные экономические тренды. Например, изменения в мировой экономике, такие как колебания цен на нефть или санкции, могут существенно повлиять на курс рубля и уровень инфляции, что, в свою очередь, отразится на ключевой ставке и, соответственно, на положении банков. В условиях нестабильной внешней среды банки должны быть готовы оперативно реагировать на изменения и адаптировать свои стратегии к новым реалиям. В периоды экономических кризисов государство может принять меры по поддержке банковского сектора, включая предоставление субсидий, гарантий и других форм помощи. Это поможет смягчить негативное воздействие изменения ключевой ставки на отдельные банки и предотвратить массовые банкротства. Вместе с тем, банки сами несут социальную ответственность за поддержание стабильности финансовой системы и удовлетворение потребностей клиентов. Они должны стремиться к сбалансированному подходу, учитывающему интересы всех сторон.

Воздействие ключевой ставки на финансовое положение российских банков является комплексным и многоаспектным процессом. Оно затрагивает практически все сферы деятельности банков, начиная от процентных доходов и расходов и заканчивая управлением ликвидностью и капитализацией. Эффективное управление изменениями ключевой ставки требует от банков гибкости и способности быстро адаптироваться к новым условиям. Необходима разработка стратегий, ориентированных на минимизацию рисков и максимизацию возможностей, предоставляемых текущей экономической ситуацией. В конечном итоге, успешное взаимодействие с ключевыми ставками и адекватное реагирование на их изменения являются важными элементами общей стратегии банков, направленными на обеспечение их финансовой устойчивости и конкурентоспособности на рынке. Эффективное управление изменениями внутренней политики банков вследствие изменения ключевой ставки и адаптация к ним позволяют банкам сохранять финансовую устойчивость и конкурентоспособность в условиях постоянно меняющейся экономической среды.

Взаимодействие фискальных и монетарных инструментов формирует институциональную среду банковского сектора. Ключевая ставка Центрального Банка Российской Федерации, выступая основным инструментом денежно-кредитного регулирования, влияет на стоимость фондирования, ликвидность активов и маржу банков. Ее повышение в условиях макроэкономической нестабильности может стабилизировать финансовый рынок, однако чрезмерное ужесточение провоцирует снижение

инвестиционной активности и рост безработицы [9]. Для банков это сопряжено с необходимостью диверсификации источников финансирования и оптимизации управления активами. Фискальная политика, реализуемая через налоговые ставки и льготы, позволяет государству модулировать кредитную активность в соответствии с фазами экономического цикла. Например, снижение налоговой нагрузки на банки, участвующие в ипотечных программах, способствует росту доступности жилищного кредитования, тогда как повышение ставок на прибыль может ограничить спекулятивные операции.

Ключевым фактором устойчивости кредитных организаций становится их способность оперативно оптимизировать внутренние процессы — от корректировки тарифной политики до пересмотра риск-профиля в ответ на изменения монетарного курса Центрального банка [11]. Это предполагает внедрение стресс-тестирования сценарных моделей, учитывающих экстремальные колебания ставки, а также диверсификацию активов и пассивов для снижения зависимости от стоимости привлечения ресурсов. Важным элементом стратегии выступает оптимизация сроков рефинансирования, направленная на предотвращение дисбалансов ликвидности, и использование производных инструментов, процентных свопов или фьючерсов, для хеджирования потенциальных убытков. Параллельно банкам необходимо синхронизировать ценообразование по кредитно-депозитным продуктам с динамикой маржинальности, обеспечивая конкурентное позиционирование без ущерба для рентабельности.

Анализ структуры ключевых показателей российских банков показывает положительную динамику (табл.1).

Таблица 1 – Структура активов и пассивов кредитных организаций (в млрд. руб.)

Показатель/дата	01.01.2021	01.01.22	01.01.23	01.01.24	01.01.25
Денежные средства и их эквиваленты	7166,539	7263,066	9288,259	12518,003	14583,134
Кредитный портфель и прочие размещенные средства	62034,31	73105,98	80533,74	101421,33	119747,35
Средства клиентов	68301,16	78019,88	88106,98	106713,72	128246,13
Всего обязательства	91600,12	106923,95	121188,7	152280,2	181711,02

Источник: Банк России, «Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации» [10].

Деятельность кредитных организаций в Российской Федерации осуществляется в условиях воздействия широкого спектра рисков, детерминирующих их финансовую устойчивость и стабильность функционирования [12]. Ключевым из них выступает кредитный риск, проявляющийся в форме дефолта заёмщиков по обязательствам, что обусловлено комплексом факторов макро- и микроэкономического характера. Макроэкономическая нестабильность, включая рецессии, спад промышленного производства и рост безработицы, выступает катализатором роста уровня неплатежей, напрямую коррелируя с платёжеспособностью субъектов кредитования. На микроуровне значительное влияние оказывает качественная структура кредитного портфеля: структурные дисбалансы, характеризующиеся высокой концентрацией заёмных обязательств с пониженным кредитным рейтингом, усиливают вероятность массовых дефолтов. Критическим фактором эскалации рисков остаётся несовершенство методологий оценки кредитоспособности заёмщиков. Дефекты в системе скоринга и оценки платёжеспособности клиентов, а также неадекватный мониторинг текущей платёжной дисциплины провоцируют принятие необоснованных кредитных решений. Отдельного внимания заслуживают риски, связанные с обеспечением кредитных операций. Использование залоговых механизмов как инструмента обеспечения возвратности сопряжено с волатильностью стоимости залоговых активов, что может привести к ситуации, когда их ликвидационная стоимость оказывается недостаточной для компенсации объёма кредитных требований.

Дополнительным источником системных угроз выступает концентрация кредитного

портфеля, при которой значительная доля заёмных обязательств приходится на ограниченный круг контрагентов. В данном контексте дефолт даже одного крупного заёмщика способен спровоцировать каскадные финансовые потери, дестабилизирующие деятельность кредитной организации. Таким образом, управление кредитными рисками требует реализации комплексных мер, включающих совершенствование методик оценки заёмщиков, диверсификацию портфеля и разработку превентивных механизмов хеджирования рисков обесценения залоговых активов.

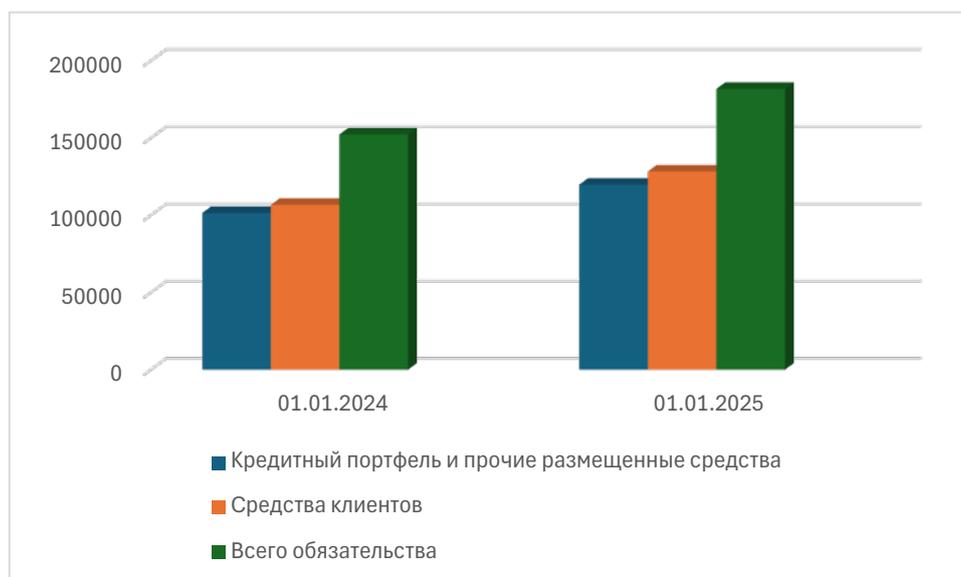

Рисунок 2 – Кредитный портфель и прочие размещенные средства на балансе российских банков (в млрд. руб.)

Источник: Банк России, «Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации» [10].

Современные вызовы требуют от российских банков разработки комплексных стратегий адаптации. Ключевым направлением является усиление цифровизации операционных процессов. Внедрение технологий искусственного интеллекта для анализа кредитных рисков, блокчейна для обеспечения безопасности транзакций и облачных платформ для оптимизации внутренних процессов позволит снизить зависимость от импортных решений и повысить клиентоориентированность. Параллельно необходимо ускорить развитие отечественных платежных систем, примерами которых являются Система быстрых платежей и Мир Pay. Это минимизирует риски, связанные с ограничением доступа к международным инфраструктурам [13].

Важным элементом устойчивости выступает диверсификация источников финансирования. В условиях сокращения доступа к зарубежным капиталам банкам целесообразно активизировать привлечение розничных депозитов через персонализированные продукты с гибкими условиями, а также расширить выпуск рублёвых облигаций для институциональных инвесторов. Сотрудничество с азиатскими партнёрами, участие в проектах БРИКС, способствует интеграции в альтернативные финансовые потоки и снижению валютных рисков. Управление кредитными рисками требует совершенствования методик оценки заёмщиков. Внедрение предиктивных аналитических моделей позволит повысить точность скоринга, особенно для малого и среднего бизнеса, а также физических лиц. Диверсификация кредитного портфеля за счёт снижения концентрации на крупных заёмщиках и увеличения доли обеспеченных кредитов с динамической оценкой залоговой стоимости минимизирует вероятность каскадных дефолтов.

Налоговое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации представляет собой важнейший аспект государственного контроля за финансовым сектором страны. Налоговое регулирование предусматривает определение и взимание налоговых ставок на основную прибыль

банковского сектора, контроль над операциями, которые приносят доход – это как факторинг, так и лизинг, и траст [14]. Тип банковского института влияет на ставку налога на прибыль, так как существуют различные льготные налоговые режимы. Налоговые льготы предоставляются тем банкам, которые активно практикуют сберегательные услуги, ипотечное кредитование и потребительское кредитование. Принцип целевого предоставления налоговых льгот позволяет осуществлять адресную поддержку ключевых банковских продуктов.

Налоговые льготы в банковском секторе играют одну из ключевых ролей в поддержке стабильности финансовой системы и экономического роста. Цели налоговых льгот заключаются в стимулировании сбережений, расширении кредитования, снижении инфляционного давления, улучшении инвестиционного климата экономики. Освобождение финансовых операций от НДС, во-первых, стимулирует снижение стоимости финансовых услуг и контроль инфляции. Во-вторых, льготное налогообложение процентов по государственным облигациям и правительственным кредитам. Такой вид налогообложения будет стимулировать поддержку государственных программ и финансовую стабильность. Банки Российской Федерации обязаны уплачивать НДС в отношении тех товаров и услуг, которые они приобретают для обеспечения своей операционной деятельности и товары и услуги, которые они реализуют в рамках своей деятельности, а в остальном в рамках российского законодательства большинство банковских операций освобождаются от НДС, например, операции с ценными бумагами, управления счетами и вкладами не облагаются НДС. Общая ставка НДС в банковской сфере составляет 20%. Объектом налогообложения является реализация банками товаров и услуг, которые реализуются в рамках операционной деятельности. Банковские операции и банковские услуги на территории Российской Федерации не подлежат налогообложению НДС.

Относительно налога на прибыль организаций объектом налогообложения является доход банка, который включает в себя начисленные и полученные проценты по ссудам, полученную плату за кредитные ресурсы, комиссионные сборы по гарантийным, переводным, аккредитивным и другим банковским операциям, также доходы от валютных, лизинговых, факторинговых операций и так далее. Для банков налог на прибыль служит стимулом для оптимизации своих затрат. Но существуют налоговые льготы для банков, которые активно занимаются ипотечными, сберегательными и потребительскими кредитами. Это стимулирует расширение доступности кредитования и развитие малого и среднего бизнеса.

Банки Российской Федерации также выполняют роль налоговых агентов в отношении доходов физических лиц, а это значит, что они обязаны удерживать и перечислять налог на доход физических лиц (НДФЛ) в бюджет. Это касается доходов физических лиц, которые получены от банковских операций, к примеру депозиты и инвестиционная доходность (доход по ценным бумагам и дивидендам).

В свою очередь государственная система налогообложения может способствовать как замедлению, так и увеличению капитала, активности и кредитной деятельности банков путем фискальной и монетарной политики государства. Путем монетарной политики ЦБ повышает или понижает ключевую ставку, которая в свою очередь влияет на ставку кредитования коммерческих банков, к примеру на кредиты, депозиты, вклады, сберегательные счета и ипотечное кредитование. В зависимости от ставки кредитования спрос на данную услугу может повышаться или понижаться среди физических и юридических лиц, которым кредитование необходимо. Таким образом, путем монетарной политики Центральный банк может влиять на активность банковской сферы страны. К примеру, путем фискальной политики, которая проводится государством через призму налогообложения банков, к примеру налоговые ставки, льготы и так далее, государство также влияет на активность банков в Российской Федерации. Таким образом, путем монетарной или фискальной политики государство может как стимулировать банковскую деятельность и увеличивать на нее спрос среди населения, так и ограничивать её в определенный момент экономических циклов.

Налоговое регулирование в банковском секторе Российской Федерации представляет собой

механизм не только сборов налогов, но и инструмент, который позволяет стимулировать или ограничивать определенные виды деятельности банков [15]. Например, как было сказано выше, путем введения определенных налоговых льгот для банков, государство может влиять на инфляционные процессы и положение банков. При этом налоговое регулирование выполняет следующие функции: сбор налогов и экономическое стимулирование.

Налоговое регулирование может стать дополнительным стимулом для развития приоритетных направлений со стороны государства. Расширение льгот для банков, участвующих в программах ипотечного кредитования и финансирования малых предприятий, усилит их роль в поддержке реального сектора экономики. Освобождение от НДС операций, связанных с цифровыми услугами и ESG-проектами, будет способствовать снижению издержек и притоку инвестиций в «зелёные» технологии. Оптимизация управления ликвидностью в условиях волатильности ключевой ставки требует внедрения стресс-тестирования сценарных моделей, учитывающих экстремальные изменения макроэкономических показателей. Банкам необходимо синхронизировать сроки рефинансирования активов и пассивов, а также развивать инструменты секьюритизации для повышения гибкости балансов. Взаимодействие с регуляторными органами должно быть направлено на формирование прогнозируемой нормативной среды. Участие кредитных организаций в разработке законодательных инициатив, особенно в сфере регулирования цифровых активов, позволит снизить правовые риски и ускорить адаптацию к технологическим трендам.

Заключение

Банковский сектор Российской Федерации, выступая системообразующим элементом экономики, находится в фазе глубокой трансформации, детерминированной цифровизацией общественных процессов и адаптацией к санкционным вызовам. Переход к цифровой экономике актуализирует интеграцию технологических инноваций в банковскую деятельность, формируя новые векторы развития, а также расширение дистанционных каналов обслуживания. Конкурентная среда в секторе усиливается за счёт низких издержек пользования со стороны клиентов при смене кредитных организаций, что провоцирует рост текучести клиентской базы и требует от банков повышения качества услуг. Параллельно наблюдается экспансия маркетплейсов на рынок финансовых услуг, что создаёт давление на традиционные финансовые организации, отражаясь на их доходах. Данный тренд подчёркивает необходимость пересмотра бизнес-моделей в сторону интеграции с цифровыми платформами и разработки уникальных продуктовых предложений.

Макроэкономические условия ограничивают доступность кредитных продуктов для населения, снижают спрос со стороны потребителей на ипотеку и потребительское кредитование. Это требует от банков перехода к более гибким тарифным политикам и активизации работы с малым и средним бизнесом. Развитие экосистем, объединяющих финансовые и нефинансовые услуги также становится стратегическим инструментом удержания клиентов и диверсификации доходов. Однако ключевым драйвером устойчивости остаётся цифровизация операционных процессов, что минимизирует зависимость от физической инфраструктуры и сокращает издержки.

Санкционное давление, несмотря на краткосрочные шоки, стимулировало переориентацию банков на внутренние ресурсы и сотрудничество с азиатскими партнёрами. Долгосрочная устойчивость сектора будет зависеть от способности снижать зависимость от импортных технологий, развивать отечественные платежные системы и усиливать интеграцию в рамках БРИКС.

Таким образом, стратегическими приоритетами для российского банковского сектора остаются: углубление цифровой трансформации, оптимизация риск-менеджмента в условиях макроэкономической волатильности, расширение экосистемных моделей и укрепление технологического суверенитета. Реализация этих направлений обеспечит не только адаптацию к текущим вызовам, но и формирование основы для конкурентоспособности в глобальной финансовой архитектуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахроров, И. И. Проблемы современной банковской системы РФ / И. И.Ахроров, Ю. Д. Орлова. – Текст : электронный // Бизнес и общество. – 2023. – N 2 (38). – URL: http://business-society.ru/2023/2-38-2/51_orlova.pdf. (дата обращения: 30.03.2025)
2. Шатакишвили К.Э., Тазихина Т.В. Обзор банковского сектора в российской федерации // QOLLOQUIUM JOURNAL. - 2020. - №6. - С. 115-118.
3. Мандрощенко О.В., Зверева Т.В., Татаренко А.М. О балансе интересов государства и налогоплательщиков в условиях новых приоритетов в экономике. // Российский экономический журнал, 2024. № 1. С. 43–62.
4. Ключевая ставка Банка России и инфляция // БАНК РОССИИ URL: https://cbr.ru/hd_base/inf/ (дата обращения: 29.03.2025).
5. Деканова Д. Р., Хоружий В. И. Современные подходы к прогнозированию поступлений налога на прибыль организаций в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-prognozirovaniyu-postupleniy-naloga-na-pribyl-organizatsiy-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.03.2025).
6. Толмачев, П. И. Влияние современного научно-технического прогресса на тенденции и структуру международной торговли / П. И. Толмачев, А. Г. Рыбинец, Е. О. Комонов // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 1755-1766. – DOI 10.18334/vines.13.4.120326
7. Ключевая ставка банка России // Банк России URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 28.03.2025).
8. Мусаева Хайбат Магомедтагировна Система налогообложения банковских организаций: состояние и пути повышения эффективности // РППЭ. 2020. №12 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nalogooblozheniya-bankovskih-organizatsiy-sostoyanie-i-puti-povysheniya-effektivnosti> (дата обращения: 16.06.2025).
9. Леонтьева И.П. Новые вызовы монетарного регулирования // Известия Санкт-Петербургского государственного университета. - 2023. - №4. - С. 48-54.
10. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации // Банк России URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 26.03.2025).
11. Разумова К. С. Тенденции развития банковского сектора российской федерации // Форум молодых ученых. 2022. №2 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-bankovskogo-sektora-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.06.2025).
12. Белых В.С. Современные вызовы и перспективы развития банковской системы России в условиях цифровизации. // Банковское право. 2024, № 1. DOI 10.18572/1812-3945-2024-1-39-47
13. Матерова, Е. С. Развитие банковского сектора в условиях цифровой трансформации / Е. С. Матерова, И. Ю. Орлов, Р. Р. Гайзатуллин // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 1333-1346. – DOI 10.18334/ce.17.4.117678
14. Авдеева В.М.. Преференции по налогу на прибыль организации как инструмент стимулирования инновационной деятельности // Налоги и налогообложение. 2023. № 1. С. 17-26. DOI: 10.7256/2454-065X.2023.1.39552 EDN: KJGZPS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39552
15. Орлов, Р. Р. Триггеры развития банковского сектора: анализ российского опыта / Р. Р. Орлов // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 6. — URL: <https://esj.today/PDF/58FAVN624.pdf>

Current risks and development prospects of the banking sector in the Russian Federation

Tatiana Vladimirovna Zvereva

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: tvzvereva@fa.ru

KEYWORDS.

banking sector, credit institutions, taxation of the banking sector, tax regulation, risks of the banking sector

ABSTRACT.

The article substantiates the relevance of the development of the banking sector in the Russian Federation in the context of sanctions and a high key rate. The purpose of writing this article is to study the main risks of the banking sector, such as credit, legal, market risks, the risk of withdrawal of deposits, the risk of high competition. In the context of the identified risks to the development of the banking sector, the need to develop state support is becoming more urgent, among which it is necessary to consider methods of tax regulation of banking activities in the form of tax incentives provided. When writing the article, methodological approaches of neoclassical and neoinstitutional theory were used. The methods used in the scientific article are analysis, synthesis, systematization, comparative analysis. The analysis conducted allowed us to identify promising areas for the development of the banking sector of the Russian Federation, including: digitalization of banking services, creation of an ecosystem and expansion of the package of services provided, development of remote service channels clients, using artificial intelligence to generate personalized offers for clients. The main areas of tax incentives for the banking sector in the Russian Federation are to develop the stimulating role of tax benefits, giving them a targeted nature.

Гносеологические корни пространственного анализа специальных экономических зон в мироэкономической теории: анклавный и интеграционный геогенезис

Карачев Игорь Андреевич

Кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: karachev2011@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

геоэкономическое пространство, гравитационный подход, полюс роста, специальная экономическая зона, внешнеэкономический потенциал, зональные базовые характеристики, зональные эффекты, зональные процессы

АННОТАЦИЯ.

Инструмент специальных зон получил широкое распространение в мирохозяйственной системе, благодаря возможности придавать импульс экспортоориентированному социально-экономическому, промышленному и инновационному развитию за счет своеобразного гравитационного притяжения, геопро пространственной концентрации и эффективного использования ограниченных ресурсов. В связи с этим актуальным является вопрос изучения механизма сбалансированного гравитационного воздействия, или геогенезиса специальных зон. Цель статьи состоит в гносеологическом и методологическом обосновании способности специальных зон «гравитационно искривлять» геоэкономическое пространство через активацию и повышение своего внешнеэкономического потенциала. В результате исследования выделены два вектора зонального развития: анклавный, ориентированный на устранение выявленных структурных инвестиционных барьеров в экономике, и интеграционный, связанный с использованием и расширением существующих в экономике ресурсных возможностей в целях полноценной реализации ее потенциала. Автором обоснована необходимость учета при практической реализации зональной концепции трех аспектов, влияющих на функционирование зон как анклавных или интеграционных экономических субъектов. К числу таких аспектов относятся, во-первых, зональные базовые характеристики (пространственная локализация; инфраструктурные условия развития; конфигурация бизнеса; особенности социокультурного планирования); во-вторых, зональные эффекты (эффекты финансовых связей; влияния иностранных факторов производства; отдачи от трудовых ресурсов; трансфера технологий и знаний; кооперации; институциональной встроенности); и в-третьих, зональные процессы (процессы установления и разрыва связей; генерации «внешних» эффектов; передислокации экономической деятельности; создания стоимости; структурных изменений; удержания динамики роста). Автором сформулированы принципы минимизации проблем координации, внутренней устойчивости и управления рисками, связанных с переходом от анклавного к интеграционному геогенезису специальных зон. Интеграционная траектория зонального геогенезиса, по мнению автора, позволит соблюсти гравитационный баланс с точки зрения недопущения крайних состояний функционирования зон: низкого пространственного влияния, с одной стороны, и превращения специальной зоны в «черную дыру» – с другой.

JEL codes: B40; F63; R11

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-106-122>

Для цитирования: Карачев, И.А. Гносеологические корни пространственного анализа специальных экономических зон в мироэкономической теории: анклавный и интеграционный геогенезис / И.А. Карачев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.106-122. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Специальные экономические зоны (далее также – СЭЗ) могут рассматриваться с разных позиций [19]. С точки зрения пространственного развития (мирохозяйственное измерение), СЭЗ – это компонент геоэкономического пространства, способный качественным образом усиливать внешнеэкономический потенциал пространств вблизи своего базирования за счет развития внешнеторговых (несырьевой экспорт), производственных (агломеративные и кластерные структуры) и инвестиционных (прямые иностранные инвестиции) преимуществ. С точки зрения государственного управления (внешнеэкономическое измерение), СЭЗ – это инструмент внешнеэкономической политики, нацеленный на экспортоориентированное развитие посредством установления особого регулятивного режима ведения предпринимательской деятельности (налоговые льготы, таможенные стимулы, инфраструктурная поддержка) в географически или юридически обособленных пространствах. С точки зрения силы воздействия на окружающее пространство (интеграционно-гравитационное измерение), СЭЗ – это объект, обладающий силой экономической гравитации, благодаря сбалансированному действию которой оказывается возможной трансформация и опережающее развитие локального и национального пространств. Необходимым является изучение механизма сбалансированного гравитационного воздействия, или геогенезиса специальных зон.

Гносеологические корни пространственного геогенезиса СЭЗ

Изучение СЭЗ как пространственного феномена невозможно без выработки понимания категории «пространство». Согласно позиции И. Ньютона (субстанциальная концепция), пространство абсолютно (является независимой субстанцией от занимающих его объектов и происходящих в нем событий), однородно (обладает одинаковыми свойствами во всех точках и направлениях) и независимо (характеризуется собственными силами) [13]. С точки зрения Г. Лейбница (реляционная концепция), пространство относительно – не существует само по себе, вне связи с объектами и событиями и обладает силами, обусловленными взаимодействием между физическими телами [37]. В современном представлении (концепция пространства – времени), заложенном А. Эйнштейном в рамках общей и специальной теории относительности, пространство и время объединяются в единую четырехмерную структуру, подверженную постоянному, но разнородному «гравитационному искривлению» под воздействием массивных объектов [43].

В преломлении к экономическим процессам своеобразной аналогией эйнштейновскому пространству – времени может служить геоэкономическое пространство, являющееся активным, меняющим свою объемную конфигурацию в результате торгового, производственного и инвестиционного взаимодействия экономических субъектов и структур [47], обусловленного различными факторами внутренней и внешней среды, а также происходящими событиями в мирохозяйственной системе.

Среди свойств геоэкономического пространства особое значение приобретают подвижность границ, неоднородность, многомерность и дискретность. Подвижность границ означает организацию пространства не вокруг географических мест, а вокруг потоков: капитала, информации, технологий, которые по своей природе стремятся к преодолению политических границ [6]. Неоднородность проявляется в расположении контуров и градиентов на глобальной карте экономического потенциала, которые формируют коридоры концентрации ресурсных потоков разной плотности [27]. Многомерность определяется охватом географического, информационного, финансового и многих других подпространств, в той или иной степени интегрированных между собой. Дискретность [42] связана, главным образом, с наличием между точками пространства различных барьеров (природных, информационных и др.) и разрывов (административных, инфраструктурных и др.), затрудняющих экономическое взаимодействие.

Степень «гравитационного искривления» геоэкономического пространства определяется

внешнеэкономическим потенциалом (аналог массы в концепции пространства – времени) экономического субъекта (например, транснациональной корпорации), структуры (например, кластера), от уровня реализации которого зависит сила экономического «гравитационного поля» соответствующих субъекта, структуры.

К числу структур, обладающих внешнеэкономическим потенциалом и вследствие этого способных «искривлять» геоэкономическое пространство, по нашему мнению, следует относить специальные экономические зоны, которые благодаря особым преференциальным условиям ведения предпринимательской деятельности могут выступать центрами экономической, технологической и ресурсной концентрации в пространстве.

Гравитационный подход к экономическому развитию объясняет пространственную конфигурацию экономической деятельности на основе действия двух противоположных сил: агломерационных (центростремительных) и дисперсионных (центробежных) [16]. Центростремительные силы представляют собой комбинацию трех основных групп факторов: базовой, продвинутой и каталитической [11]. К числу базовых факторов относятся физико-географические особенности (рельеф местности и наличие рек), природные ресурсы и погодные условия. Продвинутыми факторами являются факторы экономической природы, в том числе неоднородность товаров, производительность компаний, транспортные и транзакционные издержки. Катализаторы – это импульсные факторы, которые могут привести к росту пространственной концентрации и становлению устойчивой агломерации: исторические условия, случайные события и целенаправленная государственная политика, в том числе политика создания специальных экономических зон. Центробежные силы – это сопутствующие концентрации негативные факторы, такие как экологические и проблемы, перенаселенность, высокая стоимость труда, приобретения и аренды земельных участков под строительство.

Механизм действия центростремительных и центробежных сил включает следующие последовательные этапы [16; 40]: (1) дисперсия фирм возникает, когда транспортные и транзакционные издержки являются достаточно низкими, а немобильные факторы (например, земля и труд) выступают важными центробежными силами; (2) структурный переход от дисперсии к концентрации происходит, когда указанные издержки достигают среднего уровня, и фирмы формируют обратные и прямые связи, создавая агломерационные структуры; (3) повторная дисперсия фирм возникает, когда издержки постепенно снижаются настолько, что обеспечивают легкий доступ к рынку, а агломерация теряет свое значение вследствие уменьшения стоимости ресурсов и ослабления конкуренции.

Таким образом, только достижение баланса между этими силами детерминирует формирование и устойчивое функционирование в геоэкономическом пространстве такого «массивного» в экономическом плане объекта, как специальная экономическая зона.

Гносеологические корни пространственной геоэкономической концепции СЭЗ:

– во-первых, охватывают различные теории [2]: полюса роста Ф. Перру, «большого рывка» П. Розенштейна-Родана, «экономии от масштаба» П. Кругмана, «прямых и обратных связей» А. Хиршмана и «агломерационной экономики» А. Вебера. В целях эффективного применения СЭЗ как пространственного инструмента развития, направленного на ускорение экономического роста, в экономике должны быть созданы один или несколько центров экономического притяжения.

Отдельное внимание специалисты по пространственному анализу [48; 46; 5] концентрируют на поиске оптимальных с позиций развития международного бизнеса точек геоэкономического пространства. При этом в условиях быстрого роста и структурных изменений используемый государством в целях выбора места локализации, вида и объема ПИИ подход на основе анализа затрат и выгод в большинстве случаев не включает рассмотрение трансграничных и внешних эффектов, недооценивая внешнеторговый, производственно-кооперационный и инвестиционный потенциал стран [39; 31; 32]. При встраивании в расчеты оценки указанных эффектов следует учитывать силу их воздействия, которая пропорциональна размеру экономик [34]: в крупных и / или

материковых странах трансграничные и внешние эффекты заметны в основном в приграничных областях; в малых и / или островных странах воздействие эффектов является более заметным и масштабным. Таким образом, необходим не формальный (инфраструктурный, затратный) подход к установлению пространственной оптимальности, а детальное рассмотрение взаимодействий и связей, существующих в той или иной области пространства;

– во-вторых, развивают идеи «экономики местоположения» и институциональной эволюции [24]. Экономика местоположения исходит из необходимости учета при пространственном планировании таких атрибутов места, как: географические, культурные, социальные, политические и исторические условия [22]. Программа СЭЗ не должна рассматривать эти атрибуты места как недостатки, которые необходимо исправить, а наоборот, должна встроить их в зональную концепцию. Таким образом, происходит переосмысление СЭЗ как инструментов, которые создаются для того, чтобы сделать места своего базирования экономически жизнеспособными и самодостаточными [37]. Институциональная экономика основана на идее построения системы институтов, которая способствовала бы выработке рациональной и эффективной экономической политики. В этом смысле программа СЭЗ необязательно должна быть направлена на создание собственной, отличной от действующей в стране, институциональной экосистемы [17] (если это не целенаправленное решение для тестирования реформ), а может стимулировать в целом эволюционное институциональное развитие в рамках трех направлений [25]: нормативного (система предписаний, оценок и ответственности в СЭЗ, которые влияют на поведенческие характеристики экономических агентов); когнитивного (система принципов, знаний и убеждений в СЭЗ, которые влияют на формирование смысла экономических действий в рамках СЭЗ); и организационного (организационная инфраструктура и процедура принятия решений в СЭЗ);

– в-третьих, создают основу геогенетического подхода, объединяющего разнообразные индивидуальные (фенотипические) особенности развития многочисленных отдельных зон и синтезирующего генотипический базис развертывания феномена специальной экономической зоны. Совокупность фенотипических признаков, характеризующих отдельные зоны, мы определяем как анклавное развитие или «анклавный геогенезис СЭЗ» (рис. 1). Универсальные генотипические признаки мы определяем как интеграционное развитие или «интеграционный геогенезис СЭЗ» (рис. 2).

СЭЗ как полюса роста балансируют между анклавным развитием, ориентированным в целом на устранение выявленных структурных инвестиционных барьеров (ограничительная политика, неэффективное управление, неадекватная инфраструктура и т.д.), и интеграционным развитием, связанным с использованием и расширением существующих в экономике ресурсных возможностей в целях увеличения размера рынка, реализации производственного потенциала и эффекта экономии от масштаба [30]. Они способны трансформировать возможности экономики в ее конкурентные преимущества, благодаря строгой политике поддержки инвестиций в базовые отрасли СЭЗ, вызывающие наибольшее число прямых и обратных связей. Прямые связи возникают, если первоначальные внешние инвестиции в базовые отрасли СЭЗ генерируют последующие внутренние инвестиции по цепочке базовых отраслей, влияя на ее диверсификацию. Обратные связи возникают, если внутренние инвестиции генерируются в рамках смежных и вспомогательных отраслей (инвестиции в логистику или хранение продукции).

Центральным элементом СЭЗ как полюса роста является основная группа динамичных отраслей, связанных между собой определенным ресурсом. Презюмируется, что эти объединенные отрасли обладают способностью к инновациям и адаптации к рыночным условиям, а их развитие приведет к дальнейшему росту инвестиций, занятости и распределению факторных платежей, включая прибыль, которая может быть реинвестирована. Рост компаний основной группы отраслей порождает внешние эффекты, которые, в свою очередь, стимулируют рост компаний смежных и вспомогательных отраслей благодаря межотраслевым связям.

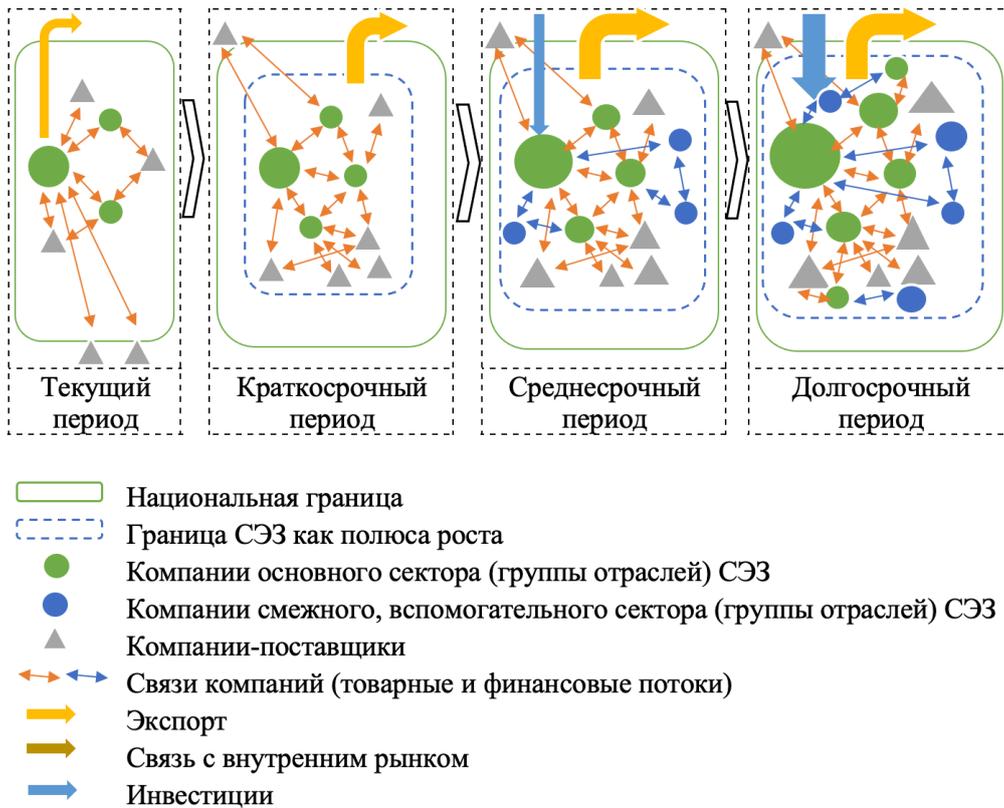

Рисунок 1 – Анклавный геогенезис СЭЗ

Источник: разработано автором.

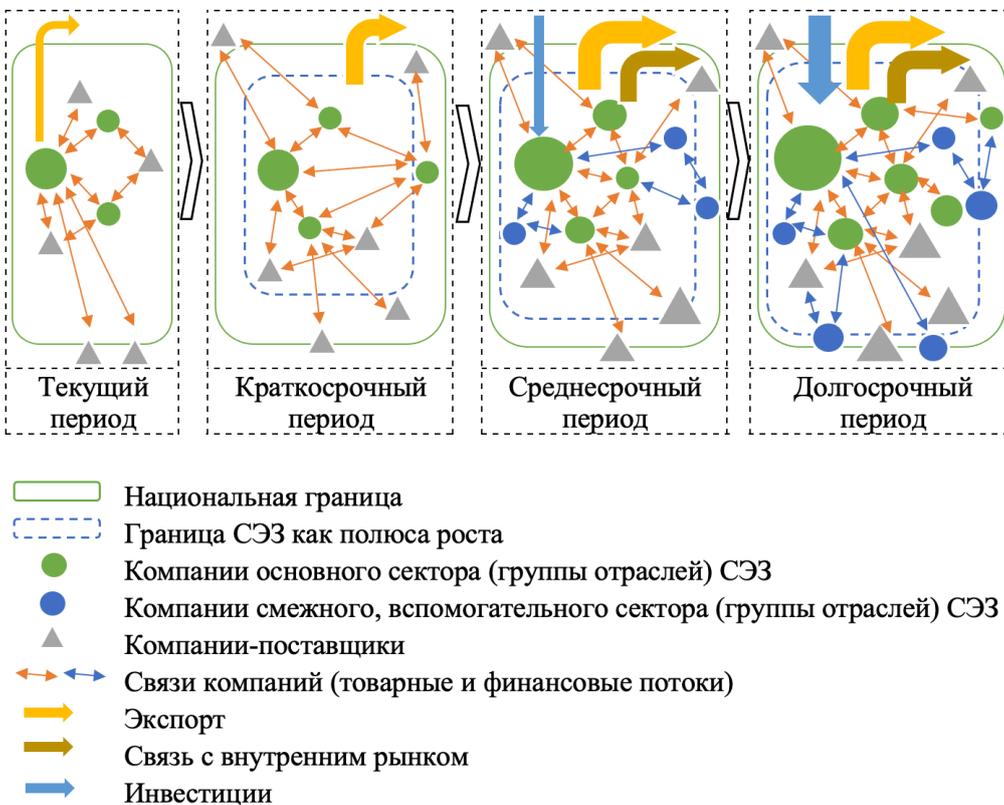

Рисунок 2 – Интеграционный геогенезис СЭЗ

Источник: разработано автором.

К числу особенностей анклавного геогенезиса СЭЗ мы относим следующие:

– несмотря на способность СЭЗ как анклавов в краткосрочной перспективе достигать внутреннего экономического роста, они подвержены сильному влиянию иностранных инвестиций, вследствие чего высоким является риск возникновения негативных внешних эффектов «двойной» экономики и пространственной поляризации [50];

– СЭЗ как анклавны способны усиливать пространственную и социально-экономическую обособленность благодаря выработке в границах СЭЗ собственной модели институционального развития, структуры потребления и культурных норм [36];

– степень изолированности СЭЗ как анклава является управляемой; государственная зональная политика при необходимой корректировке способна ускорить положительное действие динамических «внешних» эффектов [15], укрепив локальные связи, и сместить вектор развития СЭЗ с анклавного на интеграционный [14].

Говоря об особенностях интеграционного геогенезиса СЭЗ, отметим следующие:

– СЭЗ как интеграционные структуры стремятся направить поступающие иностранные инвестиции в программы акселерации местных поставщиков и стимулирования кооперационных связей в экономике [1]; повышение промышленного потенциала локальных компаний будет способствовать их постепенному встраиванию в глобальные цепочки создания стоимости и глобальные производственные сети [9] крупных ТНК, филиалы которых расположены в СЭЗ.

– СЭЗ как интеграционные структуры нацелены на поддержку научно-производственных проектов, вовлекая в их реализацию как местные, так и территориально отдаленные компании, и исследовательские институты, стимулируя возникновение технологических «внешних» эффектов и трансфер знаний [7; 33].

– благодаря обширным торговым, инвестиционным и производственным связям с внешними рынками СЭЗ как интеграционные структуры в виде СЭЗ на базе глобальных цепочек создания стоимости способствуют укреплению стратегического межгосударственного сотрудничества [55] и в перспективе стимулируют создание трансграничных СЭЗ как первичных элементов международной экономической интеграции.

Взаимосвязь анклавного и интеграционного геогенезиса СЭЗ и ее теоретико-практическая интерпретация

Взаимосвязь анклавного и интеграционного геогенезиса СЭЗ и ее практическая интерпретация выражаются в трех аспектах, учет которых позволяет рационально подойти к проектированию СЭЗ как полюса роста в рамках СЭЗ-политики и при необходимости внести в нее впоследствии корректировки. К числу подобных взаимосвязанных между собой аспектов относятся: базовые характеристики обоих вышеназванных классов СЭЗ (табл. 1); эффекты СЭЗ (табл. 2); и процессы СЭЗ (табл. 3).

Таблица 1 – Базовые характеристики анклавного / интеграционного состояния СЭЗ

Характеристика	СЭЗ как анклавный субъект	СЭЗ интеграционный субъект
Пространственная локализация	локализация за пределами существующих агломераций (построение в рамках СЭЗ собственных урбанизированных агломераций)	локализация вблизи существующих агломераций (взаимодействие с деловыми районами и местными сообществами)
Инфраструктурные условия развития	создание «жесткой» и «мягкой» инфраструктуры, ориентированной на обособленное функционирование СЭЗ и развитие внешних связей	создание обеспечивающей и сопутствующей инфраструктуры, связывающей СЭЗ с близлежащими пространствами

Характеристика	СЭЗ как анклавный субъект	СЭЗ интеграционный субъект
	(ограничение доступа прочих агломераций к инфраструктуре СЭЗ)	
Конфигурация бизнеса	высокая концентрация филиалов ТНК и связанных с ними компаний (зависимость от зарубежных центров принятия решений в части выбора поставщиков)	создание совместных компаний с зарубежными партнерами, в том числе наукоемких (снижение степени зарубежного влияния в части построения локальной сети поставщиков)
Особенности социокультурного планирования	нивелирование культурных и социальных особенностей при создании СЭЗ (характерно для СЭЗ, организуемых с привлечением финансирования публичных и частных зарубежных партнеров)	максимальное культурное разнообразие и инклюзивная социокультурная среда

Источник: составлено автором на основе [4; 12; 14; 15; 20; 26].

Как анклавный, так и интеграционный геогенезис СЭЗ в целом детерминируют значимость стратегического расположения специальных зон вблизи ключевых инфраструктурных и ресурсных узлов, урбанизированных агломераций в целях привлечения как национальных, так и зарубежных прямых инвестиций. Исследования показали, что близость к портам крупных локальных агломераций с большей вероятностью будет способствовать динамичному развитию зоны, чем расположение СЭЗ в более отдаленных районах. Аналогичным образом, СЭЗ, локализованные в густонаселенных экономических центрах, как правило, добиваются успеха в достижении своих целей [45]. В развивающихся странах, имеющих одну или несколько крупных агломераций, расстояние до крупнейшего центра агломерации отрицательно коррелирует с эффективностью СЭЗ [53]. Экономические центры предлагают множество преимуществ, имеющих решающее значение для развития специальных зон, включая квалифицированную рабочую силу, отраслевую дифференциацию, доступ к капиталу, креативные системы, технологический и инновационный потенциал [52]. Агломерации также обеспечены модернизированной транспортной сетью и коммуникационной инфраструктурой, облегчающей перемещение людей, товаров и информации.

Отсюда следует, что качество интеграционного геогенезиса СЭЗ в значительной мере определяется ее расположением в границах так называемого экономического коридора – определенной географической области, сформированной вокруг транспортного коридора и интегрированной с развитием иной инфраструктуры и экономической деятельностью посредством плановых и системных проектов, а также мер политики и институциональных механизмов [39]. В рамках экономического коридора происходит сопряжение концепций транспортного узла, мультимодального и логистического коридоров с долгосрочными инвестиционными мерами, в том числе зональными программами, направленными содействие международной конкурентоспособности страны через комплексное динамическое (вдоль коридора), а не статическое (центр – периферия) перераспределение экономической активности [10; 41].

Эффекты СЭЗ позволяют акцентировать внимание на связях, многократно преумножающих конкурентные преимущества специальных зон, обусловленные их стратегическим расположением. Влияние СЭЗ на экономику в целом, в том числе на устойчивое развитие пространств базирования, не гарантировано. Даже в случаях успешного функционирования СЭЗ, выраженного в привлечении инвестиций, создании новых рабочих мест и наращивании экспорта, выгоды за пределами зон, как правило, не наблюдаются. Опираясь на имеющиеся в районе базирования и близлежащих районах производственные сети и кластеры, СЭЗ может способствовать повышению внешнеэкономического

потенциала этих структур и обеспечению их включения в глобальные цепочки создания стоимости через взаимодействие с филиалами ТНК – резидентами СЭЗ. Также создание СЭЗ может стимулировать инвестиции во вспомогательную инфраструктуру (в т. ч. транспорт, водоснабжение и канализацию, электроснабжение и жилищное строительство) не только в самих зонах, но и на их периферии, предотвращая чрезмерную пространственную поляризацию, негативно влияющую на приток иностранного капитала и достижение целей СЭЗ [3]. Кроме того, поскольку инфраструктура – особенно информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) – становится важнейшим фактором привлечения ПИИ в СЭЗ, внедрение ИКТ-технологий в пространстве зонального базирования способно придать инновационный импульс окружающим пространствам.

Таблица 2 – Эффекты анклавного / интеграционного состояния СЭЗ

Эффект	СЭЗ как анклавный субъект	СЭЗ интеграционный субъект
Эффект финансовых связей	отсутствие связи между объемом финансовой поддержки резидентов СЭЗ и объемом дополнительно генерируемых ими бюджетных, социальных и иных выгод в пространстве базирования СЭЗ	наличие связи между объемом финансовых предпочтений, предоставляемых резидентам СЭЗ, и объемом дополнительно генерируемых ими бюджетных, социальных и иных выгод в пространстве базирования СЭЗ
Эффект влияния иностранных факторов производства	преобладающее влияние на функционирование СЭЗ факторов производства иностранного происхождения (прямые иностранные инвестиции; привлечение временной иностранной рабочей силы)	взаимное влияние на функционирование СЭЗ национальных и иностранных факторов производства (совместные предприятия; привлечение иностранных работников наряду с местными кадрами)
Эффект отдачи от трудовых ресурсов	экстенсивное использование трудовых ресурсов (создание временных рабочих мест низкой и средней квалификации для местного населения)	интенсивное использование трудовых ресурсов (создание постоянных рабочих мест средней и высокой квалификации для местного населения)
Эффект трансфера технологий и знаний	ограничение трансфера технологий и знаний границами СЭЗ (низкая степень усвоения местными компаниями новых корпоративных бизнес-моделей и низкая скорость освоения новых технологий)	распространение технологий и знаний за пределы СЭЗ (высокая степень усвоения местными компаниями новых корпоративных бизнес-моделей и высокая скорость освоения новых технологий)
Эффект кооперации	слабая, как правило, краткосрочная торговая кооперация с местными компаниями (фокус на экспортно-импортных связях с внешним рынком)	сильная, долгосрочная торговая и производственная кооперация с местными компаниями (фокус на постепенном встраивании местных сетей в средне- и высокостоимостные сегменты глобальных цепочек создания стоимости)

Эффект	СЭЗ как анклавный субъект	СЭЗ интеграционный субъект
Эффект институциональной встроенности	низкая степень встроенности СЭЗ в институциональный контекст (конкуренция с различными институтами развития); широкие возможности институционального экспериментирования	высокая степень институциональной встроенности (отсутствие дублирования видов и форм поддержки в рамках институтов развития); ограниченные возможности институционального экспериментирования

Источник: составлено автором на основе [8; 18; 21; 23; 29; 38; 49; 51; 55].

Процессы стратегического формирования и развития СЭЗ в настоящее время сфокусированы на обеспечении соответствия зональной модели требованиям в области устойчивого развития. Научно-обоснованный геогенезис диктует первоочередное создание объектов социальной и экологической инфраструктуры; постоянную корректировку регулятивного режима с учетом экологических, социальных и управленческих стандартов; поддержку и развитие научной и производственной кооперации на базе передовых технологий и искусственного интеллекта.

Таблица 3 – Ключевые процессы достижения анклавного / интеграционного состояния СЭЗ

Группа процессов	СЭЗ как анклавный субъект	СЭЗ интеграционный субъект
Процессы установления и разрыва связей	установление и разрыв определяются преимущественно целями и задачами ТНК, филиалы которых локализованы в СЭЗ	установление и разрыв связей определяются преимущественно национальными целями и задачами
Процессы генерации «внешних» эффектов	низкие темпы генерации СЭЗ положительных «внешних» эффектов вследствие экономического, социального, культурного и институционального противодействия в отношении СЭЗ	высокие темпы генерации положительных «внешних» эффектов вследствие пространственной встроенности СЭЗ
Процессы передислокации экономической деятельности	обеспечение функционирования СЭЗ преимущественно за счет перемещения в ее границы компаний и работников из других районов (низкая доля дополнительно (прямо или косвенно) осуществленных в рамках СЭЗ инвестиций и созданных рабочих мест)	обеспечение функционирования СЭЗ преимущественно за счет инклюзивной урбанизации и сбалансированного развития прилегающих к району базирования СЭЗ территорий (высокая доля «дополнительности» в объеме инвестиций и рабочих мест)
Процессы создания стоимости	низкая степень локализации в СЭЗ средне- и высокостоимостных производственных процессов вследствие ограниченности ресурсных возможностей СЭЗ	высокая степень локализации в СЭЗ средне- и высокостоимостных производственных процессов вследствие развития стратегического взаимодействия СЭЗ с окружающими пространствами
Процессы структурных изменений	низкая степень синхронизации зональной политики и национальных стратегий развития (в рамках СЭЗ)	высокая степень синхронизации зональной политики и национальных стратегий развития

Группа процессов	СЭЗ как анклавный субъект	СЭЗ интеграционный субъект
	происходит тестирование реформ и «провоцирование» структурных изменений и экономических преобразований)	
Процессы удержания динамики роста	низкий потенциал поддержания устойчивого роста в долгосрочном периоде вследствие технологической и институциональной незрелости СЭЗ	высокий потенциал поддержания устойчивой и долгосрочной экономической динамики вследствие инновационной активности СЭЗ и конкурентоспособной модели управления

Источник: составлено автором на основе [8; 9; 15; 28; 35; 44; 54; 55].

Выполненное исследование позволяет сформулировать принципы успешного перехода от анклавного к интеграционному геогенезису СЭЗ:

Во-первых, интеграционное функционирование СЭЗ зависит от контекста. Результаты деятельности СЭЗ не могут быть полностью спрогнозированы при ее проектировании (планировании) и проявляются только при реализации (внедрении) зональной модели. По этой причине конфигурации пространственных и институциональных механизмов СЭЗ, влияющих на поведение экономических агентов, сложно воспроизводимы – они встроены в специфический геоэкономический, геополитический, геокультурный и социальный контекст.

Во-вторых, интеграционный характер деятельности СЭЗ связан со способностью выстраивания и развития в национальной экономике внутренних процессов накопления и трансфера знаний через создание инновационной инфраструктуры и реализацию программ освоения новых технологий и адаптации к изменениям.

В-третьих, генерация способствующих интеграции «внешних» эффектов возможна только в условиях установления прозрачных и устойчивых регулятивных правил в СЭЗ, а также при рационализации преференциальной политики.

В-четвертых, интеграционный геогенезис СЭЗ во многом определяется направленностью зональной политики на установление долгосрочного межфирменного взаимодействия, повышение эффективности формируемых в национальном пространстве сетей, генерацию кластерных (агломеративных) эффектов.

В-пятых, СЭЗ, стремящиеся к интегративному функционированию, должны быть ориентированы на улучшение инвестиционного климата, снижение транзакционных издержек и фактора неопределенности для компаний.

В-шестых, интегративный геогенезис СЭЗ связан с постоянной оценкой воздействия СЭЗ, с учетом прогнозирования и моделирования результатов ее деятельности, на пространство зонального базирования и окружающие пространства.

Обсуждение

Сложности в балансировании СЭЗ как полюсов роста между анклавным и интеграционным геогенезисом объясняются существованием комплексных проблем координации, внутренней устойчивости и управления рисками [56; 57].

Проблемы координации. Создание и поддержание пространственных и экономико-политических связей, необходимых для устойчивого функционирования СЭЗ как полюса роста, требует достижения эффективности как горизонтальной (институциональный механизм), так и вертикальной (механизм реализации) координации. Горизонтальная координация подразумевает оптимизацию институциональной системы в целях выработки согласованных государственным и частным сектором механизмов решения вопросов пространственного планирования, диагностики

конкурентоспособности и инвестиционного развития СЭЗ. Вертикальная координация требует минимизации неопределенности и максимизации предсказуемости в реализации зональной политики за счет единообразного, прозрачного и последовательного применения связанных с ней нормативных актов, а также разработки и внедрения контрольной системы мониторинга и оценки результатов функционирования СЭЗ.

Проблемы внутренней устойчивости. Проектирование и становление СЭЗ как полюса роста невозможно без концентрации инвестиционных ресурсов различных экономических субъектов публичного и частного сектора. Интеграционная траектория развития СЭЗ сопряжена с возникновением множества позитивных и негативных «внешних» эффектов, приносящих соответственно положительную или отрицательную отдачу от первоначальных инвестиций тем или иным заинтересованным сторонам. В целях сохранения внутренней устойчивости СЭЗ, а также «положительного сальдо баланса» «внешних» эффектов (справедливого распределения выгод между заинтересованными сторонами) зональная политика должна предусматривать целую экосистему сдержек и противовесов, включая комиссии по конкуренции, регуляторы инфраструктурного сектора и концессионные регуляторы.

Проблемы управления рисками. Комплекс указанных проблем связан со стремлением сделать риски и выгоды интеграционного геогенезиса СЭЗ соизмеримыми друг с другом, чтобы стимулировать необходимое инвестиционное участие частного сектора (проекты государственно-частного партнерства). К числу подобных рисков относятся: условные риски (риск неполучения дохода, когда доход в значительной степени зависит от действий других экономических субъектов), риски политической непредсказуемости (риск того, что контракты не будут исполнены), а также целый ряд технических и рыночных рисков, связанных с проектами государственно-частного партнерства. Минимизировать указанные риски способны регулятивные режимы СЭЗ, предусматривающие заключение с инвесторами соглашений, содержащих специальные «стабилизационные оговорки», рассчитанные на весь период реализации концессионных инфраструктурных проектов.

Заключение

Подробный анализ аспектов и особенностей анклавной и интеграционной траекторий геогенезиса специальных экономических зон свидетельствует о значимости соблюдения гравитационного баланса с точки зрения недопущения крайних состояний: при низком гравитационном воздействии СЭЗ не способна оказать заметное влияние на пространственное развитие и экономический рост; при высоком гравитационном воздействии существует риск превращения СЭЗ в своеобразную «черную дыру», которая вследствие неэффективного использования ресурсов близлежащих пространств существенно замедляет темпы их экономического роста.

При этом акцент на интеграционно-гравитационном измерении концепции СЭЗ не снижает роли двух других измерений: мирохозяйственного (геоэкономического) и внешнеэкономического (управленческого). С точки зрения геоэкономики, внешнеэкономический потенциал СЭЗ в полной мере может быть реализован только при ее базировании в пространстве, обладающем геоэкономическими преимуществами, связанными в том числе с факторами природного-географического, инфраструктурного, производственно-агломерационного или технологического плана. В ином случае многократно возрастает риск анклавного развития СЭЗ, ее неспособности к распространению «внешних» технологических и агломерационных эффектов за пределы своих границ. С управленческой точки зрения, зональная политика должна носить «сквозной» характер – быть органично встроенной в общую внешнеэкономическую, промышленную, торговую, инвестиционную и инновационную государственную политику и реализовываться на основе тщательно продуманных четких стратегических планов. При этом сами проекты СЭЗ должны быть рентабельными с точки зрения превышения бюджетных, социальных, коммерческих и иных эффектов над инвестиционными и налоговыми расходами, связанными с созданием СЭЗ, а также основываться на устойчивых источниках конкурентоспособности, а не только на фискальных

стимулах.

Функционирование СЭЗ как пространственного феномена в единстве мирохозяйственного, внешнеэкономического и интеграционно-гравитационного измерений вместе с положительным решением комплексных проблем координации, внутренней устойчивости и управления рисками, по нашему мнению, позволит увеличить объем производства и / или несырьевого экспорта за счет формирования и укрепления агломерационных (кластерных) структур; добиться ощутимого роста производительности труда; а также создать положительные «внешние» эффекты, способствуя их пространственному распределению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aggarwal, A. SEZs and Economic Transformation: Towards a Developmental Approach / A. Aggarwal // *Transnational Corporations Journal*. – 2019. – Vol. 26. – № 2. – P. 27–48.
2. Aggarwal, A. Strategising of SEZs: China vis-à-vis India / A. Aggarwal // *Asia Kenkyu*. – 2011. – Vol. 57. – P. 345–370.
3. Akinci, G. Special Economic Zone: Performance, Lessons learned, and Implication for Zone Development / G. Akinci, J. Crittle. FIAS occasional paper. Washington, DC: World Bank, 2008. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/pdf/458690WP0Box331s0April20081PUBLIC1.pdf> (дата обращения 05.08.2025).
4. Alkon, M. Do Special Economic Zones Induce Developmental Spillovers? Evidence from India's States / M. Alkon // *World Development*. – 2018. – Vol. 107. – P. 396–409.
5. Alonso, W. Location and Land Use / W. Alonso. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1964. – 216 p.
6. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell Publishers, 1996. – 556 p. – (The Information Age: Economy, Society and Culture ; vol. I).
7. Cheru, F. An Urban Planning Perspective on Industrial Hubs and Economic Development / F. Cheru, A. Fikresilassie. In: Oqubay, A. and Lin, J. (eds). *The Oxford Handbook of Industrial Hubs and Economic Development*. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 301–322.
8. Cirera, X. The Impact of Export Processing Zones on Employment, Wages and Labour Conditions in Developing Countries: Systematic Review / X. Cirera, R.W.D. Lakshman // *Journal of Development Effectiveness*. – 2017. – Vol. 9. – №. 3. – P. 344–360.
9. Coe, N.M. Global Production Networks: Theorizing Economic Development in an Interconnected World / N.M. Coe, H.W.C. Yeung. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 288 p.
10. Dick, H. Cities, Transport and Communications: The Integration of Southeast Asia since 1850 / H. Dick, P.J. Rimmer. – London : Palgrave Macmillan, 2003. – 397 p. – URL: <https://doi.org/10.1057/9780230599949> (дата обращения 05.08.2025).
11. Dumayas, A.D.R. The Evolution of Economic Zones in the Philippines / A.D.R. Dumayas. In: Ishikawa, T. (eds) *Locational Analysis of Firms' Activities from a Strategic Perspective*. – Singapore : Springer, 2018. – P. 151–174.
12. Fei, D. Chinese Eastern Industrial Zone in Ethiopia: Unpacking the Enclave / D. Fei, C. Liao // *Third World Quarterly*. – 2020. – Vol. 41. – №. 4. – P. 623–644.
13. Feingold, M. The Newtonian Moment: Isaac Newton and the Making of Modern Culture / M. Feingold. – New York : Oxford University Press, 2004. – 240 p.
14. Frick, S. Special Economic Zones and Sourcing Linkages with the Local Economy: Reality or Pipedream? / S. Frick, A. Rodríguez-Pose // *The European Journal of Development Research*. – 2021. – Vol. 34. – P. 655–676.
15. Frick, S. Toward Economically Dynamic Special Economic Zones in Emerging Countries / S. Frick, A. Rodríguez-Pose, M. Wong // *Economic Geography*. – 2019. – Vol. 95. – № 1. – P. 30–64.
16. Fujita, M. The Spatial Economies: Cities, Regions and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A. J. Venables. – London : MIT Press, 2000. – 367 p.
17. Gareev, T. The Special Economic Zone in the Kaliningrad Region: Development Tool or Institutional Trap? / T. Gareev // *Baltic Journal of Economics*. – 2013. – Vol. 13. – № 2. – P. 113–129.
18. Giannecchini, P. The Eastern Industrial Zone in Ethiopia: Catalyst for Development? / P. Giannecchini, I. Taylor // *Geoforum*. – 2018. – Vol. 88. – P. 28–35.
19. Godlewska-Majkowska, H. Special Economic Zones as Growth and Anti-Growth Poles as Exemplified by Polish Regions / H. Godlewska-Majkowska, A. Komor, M. Typa // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. – 2016. – Vol. 4. – № 4. – P. 189–212.
20. Goodfellow, T. Manufacturing Urbanism: Improvising the Urban–Industrial Nexus through Chinese

Economic Zones in Africa / T. Goodfellow, Z. Huang // *Urban Studies*. – 2021. – Vol. 59. – № 7. – P. 1459–1480.

21. Grant, R. A Green Transition in South Africa? Sociotechnical Experimentation in the Atlantis Special Economic Zone / R. Grant, P. Carmody, J.T. Murphy // *Journal of Modern African Studies*. – 2020. – Vol. 58. – №. 2. – P. 189–211.

22. Grubel, H.G. Towards a theory of free economic zones / H.G. Grubel // *Weltwirtschaftliches Archiv*. – 1982. – Vol. 118. – P. 39–61.

23. Hardaker, S. Embedded Enclaves? Initial Implications of Development of Special Economic Zones in Myanmar / S. Hardaker // *The European Journal of Development Research*. – 2020. – Vol. 32. – P. 404–430.

24. Hartwell, C.A. Special Economic Zones and the Political Economy of Place-Based Policies / C.A. Hartwell. In: Fischer, M.M., Nijkamp, P. (eds) *Handbook of Regional Science*. – Berlin, Heidelberg : Springer, 2021. – P. 1115–1135.

25. Hazakis, K. The Rationale of Special Economic Zones (SEZs): An Institutional Approach / K. Hazakis // *Regional Science Policy & Practice*. – 2014. – Vol. 6. – № 1. – P. 85–101.

26. He, S. A Zone of Exception? Interrogating the Hybrid Housing Regime and Nested Enclaves in China-Singapore Suzhou-Industrial-Park / S. He, Y. Chang // *Housing Studies*. – 2020. – Vol. 36. – № 4. – P. 592–616.

27. Higgins, B.H. *Regional Development Theories & their Application* / B.H. Higgins, D.J. Savoie. – New Brunswick ; London : Transaction Publishers, 1995. – 422 p.

28. Holden, C. Graduated Sovereignty and Global Governance Gaps: Special Economic Zones and the Illicit Trade in Tobacco Products / C. Holden // *Political geography*. – 2017. – Vol. 59. – P. 72–81.

29. Jenkins, M. Do Backward Linkages in Export Processing Zones Increase Dynamically? Firm-level Evidence from Costa Rica / M. Jenkins, R. Arce // *Journal of Business Research*. – 2016. – Vol. 69. – №. 2. – P. 400–409.

30. Kiesel, C. Special Economic Zones in the Global South: Between Integrated Spaces and Enclaves – a Literature Review / C. Kiesel, P. Dannenberg // *Die Erde – Journal of the Geographical Society of Berlin*. – 2023. – Vol. 154. – № 1–2. – P. 5–19.

31. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography / P. Krugman // *Journal of Political Economy*. – 1991. – Vol. 99. – № 3. – P. 483–499.

32. Krugman, P. *Urban Concentration: The Role of Increasing Returns and Transport Costs* / P. Krugman. – Washington, D.C. : The World Bank, 1995. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/781251468741342769> (дата обращения 05.08.2025).

33. Kweka, J. Industrialization and Industrial Hubs: Experiences in Kenya, Rwanda, and Tanzania / J. Kweka, D.W. te Velde. In: Oqubay, A. and Lin, J. (eds). *The Oxford Handbook of Industrial Hubs and Economic Development*. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 985–1007.

34. McCullum, J. National Borders Matter: Canada-US Trade Patterns / J. McCullum // *American Economic Review*. – 1995. – Vol. 85. – № 3. – P. 615–623.

35. Meng, G. Structural Transformation Through Free Trade Zones: The Case of Shanghai / G. Meng, D. Zeng // *Transnational Corporations Journal*. – 2019. – Vol. 26. – № 2. – P. 95–115.

36. Murray, M. *The Urbanism of Exception: The Dynamics of Global City Building in the Twenty-First Century* / M. Murray. – New York : Cambridge University Press, 2017. – 434 p.

37. Mutambisi, T. The Meaning of Place and Space in Research & Development for Sustainability: A Case Study of Special Economic Zones in Zimbabwe, Post-2000 / T. Mutambisi, P. Toriro, I. Chirisa. In: Brinkmann, R. (eds) *The Palgrave Handbook of Global Sustainability*. – Cham : Palgrave Macmillan, 2023. – P. 1799–1813.

38. Phelps, N.A. Encore for the Enclave: The Changing Nature of the Industry Enclave with Illustrations from the Mining Industry in Chile / N.A. Phelps, M. Atienza, M. Arias // *Economic Geography*. – 2015. – Vol. 91. – №. 2. – P. 119–146.

39. Review of Configuration of the Greater Mekong Subregion Economic Corridors : Institutional Document. – Manila : Asian Development Bank, 2018. – URL: <http://dx.doi.org/10.22617/TCS179180> (дата обращения 05.08.2025).
40. Rimmer, P.J. Appropriate Economic Space for Transnational Infrastructural Projects: Gateways, Multimodal Corridors, and Special Economic Zones / P.J. Rimmer, H. Dick // ADBI Working Paper. – 2010. – № 237. – Tokyo : Asian Development Bank Institute. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156092/adbi-wp237.pdf> (дата обращения 05.08.2025).
41. Rimmer, P.J. Global Flows, Local Hubs, Platforms and Corridors ; Regional and Economic Integration in Northeast Asia / P. J. Rimmer // Journal of International Logistics and Trade. – 2004. – Vol. 1. – № 2. – P. 1–24. – URL: <https://www.emerald.com/jilt/article-media/224074/pdfviewer/1505831> (дата обращения 05.08.2025).
42. Rimmer, P.J. The City in Southeast Asia: Patterns, Processes and Policy / P.J. Rimmer, H. Dick. – Singapore : NUS Press ; Honolulu : University of Hawaii Press, 2009. – 264 p.
43. Schreiner, P. Space, Place and Biblical Studies: A Survey of Recent Research in Light of Developing Trends / P. Schreiner // Currents in Biblical Research. – 2016. – Vol. 14. – № 3. – P. 340–371.
44. Shvetsov, A.N. State Participation in Transformation of Russia's Socioeconomic Space / A.N. Shvetsov // Regional Research of Russia. – 2023. – Vol. 13. – P. 192–223.
45. Special Economic Zones and Urbanization. UNCTAD-UN Habitat Discussion Paper. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/UNCTAD-UNHabitat_discussion_paper_en.pdf (дата обращения 05.08.2025).
46. Tabuchi, T. Urban Agglomeration and Dispersion: A Synthesis of Alonso and Krugman / T. Tabuchi // Journal of Urban Economics. – 1998. – Vol. 44. – № 3. – P. 333–351.
47. Tan, R. Analyzing the Effects of Spatial Interaction among City Clusters on Urban Growth: Case of Wuhan Urban Agglomeration / R. Tan, K. Zhou, Q. He, H. Xu // Sustainability. – 2016. – Vol. 8. – № 8: 759.
48. Vickerman, R. Spatial Economic Behaviour: The Microeconomic Foundations of Urban and Transport Economics / R. Vickerman. – London : The Macmillan Press Ltd, 1980. – 187 p. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-1-349-04384-2> (дата обращения 05.08.2025).
49. Wang, J. The Economic Impact of Special Economic Zones: Evidence from Chinese Municipalities / J. Wang // Journal of Development Economics. – 2018. – Vol. 101. – P. 133–147.
50. Wardhana, I.W. Does a Special Economic Zone Impact the Surrounding Economy? The Case Study of Kendal, Indonesia / I.W. Wardhana, I. Riesfandiari, E. Jamal, et al. // Humanities and Social Sciences Communications. – 2025. – Vol. 12: 225.
51. Whitfield, L. Industrial Hubs and Technology Transfer in Africa's Apparel Export Sector / L. Whitfield, C. Staritz. In: Oqubay, A. and Lin, J. (eds). The Oxford Handbook of Industrial Hubs and Economic Development. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 931–949.
52. World Cities Report 2016: Urbanization and Development - Emerging Futures. UN-Habitat. – URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/WCR-2016-WEB.pdf> (дата обращения 05.08.2025).
53. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. UNCTAD. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения 05.08.2025).
54. Xu, J. Reversing Uncontrolled and Unprofitable Urban Expansion in Africa through Special Economic Zones: An Evaluation of Ethiopian and Zambian Cases / J. Xu, X. Wang // Sustainability. – 2020. – Vol. 12. – № 21: 9246.
55. Zheng, Z. Strategic Coupling in Global Production Networks through International Cooperation Zones: The Thai–Chinese Rayong Industrial Zone / Z. Zheng, W. Liu, T. Song // Regional Studies. – 2021. – Vol. 56. – № 5. – P. 782–793.
56. Карачев, И.А. Методологические основы устойчивого развития специальных экономических зон в системе международных экономических отношений / И.А. Карачев. – М. : КноРус, 2025. – 560 с.

57. Карачев, И.А. Специальные экономические зоны России: предпосылки устойчивого развития / И.А. Карачев // Теоретическая экономика. – 2023 – № 10. – С. 79–91.

Gnoseological Roots of Special Economic Zones Spatial Analysis in the World Economic Theory: Enclave and Integration Geogenesis

Karachev Igor Andreevich

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: karachev2011@yandex.ru

KEYWORDS.

geoeconomic space, gravity approach, growth pole, special economic zone, foreign economic potential, zonal basic characteristics, zonal effects, zonal processes

ABSTRACT.

The instrument of special zones has become widespread in the global economic system due to the possibility of giving impetus to export-oriented socio-economic, industrial and innovative development through a kind of gravitational attraction, geospatial concentration and efficient use of limited resources. In this regard, the issue of studying the mechanism of balanced gravitational action, or the geogenesis of special zones, is relevant. The purpose of the article is to provide angnoseological and methodological justification for the ability of special zones to “gravitationally curve” geoeconomic space through the activation and enhancement of their foreign economic potential. As a result of the study, two vectors of zonal development were identified: enclaved vector, aimed at eliminating identified structural investment barriers in the economy, and integrated vector, associated with the use and expansion of existing resource opportunities in the economy in order to fully realize its potential. The author has substantiated the need to take into account three aspects influencing the functioning of zones as enclaved or integrated economic entities in the practical implementation of the zonal concept. These aspects include, firstly, zonal basic characteristics (spatial localization; infrastructure conditions for development; business configuration; features of socio-cultural planning); secondly, zonal effects (effects of financial ties; influence of foreign factors of production; return on labor resources; transfer of technology and knowledge; cooperation; institutional embeddedness); and thirdly, zonal processes (processes of establishing and breaking ties; generating “external” effects; relocation of economic activity; value creation; structural changes; maintaining growth dynamics). The author has formulated principles for minimizing problems of coordination, internal stability and risk management associated with the transition from enclave to integration geogenesis of special zones. The integration trajectory of zonal geogenesis, according to the author, will allow maintaining gravitational balance from the point of view of preventing extreme states of zones functioning: low spatial influence, on the one hand, and the transformation of a special zone into a “black hole”, on the other.

От мальтузианских страхов к реальности: к вопросу о демографическом кризисе в современной России

Сучкова Ульяна Сергеевна

Студент,

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: suchkova.uliana@yandex.ru

Альпидовская Марина Леонидовна

Доктор экономических наук, профессор

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: morskaya67@bk.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

демографический кризис,
социально-экономическое
развитие, структура семьи,
естественный прирост,
население, мальтузианство

АННОТАЦИЯ.

Демографический кризис в России, проявляющийся в устойчивой депопуляции, старении населения и трансформации семейной структуры, создает системные риски для социально-экономической устойчивости. Несмотря на значительное количество исследований, комплексный анализ взаимосвязи демографических тенденций с современными вызовами (последствиями локдауна, геополитическая нестабильность) остаются недостаточно разработанными. Целью статьи является выявление ключевых индикаторов демографического кризиса в России и оценка социально-экономических последствий. Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать динамику основных демографических показателей, оценить влияние демографических изменений, выявить системные риски и потенциальные последствия текущих демографических тенденций. В рамках исследования применены методы статистического анализа данных Росстата (по естественному приросту, рождаемости, смертности, брачности и структуре домохозяйств), сравнительного анализа эффективности демографической политики в России и КНР, экономико-демографического моделирования последствий демографических трансформаций. Результаты исследования показали, что основные индикаторы кризиса – отрицательный естественный прирост населения, старение общества, снижение трансформации и структурное изменение семьи оказывают разрушительное воздействие на экономику, проявляющееся в сокращении трудовых ресурсов, нагрузке на пенсионную систему и на социальную сферу, выражающейся в деградации сельских территорий, росте одиночества. Установлено, что отрицательный естественный прирост в 2023 году и рост демографической нагрузки ведут к сокращению трудовых ресурсов и дисбалансу пенсионной системы. Отмечается значительное преобладание бездетных и однодетных семей при крайне низкой доле многодетных. Выявлена некоторая недостаточность мер государственной поддержки. Полученные выводы могут быть применены при разработке государственной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости, поддержку молодых семей и создание стабильной социально-экономической среды. Ограничением исследования является недостаток данных по некоторым периодам, что открывает направления для будущих исследований, включая углубленный анализ региональных различий.

JEL codes: J11; J13; J18; O15; I38

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-8-123-137>

Для цитирования: Сучкова, У.С. От мальтузианских страхов к реальности: к вопросу о демографическом кризисе в современной России / У.С. Сучкова, М.Л. Альпидовская. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.123-137. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Демографический кризис: вызов устойчивости государства в эпоху трансформации общества

Социально-экономическое развитие, так же, как и экономический рост и, следовательно, благосостояние населения находятся в прямой зависимости от демографической структуры общества, поскольку именно она определяет ключевые параметры социально-экономического прогресса в целом. Нарушение демографического баланса приводит к возникновению системных рисков для стабильности, неустойчивости и устойчивости всей страны, что подчеркивает необходимость целенаправленной демографической политики как стратегического элемента государственного регулирования.

Возникающий структурный сдвиг, проявляющийся в изменении ключевых демографических пропорций, выходит далеко за рамки сухих статистических данных; он служит мощным катализатором, запускающим глубинные и зачастую необратимые изменения во всей сложной системе общественных отношений. Наблюдаемая трансформация затрагивает самые основы межличностного взаимодействия: происходит переосмысление устройства семьи, сталкиваются ценностные установки разных поколений, ослабевают традиционные формы коллективной поддержки, при этом сам человек оказывается перед трудной задачей сохранения своей уникальности в условиях нарастающей изменчивости окружающего мира.

В условиях перехода к пост капиталистическому обществу нарастает тревожная тенденция: человек постепенно утрачивает свою созидательную и творческую сущность, превращаясь в пассивный элемент системы. Цифровизация, автоматизация и гиперконкуренция губительно сказываются на индивидуальности, подменяя живое творчество шаблонными алгоритмами, а глубокие знания — поверхностной клиповой (мозаичной) информацией. Труд теряет смысловую ценность, сводясь к выполнению узких, рутинных функций, что ведет к духовному и интеллектуальному обеднению личности. Вместо свободного развития человек оказывается заложником искусственно навязываемых потребностей, а его креативный потенциал подавляется гнетом массовой культуры и стандартизированного мышления.

Особую опасность представляет собой демографический кризис, под которым понимается резкое ухудшение численности и структуры населения, проявляющееся в снижении рождаемости ниже уровня воспроизводства, старении населения, росте смертности и депопуляции, что ведет к серьезным социально-экономическим последствиям. Это явление оказывает деструктивное воздействие на ключевые сферы общественной жизни, провоцируя негативные последствия в экономической, социальной, политической и культурной областях, что в совокупности создает системную угрозу устойчивому развитию государства. Так, в экономике кризис приводит к сокращению трудовых ресурсов, угрозе пенсионной системе из-за нехватки налогоплательщиков, снижению потребительского спроса и замедлению роста. В социальной сфере последствия включают перегрузку системы здравоохранения, закрытие учебных заведений из-за нехватки учащихся и рост одиночества среди пожилых людей. С политической точки зрения, кризис ослабляет обороноспособность страны из-за нехватки призывников, вынуждает привлекать мигрантов, что может вызвать социальную напряженность, и снижает геополитическое влияние государства.

Обзор теории

Изменение демографической структуры России, ведущее к сокращению трудоспособного населения и усилению региональных диспропорций, вновь актуализирует вопросы, поднятые еще в классических теориях демографии. В частности, идеи Томаса Мальтуса, сформулированные в конце XVIII века, во многом перекликаются с современными вызовами, хотя и в ином историческом контексте. Теория мальтузианства опиралась на 4 главных положения:

1) общество находится в состоянии равновесия только тогда, когда количество продуктов потребления соответствует численности населения;

- 2) цены на все товары определяются соотношением спроса и предложения;
- 3) скорость роста населения значительно больше, чем увеличение предметов потребления;
- 4) в обществе нужно создать экономико-демографическое равновесие, при котором уровень реальной заработной платы приведен в соответствие с прожиточным минимумом [17].

Теория народонаселения Т. Мальтуса представляет значительный научный интерес как первая систематизированная демографическая концепция, заложившая основы современного понимания взаимосвязи между ростом населения и ресурсной базой. По его мнению, экономика любой страны ограничена возможностями продовольственных и энергетических ресурсов, поэтому она не в состоянии обеспечить быстрый рост населения достаточным объемом пищи и иных потребительских благ. [17]. Мальтус был уверен в том, что человечеству грозит серьезная опасность от «абсолютного избытка людей», поскольку постоянно растущее население, создавая все новых и новых потребителей («едоков»), неизбежно понижает уровень благосостояния нации. Так, отказ от вступления в брак малообеспеченных людей, соблюдение строгих норм морали до вступления в брак, отказ от программ социальной помощи бедным могли бы помочь решить проблему перенаселения.

Бурное развитие капиталистической системы, сопровождавшееся резким ростом потребности в рабочей силе, демографическим взрывом в колониальных странах и одновременным снижением рождаемости в европейских метрополиях, на время отодвинуло мальтузианские теории на второй план. Однако, как показала история, эти идеи не были окончательно забыты – они лишь временно утратили свою актуальность, чтобы впоследствии возродиться в новых формах [2]. В настоящее время наблюдается бурный рост вновь возникших неомальтузианских воззрений.

Возрождение этих идей в XXI веке происходит на видоизмененной и методологической и идеологической основе, смещая фокус с чисто экономических обоснований в сторону экологической и технологической аргументации. Именно в этом ключе формируются современные неомальтузианские концепции, которые, наследуя основную парадигму о необходимости ограничения численности населения, предлагают новые механизмы и обоснования для её реализации.

Современные авторы Ю. Н. Сергеев, В. В. Дмитриев и В. П. Кулеш, в своем исследовании предлагали концепцию экологического мальтузианства и биосферного мальтузианства, где выступали за управляемое сокращение населения Земли, в том числе России, до определённого уровня [27]. Данная идея тесно пересекается с концепцией Пола Эрлиха – биолога, эколога и демографа. Ученый широко известен благодаря своим предупреждениям о рисках перенаселения и исчерпаемости ресурсов. Пик его популярности пришёлся на 1968 год после выхода книги «Популяционная бомба». Основная идея заключалась в том, что чрезмерный рост численности населения представляет серьезную угрозу как для человечества, так и для экологии Земли. Он утверждал, что рост мирового населения приведёт к голоду, а также предположил, что у людей должно быть не более двух детей [32].

Обращение к опыту КНР, наглядно демонстрирует недостатки политики государственного ограничения рождаемости. Данная мера должна была помочь модернизировать сельские регионы и уменьшить демографическую нагрузку за счёт снижения числа детей на одного трудоспособного гражданина. Подобные меры вводились неоднократно, а действующая политика «Одна семья — один ребёнок» была запущена в Китае 1979 году. [19] Политика ограничения рождаемости дала результаты, но привела к сокращению трудоспособного населения. При этом выросла продолжительность жизни пожилых людей. Опасаясь снижения доходов на пенсии, они стали меньше тратить, что негативно сказалось на экономике. В 2016 году власти Китая разрешили всем семьям иметь двоих детей, а на рождение третьего и вовсе стали смотреть сквозь пальцы. Однако рождаемость продолжила снижаться (в 2020 году — на 15%). Для выполнения социалистической модернизации к 2035 году Китай был вынужден разработать комплекс мер для решения демографического кризиса, включая стимулы для рождаемости и повышение пенсионного возраста. С 2000-х власти проводят кампании вроде «Забота о девочках», пытаясь повысить ценность дочерей. Также ограничены аборты, чтобы снизить число селективных прерываний беременности. С 2021 года введены «месячные охлаждения»

перед разводом. Даже при отмене ограничений многие семьи не готовы заводить больше детей. Долгие годы политика формировала установку «все ресурсы — одному ребенку», и для многих второй ребенок остается непозволительной роскошью. Критический анализ позволяет увидеть, что реальные проблемы лежат не в сфере «избытка населения», а в социально-экономических дисбалансах, требующих системных реформ, а не искусственного сокращения численности людей.

Исходя из вышесказанного, авторы считают, что экономический и демографический аспекты взаимосвязаны и кризис одной сферы незамедлительно ведет к кризисам смежной сферы. Например, экономический спад, выражающийся в падении реальных доходов населения и сокращении рабочих мест, закономерно ведет к откладыванию браков и рождений детей, что, в свою очередь, усугубляет демографический спад и создает долгосрочные риски для экономики, сужая рынок труда и потребительский спрос. В связи с чем, на государственном уровне в РФ должны быть предприняты меры по преодолению негативных тенденций в демографической структуре. В частности, для изменения ситуации требуется целостная, многоуровневая и преемственная системная политика, включающая улучшение условий для молодых семей, расширение мер поддержки рождаемости и создание стабильной социально-экономической среды.

Опыт других стран, таких как Китай, демонстрирует, что жесткие меры по ограничению рождаемости могут привести к долгосрочным негативным последствиям, включая дисбаланс в возрастной структуре населения и снижение экономической активности. В условиях России, где проблема депопуляции стоит особенно остро, необходима комплексная государственная политика, направленная на стимулирование рождаемости, поддержку молодых семей и создание благоприятных социально-экономических условий. Важными мерами могли бы стать расширение программ материнского капитала, улучшение доступности жилья, развитие инфраструктуры для семей с детьми, а также повышение престижа семейных ценностей.

Однако, важно отметить, что теория Т. Мальтуса не актуальна для современной России. Основные вызовы России — это не нехватка продовольствия, а неравномерное распределение богатств, низкая производительность труда, старение населения и зависимость от сырьевой экономики, тогда как мальтузианские риски (голод, перенаселение) характерны скорее для развивающихся стран с высоким приростом населения. И если Т. Мальтус утверждал, что рост населения неизбежно опережает производство ресурсов, создавая угрозу «абсолютного избытка людей» и снижения благосостояния, то сегодня Россия сталкивается с противоположной проблемой — депопуляцией и старением, что, однако, также ведет к дисбалансу между экономическими возможностями и демографическими тенденциями. В обоих случаях ключевым остается вопрос равновесия: для Мальтуса — между населением и продовольствием, для современной России — между трудовыми ресурсами и потребностями промышленности. При этом если Мальтус видел решение в ограничении рождаемости среди бедных слоев, то сегодня, напротив, требуются меры по стимулированию демографического роста и перераспределению трудовых ресурсов. Таким образом, хотя демографические реалии изменились, фундаментальный принцип необходимости баланса между населением и экономикой сохраняет свою актуальность.

В свою очередь основными индикаторами демографического кризиса являются устойчивый отрицательный естественный прирост населения, старение общества, снижение рождаемости, а также трансформация структуры семьи в сторону преобладания бездетных и однодетных домохозяйств. Эти тенденции усугубляются последствиями локдауна, экономической нестабильностью и скрытой статистикой военных потерь, что создает дополнительные риски для устойчивого социально-экономического развития.

Данные и методы

Дальнейший анализ влияния специфики функционирования российской экономики на демографические процессы проводится на основе рассмотрения следующих показателей: численность населения, прирост населения, рождаемость, смертность, количество новых браков и

процент развода. Изучение динамики этих показателей позволит количественно оценить масштаб и интенсивность проявления указанных выше индикаторов кризиса.

Ключевым статистическим показателем, характеризующим структуру населения, является естественный прирост, под которым понимается абсолютная величина разности между числами родившихся и умерших за определенный промежуток времени. Проанализировав общее число родившихся и умерших в период 2003-2023 (рисунок 1), авторы обращают внимание, что в большинстве рассматриваемых временных промежутков наблюдается отрицательный естественный прирост. В последнее десятилетие особо остро эта проблема наблюдалась в 2020-2023 годах. Объяснить это мы можем преимущественно только последствиями COVID-19, поскольку с 2022-ого года Росстат скрыл категорию смертности от «повреждений в результате военных действий».

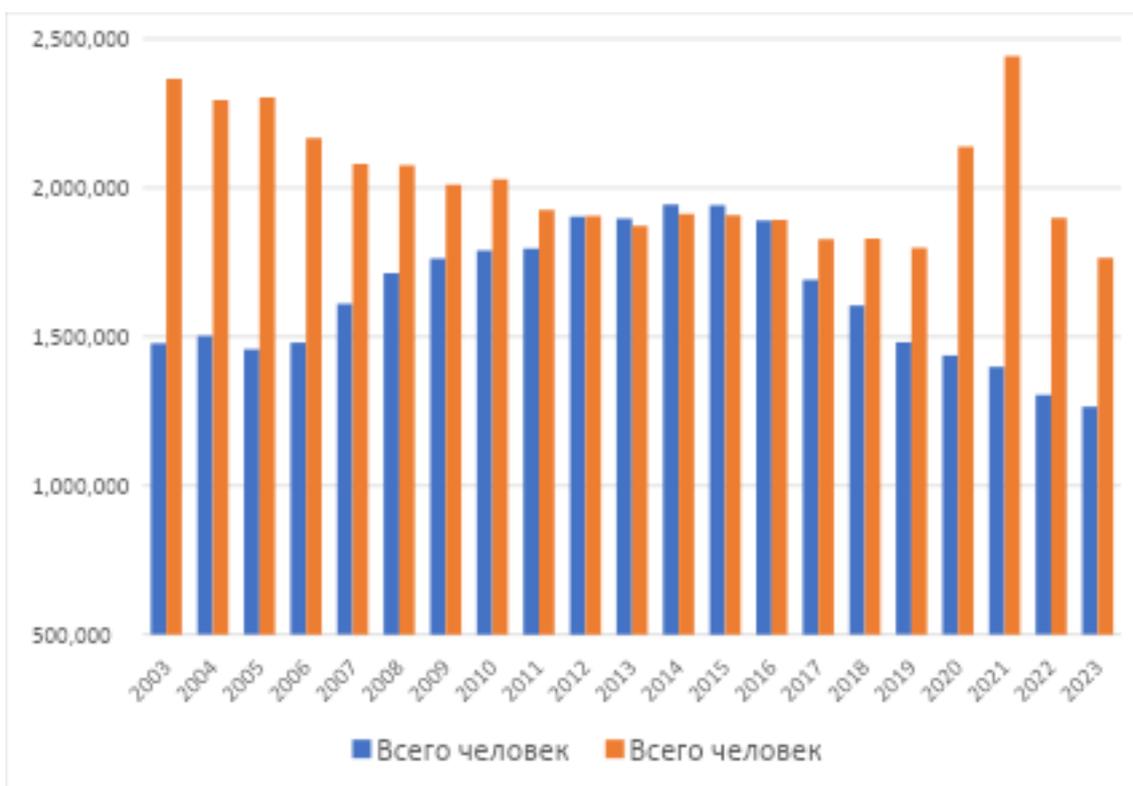

Рисунок 1 – Естественный прирост населения в РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [2]

Превышение смертности над рождаемостью, бесспорно, приводит к ухудшению демографической ситуации в стране. Кроме того, с большей вероятностью наблюдается увеличение доли пожилого населения, что может создать дисбаланс в возрастной структуре населения. Это, в свою очередь, имеет ряд значительных негативных последствий для общества. Фактически, мы наблюдаем переход к модели общества с перевернутой возрастной пирамидой, где меньшинство трудоспособного населения вынуждено содержать растущее большинство нетрудоспособного.

С точки зрения экономики, сокращение доли молодого населения ведет к увеличению нагрузки на пенсионную систему, сокращение доли трудоспособного населения приведет к меньшему числу взносов в Социальный Фонд. Также возникает реальность повышения пенсионного возраста. При превалировании пожилого населения в стране наблюдается замедление экономического роста в связи с сокращением инвестиций, дефицитом кадров в ключевых отраслях (медицина, ИТ, промышленность).

Исследуя демографические последствия, следует отметить, что кроме естественной убыли населения также может наблюдаться «вымирание» сел в связи с тем, что молодежь уезжает в города. Это в свою очередь приведет к закрытию школ, больниц и других ключевых объектов инфраструктуры. Следовательно, повсеместно можно будет наблюдать деградацию сельских

территорий. Таким образом, демографический кризис проявляется не только в количественных показателях, но и в качественной деградации пространства, усиливая региональное неравенство и создавая предпосылки для долгосрочной социальной дестабилизации. В совокупности эти факторы формируют системный вызов, требующий не точечных корректировок, а комплексной стратегии, одновременно направленной на стимулирование рождаемости, повышение производительности труда и сбалансированное региональное развитие.

В соответствии со статьей 1-ой пунктом 2-ым Семейного кодекса Российской Федерации, «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния» [27]. Благодаря анализу статистики численности заключения браков в России (рисунок 2), становится наглядно понятна общая отрицательная динамика. При этом исторический минимум зарегистрированных браков в исследуемых временных пределах был достигнут в 2020-ом году. Это объясняется локдауном, введенным вследствие коронавирусной инфекции COVID-19. К примеру, водились жесткие ограничительные меры (в том числе на проведение торжественных церемоний), ухудшилась экономическая ситуация, что заставило многие пары отложить свадьбы, а также возросли психологические нагрузки, влияющие на принятие решений о создании семьи. В свою очередь, максимальное количество браков было заключено в 2011-ом году. Данный показатель является следствием стабилизации экономической ситуации и регистрацией браков, отложенных по финансовым причинам в 2009-2010 годах. [4]

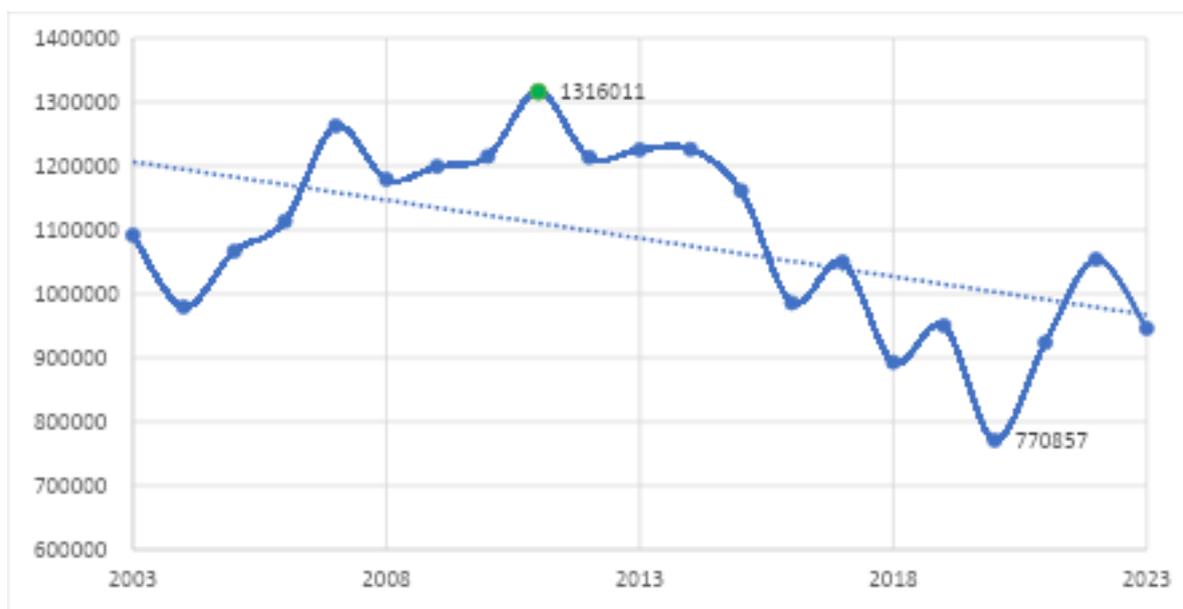

Рисунок 2 – Статистика браков в РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [29]

В России расторжение брака регулируется Семейным кодексом РФ и происходит через ЗАГС или суд в зависимости от обстоятельств. Далее изучим статистику разводов (рисунок 3).

Общий линейный тренд свидетельствует о постепенном сокращении числа разводов. Однако такая динамика не однородна. Увеличение засвидетельствованного числа разводов приходится на период 2005-2009, 2012-2014, 2020-2022 годы. Так, на период 2005–2009 годов оказал влияние кризис 2008 года, которые спровоцировал в предшествующие и последующие годы рост безработицы, снижение доходов. Это привело к усилению социального напряжения в семьях. В следующем рассматриваемом периоде на число разводов повлияли преимущественно макроэкономические факторы: экономическая стагнация (замедление роста ВВП), курсовые колебания рубля (ухудшение покупательной способности валюты), рост ипотечной нагрузки, что увеличило долговую нагрузку на семью. Индивидуальное ведение хозяйства стало предпочтительнее. Кроме пандемии, на динамику

разводов в 2020–2022 годах повлияли мобилизация и эмиграция. Многие семьи разделились и ощутили значительное психоэмоциональное напряжение. Обобщая, рассматриваемые периоды характеризуются напряженностью в стране в экономической, политической и, как следствие, социальных сферах. В свою очередь, проведенный анализ демонстрирует прямую корреляцию между экономическими и политическими кризисами и распадом семей. Экономическая стагнация, падение доходов и вынужденная миграция разрушают стабильность брачных союзов, переводя системные риски на уровень отдельных семей.

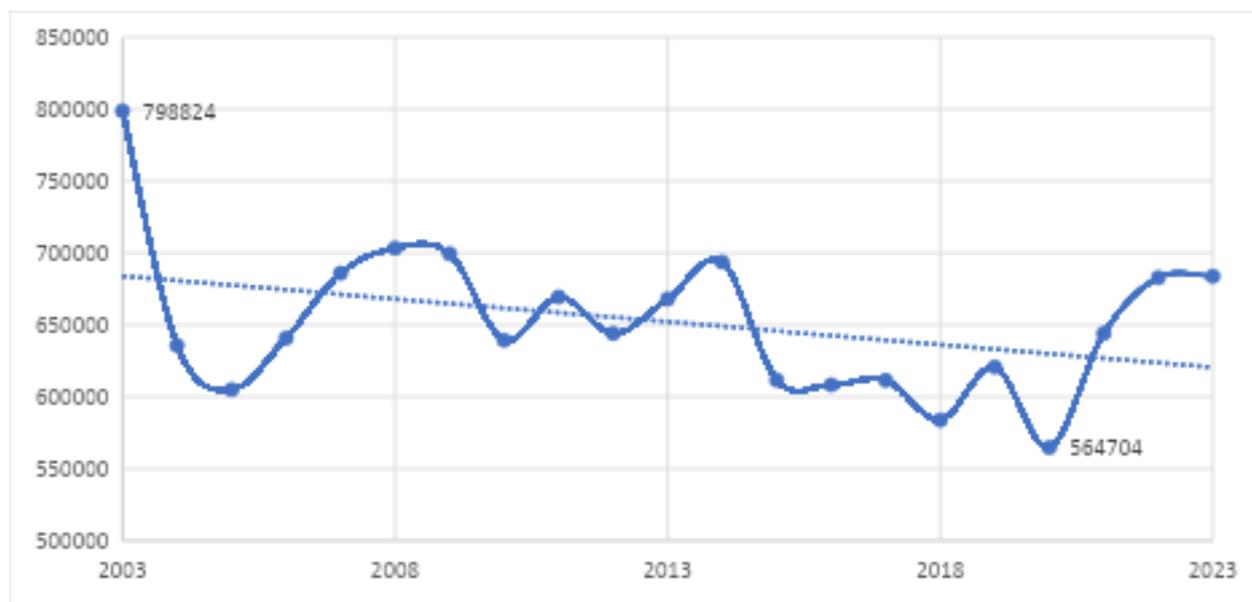

Рисунок 3 – Статистика разводов в РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [29]

Претерпела изменения и структура семьи, с точки зрения численности детей. Авторы считают важным дополнительно проанализировать структуру российской семьи, с точки зрения численного состава детей (рисунок 4). По результатам переписи населения численность домохозяйств, не имеющих детей составляет 23 200 814. При этом многодетных семей насчитывается лишь 1 788 067. [12]

х

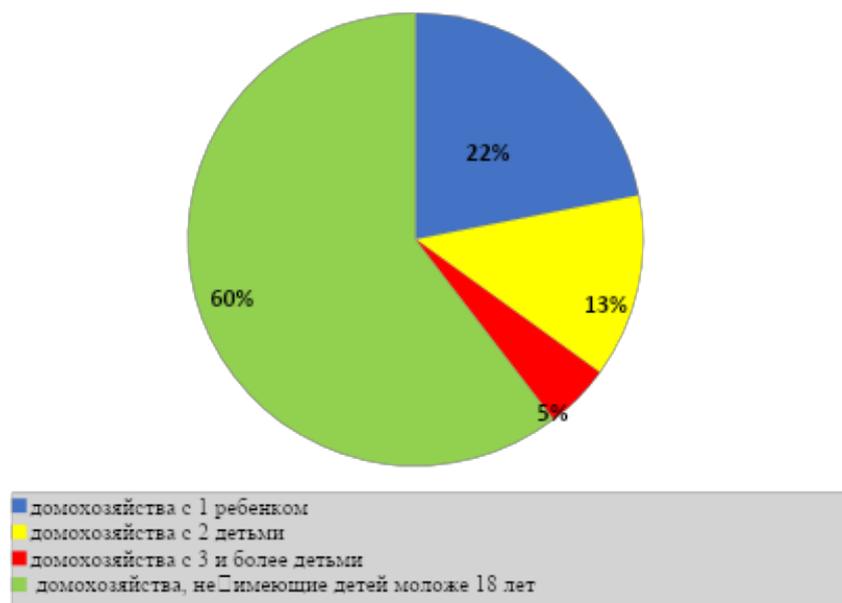

Рисунок 4 – Частные домохозяйства по числу детей моложе 18 лет

Источник: составлено автором на основе статистических данных [12]

Такой низкий процент многодетности в РФ является следствием перехода к супружескому типу семьи. Это подтверждают и итоги 2023 года: на основе данных Росстата, суммарный коэффициент рождаемости – среднее число детей, которое приходится на одну женщину, составил 1,41. При этом коэффициент рождаемости третьих и последующих детей, хоть незначительно, но вырос — с 0,36 до 0,37.[23] Стоит отметить, что коэффициент рождаемости в России с 2003 года демонстрировал неоднозначную динамику. В начале 2000-х годов, после глубокого демографического кризиса 1990-х, наблюдался постепенный рост: если в 2003 году суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составлял 1,32 ребенка на женщину, то к 2012 году он увеличился до 1,69. Этот рост был связан с улучшением экономической ситуации, введением мер господдержки (материнский капитал с 2007 года) и вступлением в детородный возраст поколения 1980-х годов рождения. Пик рождаемости пришелся на 2015–2016 годы (СКР достиг 1,78), что частично объяснялось эффектом от демографических программ и благоприятной возрастной структурой населения. Однако с 2017 года началось постепенное снижение показателя. К 2021 году СКР опустился до 1,50, а в 2023 году составил 1,41 ребенка на женщину. Сокращение рождаемости связано с исчерпанием демографического импульса 1980-х, экономической нестабильностью.

Многодетность – далеко не массовое явление для современного российского общества. Рассмотрим типы многодетных семей, в зависимости от субъективных причин рождения такого количества детей. Первую группу (12%) составляют социально-ответственные семьи, которые планировали 3 и более детей. Многодетные семьи второго типа (27%) возникли в результате повторных браков. Около 6% многодетных семей являются маргинальными, с девиантным поведением родителей. Подавляющее большинство многодетных семей – 55% – возникло по незапланированным и непредвиденным обстоятельствам, в том числе вследствие многоплодных беременностей.[10]

Высокий процент семей, не имеющих детей моложе 18 лет (60%), свидетельствует о глубоких социально-экономических и культурных изменениях в российском обществе и отражает комплекс проблем. Рассмотрим основные причины такой ситуации.

Во-первых, демографический сдвиг и старение населения – значительная часть семей состоит из пожилых пар или одиноких людей, чьи дети уже выросли. Это объективный демографический процесс, связанный с естественным старением населения. Кроме того, снижение рождаемости в 1990-х и 2000-х годах привело к сокращению доли молодых семей с детьми.

Во-вторых, откладывание рождения детей или отказ от них. Многие современные молодые пары предпочитают сначала строить карьеру, улучшать жилищные условия или достигать финансовой стабильности, что приводит к поздним бракам и снижению рождаемости. Параллельно с этим растет количество семей, сознательно выбирающих бездетность (чайлдфри).

В-третьих, экономические барьеры. Высокая стоимость жилья, недостаточность мер государственной поддержки семей с детьми, низкий уровень доходов значительной части населения – все эти факторы вынуждают пары ограничиваться одним ребенком или вообще отказываться от родительства. В крупных городах ситуация особенно сложная – расходы на образование, медицинское обслуживание и обеспечение детей делают многодетность недоступной роскошью для большинства семей.

В-четвертых, происходит изменение семейных ценностей – переход от традиционной модели семьи к индивидуалистическим установкам, где личная свобода и самореализация ценятся выше родительства. В обществе растет толерантность к альтернативным формам семейных отношений. Все больше людей либо откладывают создание семьи на неопределенный срок, либо вообще не стремятся к официальному браку.

В-пятых, последствия кризисов – экономические потрясения (2008, 2014, 2020–2022 гг.), локдаун при COVID-19 и события на Украине усилили неуверенность в завтрашнем дне, что негативно сказалось на репродуктивных планах населения.

Обобщая все вышесказанное, можно определить, что основными индикаторами

демографического кризиса в современной России являются устойчивое сокращение числа браков, снижение числа разводов при сохранении их высокого уровня, отрицательный естественный прирост населения (превышение смертности над рождаемостью, усугубленное последствиями пандемии и скрытой статистикой военных потерь), а также изменение структуры семьи в сторону преобладания бездетных и однодетных домохозяйств (более 23 млн) при крайне низкой доле многодетных семей (около 1,8 млн). Эти тенденции свидетельствуют о переходе к супружескому типу семьи, где дети перестают быть ключевой ценностью, а также о росте альтернативных форм сожительства без официальной регистрации брака. Сочетание экономических, социальных и демографических факторов (старение населения, увеличение нагрузки на социальные системы, снижение престижа брака) подтверждает глубокую трансформацию общества, что требует разработки комплексных мер государственной поддержки.

Накопительный эффект выявленных демографических тенденций формирует системный вызов для экономики, переводя проблему из сугубо социальной плоскости в практическое поле стратегического планирования. Указанные изменения в брачно-семейной структуре и возрастном составе населения напрямую детерминируют качество и количество человеческого капитала, который является фундаментальным ресурсом для развития реального сектора экономики.

Демографические изменения создают принципиально новые условия функционирования производственного сектора, требуя переосмысления традиционных подходов к оценке промышленного потенциала. В отличие от краткосрочных экономических колебаний, демографические сдвиги формируют долгосрочные структурные ограничения, определяя не только количественные, но и качественные параметры трудовых ресурсов. Трансформация демографической структуры общества оказывает комплексное влияние на развитие производственных мощностей, что делает необходимым эмпирическую оценку данного воздействия через призму ключевых макроэкономических показателей. Для проведения данной оценки целесообразно обратиться к анализу конкретных статистических показателей, отражающих состояние промышленного сектора. Это позволяет перейти от теоретического осмысления демографических вызовов к количественному измерению их воздействия на экономику. В качестве ключевого индикатора, чувствительного к изменениям в количестве и качестве трудовых ресурсов, был выбран индекс промышленного производства. Оценим, какое влияние оказала трансформация демографической структуры на развитие производственных мощностей России. В связи с чем проанализируем индекс промышленного производства – макроэкономический индикатор, отражающий изменение объёма выпуска продукции в добывающих и обрабатывающих отраслях (рисунок 5).

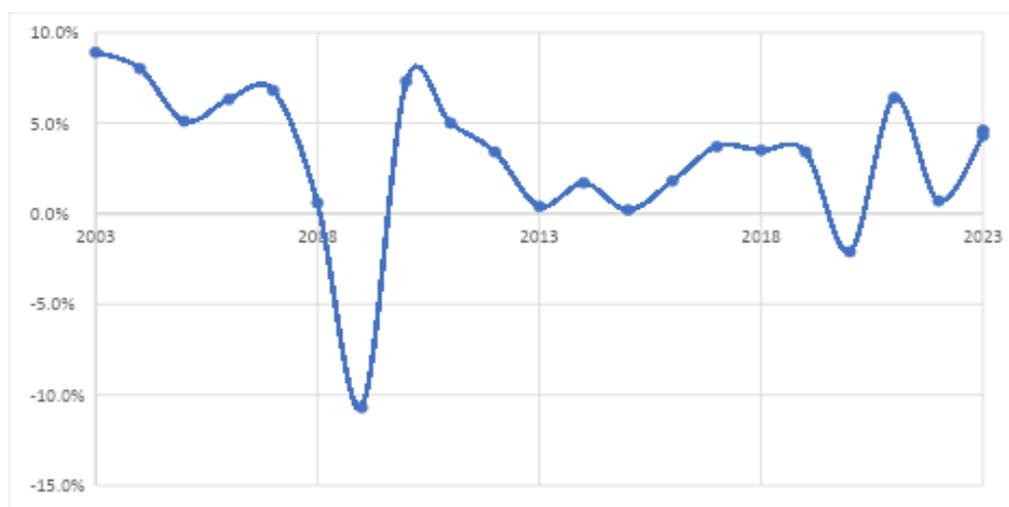

Рисунок 5 – Индекс промышленного производства РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [11]

Динамика ИПП в России с 2003 по 2024 год демонстрирует выраженную цикличность и высокую чувствительность к внешнеэкономическим факторам. Начальный период (2003-2008 гг.) характеризовался устойчивым ростом с пиковыми значениями около +10%, что было обусловлено как эффектом низкой базы после кризиса 1998 года, так и благоприятной конъюнктурой мировых товарных рынков, особенно в нефтегазовом секторе. Однако мировой финансовый кризис 2008-2009 годов привел к обвальному падению показателя до -15%, выявив структурные слабости российской промышленности. Последующее восстановление в 2010-2012 годах оказалось непродолжительным – уже в 2013 году началось замедление, перешедшее в новую рецессию в 2015-2016 годах (-10%) на фоне введения западных санкций, падения цен на нефть и структурных проблем в экономике. Особенно тревожной выглядит динамика последних лет (2018-2024), когда индекс промышленного производства фактически стагнирует, колеблясь вблизи нулевой отметки, что свидетельствует об исчерпании прежних моделей роста и отсутствии новых драйверов развития. Эта стагнация происходит несмотря на попытки импортозамещения и свидетельствует о глубоких структурных проблемах, включая технологическое отставание, недостаток инвестиций и сохраняющуюся сырьевую зависимость экономики.

Одной из наиболее острых проблем современного общества является безработица, которая влечёт за собой серьёзные негативные эффекты: падение уровня жизни, рост бедности, потери в ВВП, снижение налоговых доходов и увеличение нагрузки на государственный бюджет. [15] Министр финансов РФ А.Г. Силуанов 25 апреля 2025 года на 51-м заседании Международного валютно-финансового комитета (МВФК) заметил, что «за последние два года доля занятого населения выросла более чем на два миллиона человек, в то время как безработица снизилась до исторического минимума в 2,4% (по данным за январь-февраль 2025 года)» [5]. Однако особое влияние следует обратить на следующую проблему: треть россиян работают не по специальности (см. рисунок 6).

Рисунок 6 – Занятость работающих россиян в соответствии с полученной специальностью

Источник: составлено автором на основе статистических данных [29]

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, по данным на 2024 год среди работающих россиян старше 15 лет, имеющих специальность, подтвержденную дипломом, 53,4% выполняли основную работу, полностью соответствующую полученной специальности, 17% – близкую к полученной специальности, а 29,6% – не соответствующую полученной специальности [29]. Так, логично сделать вывод о том, что в России наблюдается проблема неэффективного использования человеческого капитала и профессионального потенциала работников. Это свидетельствует о структурных диспропорциях на рынке труда. В результате возникает недополученная экономическая ценность – снижается производительность труда, обесцениваются инвестиции в образование, а у работников падает мотивация и удовлетворённость профессией. То есть в современных условиях

российский рынок труда нестабилен и подвержен нежелательным изменениям, которые формируются под влиянием политических, правовых и демографических факторов [20].

Это, в свою очередь, ведет к целому ряду негативных социально-экономических последствий. С одной стороны, массовая работа не по специальности подрывает саму идею целевого образования и ведет к хронической нехватке квалифицированных кадров в стратегически важных отраслях, таких как здравоохранение, инженерное дело и ИТ. С другой стороны, возникает феномен «скрытой безработицы» среди дипломированных специалистов, когда формально занятые работники не реализуют свой профессиональный потенциал, что ведет к стагнации их доходов и снижению потребительской активности. Кроме того, данная ситуация усугубляет последствия демографического кризиса, поскольку дефицит качественных рабочих мест стимулирует отток молодежи из малых городов и сельской местности, усиливая региональные диспропорции.

Результаты

1) Кадровый дефицит и старение. Трансформация демографической структуры населения России оказала глубокое и многогранное влияние на развитие производственных мощностей, что проявляется не только в очевидных проблемах с трудовыми ресурсами, но и в изменении структуры спроса, трансформации региональной специализации и замедлении технологического прогресса. Это влияние носит комплексный характер, затрагивая как количественные, так и качественные параметры рабочей силы, что в конечном итоге ставит под вопрос возможность реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов в запланированные сроки. Сокращение доли молодого трудоспособного населения привело не только к острому кадровому дефициту, но и к снижению мобильности рабочей силы, что особенно критично для новых промышленных кластеров, требующих переезда специалистов в регионы с развивающейся инфраструктурой. Молодые сотрудники традиционно более гибки и склонны к смене места жительства ради карьерных возможностей, и их нехватка консервирует экономическую стагнацию в депрессивных регионах. Старение населения также создает дополнительное сопротивление модернизации промышленности. Более старшая возрастная категория работников зачастую обладает опытом, но может испытывать объективные трудности с переобучением и адаптацией к стремительно меняющимся цифровым технологиям и новым производственным процессам, что препятствует оперативному внедрению инноваций.

2) Региональные диспропорции. Демографическая динамика демонстрирует косвенный эффект на региональное распределение промышленности. Деградация сельских территорий и миграция молодежи в крупные города приводят к концентрации трудовых ресурсов в ограниченном числе регионов, что усиливает диспропорции в промышленном развитии. В то время как Москва, Санкт-Петербург и несколько других крупных центров могут поддерживать относительно высокие темпы роста за счет притока квалифицированных кадров, многие промышленные регионы, особенно в Центральной России и на Дальнем Востоке, сталкиваются с хронической нехваткой рабочих рук, что вынуждает предприятия либо сворачивать производство, либо автоматизировать его, что не всегда экономически оправдано. Вынужденная автоматизация в условиях отсутствия подготовленных кадров для обслуживания новых технологий зачастую приводит к неэффективным затратам и не решает проблему в корне, а лишь откладывает ее, создавая риски новых остановок производства.

3) Угроза технологическому суверенитету. Стоит отметить, демографический кризис усугубляет проблему зависимости промышленности от импортных технологий. Сокращение численности молодежи и снижение престижа инженерных профессий ведут к уменьшению числа специалистов в высокотехнологичных отраслях, что замедляет процессы импортозамещения и инновационного развития. Таким образом, формируется критический разрыв между амбициозными целями достижения технологической независимости и реальными человеческими ресурсами, способными эти цели воплотить. В долгосрочной перспективе это может привести к усилению сырьевой ориентации экономики, поскольку добывающие отрасли, в отличие от обрабатывающих, менее

чувствительны к демографическим изменениям и могут функционировать даже при ограниченном числе высококвалифицированных кадров. Этот структурный перекос в сторону сырьевого сектора закрепляет уязвимость национальной экономики от колебаний мировых цен на ресурсы.

Таким образом, трансформация демографической структуры не только ограничивает текущий промышленный рост, но и создает системные риски для будущего технологического суверенитета страны, требуя не просто точечных мер поддержки рождаемости, а и комплексной перестройки социально-экономической политики с учетом новых демографических реалий.

Заключение

Демографические изменения оказывают непосредственное воздействие на ключевые сферы жизни общества. В экономике это проявляется в сокращении трудовых ресурсов, увеличении нагрузки на пенсионную систему и снижении потребительского спроса. Социальные последствия включают перегрузку системы здравоохранения, деградацию сельских территорий и рост социальной напряженности. Кроме того, старение населения и снижение мобильности рабочей силы затрудняют модернизацию промышленности и технологическое развитие, усиливая зависимость от импортных решений.

Ключевым элементом такой стратегии должна стать интегральная политика, направленная на стимулирование рождаемости через повышение благосостояния семей, создание гибких условий для совмещения профессиональных обязанностей и родительства, а также привлечение и адаптацию квалифицированных мигрантов для компенсации естественной убыли населения и покрытия дефицита кадров в стратегически важных отраслях экономики. Параллельно необходима глубокая структурная перестройка экономики с акцентом на повышение производительности труда, активное внедрение трудосберегающих технологий и цифровизацию, что позволит нивелировать последствия сокращения численности экономически активного населения.

Таким образом, преодоление демографического кризиса требует не только краткосрочных решений, но и долгосрочной стратегии, учитывающей взаимосвязь демографических, экономических и социальных факторов в их интеграции. Непосредственно комплексный подход позволит обеспечить социально-экономическое развитие России в условиях глобальных вызовов и внутренних трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев В. Вырождение России: кто виноват и что делать // Политика и Общество. — 2006. — № 2. — С. 4–22. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52962 (дата обращения: 30.01.2025).
2. Альпидовская М. Л. К вопросу об устойчивости теории Томаса Мальтуса // Теоретическая экономика. — 2020. — № 7 (67). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ustoychivosti-teorii-tomasa-maltusa> (дата обращения: 18.07.2025).
3. Богданова А. А., Мишина С. В. Влияние демографических изменений на развитие экономики Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 4-1 (110). — С. 89–91.
4. В 2011 году в России сыграли свадьбу...: [исслед. РБК] // РБК: [сайт]. — URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/5671/> (дата обращения: 30.01.2025).
5. В Госдуме оценили идею платить миллион рублей за рождение первого ребенка // Звезда: телеканал: [сайт]. — URL: <https://tvzvezda.ru/news/2025425556-0FCi9.html> (дата обращения: 30.01.2025).
6. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы развития России: роль демографического фактора // Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара». — 2003. — № 53. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-rossii-rol-demograficheskogo-faktora> (дата обращения: 19.08.2025).
7. Государственная политика вывода России из демографического кризиса : монография / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян [и др.] ; под общ. ред. С. С. Сулакшина. — 2-е изд. — Москва: ЗАО «Издательство «Экономика»»: Научный эксперт, 2007. — 888 с.
8. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. — Москва, 2001. — 302 с.
9. Донской Д. А., Ужакова М. В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. — 2024. — № 4 (12). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-demograficheskoy-situatsii-v-rossiyskoy-federatsii-prognoz-na-2024-2026-gg> (дата обращения: 19.08.2025).
10. Заварихина Э. А. Многодетные семьи: понятие, критерии, проблемы социального обеспечения // Скиф. 2023. №3 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogodetnye-semi-ponyatie-kriterii-problemy-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 19.08.2025).
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру домохозяйства и числу детей моложе 18 лет / Росстат. —// Федеральная служба государственной статистики: — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 31.01.2025).
12. Какорин И. А. Влияние демографии на экономику // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — № 6-1 (100). — С. 156–159.
13. Кармова Б. З., Асланова Л. О. Особенности безработицы в России на современном этапе // Фундаментальные исследования. — 2020. — № 12. — С. 88–92. — DOI: 10.17513/fr.42914.
14. Кармова Б. З., Тхалиджоков М. З. Безработица в России в условиях кризисного состояния национальной экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — № 10-1 (104). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrabortitsa-v-rossii-v-usloviyah-krizisnogo-sostoyaniya-natsionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 11.05.2025).
15. Кудров В. М. Экономика России в Европе и мире: прошлое, настоящее и будущее // Общественные науки и современность. — 2011. — № 5. — С. 21–33.
16. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения / Т. Р. Мальтус. — Москва: Директ-Медиа, 2007. — 461 с. — Репр. воспроизведение изд. 1868 г.
17. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: в 2 т. / Т. Мальтус, Дж. М. Кейнс, Ю. Ларин; предисл., сост. И. А. Столярова. — Москва: Эконом : Ключ, 1993. — Т. 2. — 486 с.
18. Минтруд предложил увеличить выплаты на детей до трех лет // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://>

tass.ru/obschestvo/23683755 (дата обращения: 30.01.2025).

19. На 10 девочек 12 ребят: как ограничение рождаемости в Китае привело к перекошу в численности полов // Forbes.ru: [сайт]. — URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/430059-na-10-devchonok-12-rebyat-kak-ogranichenie-rozhdaemosti-v-kitae-privelo-k> (дата обращения: 30.01.2025).

20. Ольховик О. В. Рынок труда и безработица в РФ: тенденции, факторы и проблемы // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. — 2023. — № 19. — С. 223–227.

21. Павлов Я. Н. Проблемы демографии на общегосударственном уровне // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. — 2021. — № 4 (25). — С. 62–66.

22. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в России по годам // Демография и уровень жизни в России: [сайт]. — URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smertnost> (дата обращения: 30.01.2025).

23. Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e> (дата обращения: 31.01.2025).

24. Рудакова Е. К. Многофакторный анализ внутренних демографических угроз России // Власть. — 2020. — № 6. — С. 30–38.

25. Сапунов А. В., Сапунова Т. А., Багян Г. А. Анализ актуальной демографической ситуации в Российской Федерации // Естественно-гуманитарные исследования. — 2021. — № 1 (33). — С. 187–190.

26. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/ (дата обращения: 30.01.2025).

27. Сергеев Ю. Н., Кулеш В. П., Дмитриев В. В. Новая концепция демографического перехода // Биосфера. — 2020. — Т. 12, № 4. — С. 172–192.

28. Статистика браков и разводов в России по годам // Демография и уровень жизни в России: [сайт]. — URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov> (дата обращения: 30.01.2025).

29. Третью россиян работают не по специальности [Электронный ресурс] // Новости Норильска. — 2025. — 19 апреля. — URL: <https://news.sgnorilsk.ru/2025/04/19/tret-rossiyan-rabotayut-ne-pospeczialnosti/> (дата обращения: 19.08.2025).

30. Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений / М. Ю. Евсин, И. В. Измалкова, Т. Ю. Исмаилова [и др.]. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. — 106 с. — ISBN 978-5-00078-704-5. — EDN AIWGAL.

31. Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру домохозяйства и числу детей моложе 18 лет: итоги Всерос. переписи населения 2020 г. Т. 8 / Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 31.01.2025).

32. Я хотел бы не рождаться: восстание антинатов : [электрон. ресурс] // Telegraph. — URL: <https://telegra.ph/YA-hotel-by-ne-rozhdatsya-vosstanie-antinatalistov-09-29> (дата обращения: 30.01.2025).

From malthusian fears to reality: to the question of the demographic crisis in modern Russia

Suchkova Uliana Sergeevna

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: suchkova.uliana@yandex.ru

Tsurkan Marina Valerievna

Doctor of Economics, Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: morskaya67@bk.ru

KEYWORDS.

demographic crisis, socio-economic development, family structure, natural growth, population, malthusianism

ABSTRACT.

The demographic crisis in Russia, characterised by persistent depopulation, an ageing population, and changes in family structure, poses systemic risks to social and economic stability. Despite a significant amount of research, a comprehensive analysis of the relationship between demographic trends and contemporary challenges (the consequences of lockdowns, geopolitical instability) remains underdeveloped. The aim of this paper is to identify key indicators of the demographic crisis in Russia and assess the socio-economic consequences. To achieve this aim, the following tasks were set: to analyse the dynamics of key demographic indicators, assess the impact of demographic changes, and identify systemic risks and potential consequences of current demographic trends. The study employed methods of statistical analysis of data from Rosstat (on natural growth, birth rates, mortality, marriage rates, and household structure), comparative analysis of the effectiveness of demographic policy in Russia and China, and economic-demographic modelling of the consequences of demographic transformations. The findings of the research revealed that the main indicators of the crisis – negative natural population growth, an ageing society, decreased transformation, and structural changes in families – have a destructive impact on the economy, evident in the reduction of labour resources, pressure on the pension system, and on the social sphere, manifested in the degradation of rural areas and increased loneliness. It was established that negative natural growth in 2023 and the rising demographic burden lead to a decrease in labour resources and an imbalance in the pension system. There is a significant predominance of childless and one-child families, with an extremely low proportion of multi-child families. Some inadequacy of state support measures was identified. The conclusions drawn may be applied in the development of state demographic policy aimed at stimulating birth rates, supporting young families, and creating a stable socio-economic environment. A limitation of the study is the lack of data for certain periods, which opens avenues for future research, including an in-depth analysis of regional differences.

Золото на мировых рынках: известные неизвестные

Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № 075-15-2024-525 от 23.04.2024.

Агеев Александр Иванович

доктор экономических наук, профессор,
МГИМО МИД России, НИЯУ МИФИ, Международный научно-исследовательский институт проблем управления,
Москва, Россия
E-mail: Ageev@inesnet.ru

Логинов Евгений Леонидович

доктор экономических наук, профессор РАН
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
E-mail: Loginovel@mail.ru

Шкута Александр Анатольевич

доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-mail: saa5333@hotmail.com

Москвин Александр Юрьевич

студент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-mail: A.moskvin2003@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

золото, цифровое золото,
мировая экономика,
рынки, инвестиции,
стратегии

АННОТАЦИЯ.

Статья посвящена исследованию современного состояния и ключевых тенденций развития мировых рынков золота в условиях усиливающейся геополитической неопределённости и нарастающих финансовых рисков. Золото рассматривается как стратегический актив, выполняющий функцию индикатора глобальной экономической стабильности и инструмента защиты от валютных и инфляционных колебаний. Автор анализирует структуру мировой добычи золота, динамику спроса и предложения, отмечая возросшую активность центральных банков, которые стремятся укрепить свои резервы в условиях дедолларизации и изменения архитектуры международных финансов. Особое внимание уделяется развитию цифровых форм владения золотом — токенизированным активам и цифровым платформам, обеспечивающим удобный и технологичный доступ к инвестициям в драгоценные металлы. Цифровое золото рассматривается как мост между традиционной ценностью физического металла и возможностями современных финтех-инструментов, обеспечивающих высокую ликвидность, прозрачность и доступность. Отдельный блок исследования посвящён влиянию санкционных ограничений на российский рынок золота, переориентации экспортных потоков, росту внутреннего потребления и усилению роли золота в структуре национальных резервов. Автор подчёркивает необходимость адаптации государственной политики и корпоративных стратегий к новым условиям, определяемым технологическими инновациями, перераспределением мировых рынков и изменением механизмов глобальной финансовой безопасности.

JEL codes: Q10, Q13, Q14

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-8-138-153>

Для цитирования: Агеев, А.И., Золото на мировых рынках: известные неизвестные / А.И. Агеев, Е.Л. Логинов, А.А. Шкута, А.Ю. Москвин. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.138-153. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Мировое сообщество демонстрирует критическую турбулентность с существенной компонентой неопределенности [4; 7].

Ведущие страны мира активно накапливают золото.

Обычно такая ситуация складывается в бифуркационные периоды и свидетельствует об ожидании каких-то событий с агрессивной составляющей [1; 8].

Процесс обращения золота на мировых рынках, так же как и нефти, является одним из ключевых системохарактеризующих процессов, свидетельство не просто одного из трендов макроэкономической конъюнктуры, а геостратегической реакции на явные и латентные событийные цепочки [2; 6].

Методология исследования

Для анализа процессов развития мировых рынков золота применяется системно-структурный подход, который является инструментом логического «монтирования» причинно-следственных цепочек в рассматриваемой сфере экономических и политических отношений.

Производство золота в мире

Китай неизменно занимает первое место по объему добычи золота в мире. За период с 2010 по 2023 годы его производство колебалось в пределах 351,1–463,7 тонн. Однако в последние годы наблюдается снижение показателей, начиная с 2018 года, когда производство снизилось до 404,1 тонн, а в 2023 году составило 378,2 тонн.(рис.1).

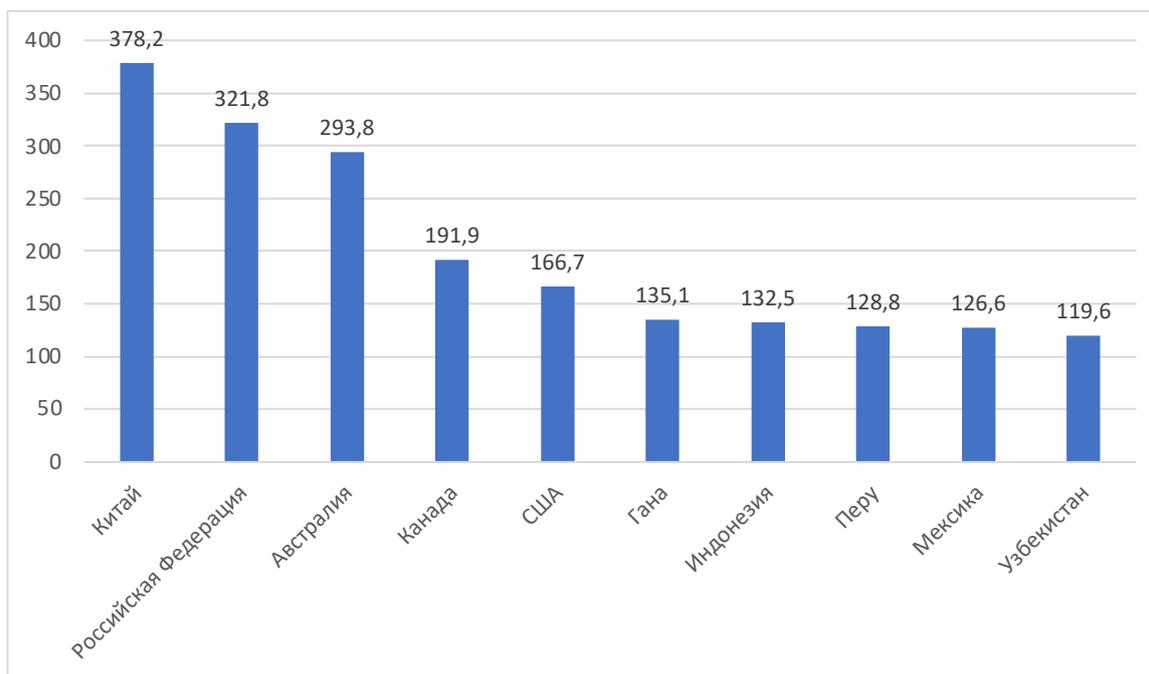

Рисунок 1 – Топ-10 стран лидеров по производству золота (тонн) в 2023 г.[14]

В 2023 году золотодобывающая промышленность России продемонстрировала устойчивость, несмотря на сложные условия: закрытие экспортных рынков, дефицит технологий и рост себестоимости. Добыча золота в стране сократилась всего на 2,5%, сохранив за Россией статус второго крупнейшего производителя золота в мире. Прирост запасов золота превысил добычу, достигнув 700 тонн, благодаря успешным геологоразведочным работам и открытию 168 новых месторождений.

Регионы-лидеры:

- Красноярский край удержал первое место с 64 т золота.
- Якутия поднялась на второе место, добыв 50 т золота (+4 т к 2022 году).
- Магаданская область замкнула тройку, произведя 47,9 т золота (-6%) [10].

Австралия также сохраняет стабильную позицию в топ-3, однако ее показатели показывают некоторое снижение с 2018 года. В 2023 году добыча золота составила 293,8 тонн, что ниже пиковых значений 2018 года (313 тонн). Несмотря на это, Австралия остается одним из мировых лидеров, и снижение объема добычи может быть связано с более строгими экологическими и регулируемыми стандартами, а также с необходимостью разработки новых месторождений.

Канада, с добычей около 191 тонн, также сохраняет свою позицию среди ведущих производителей, особенно благодаря разработке новых месторождений и развитию высокотехнологичных методов добычи.

Производство золота в США показало спад на протяжении рассматриваемого периода, начиная с 2010 года. В 2023 году добыча составила 166,7 тонн, что значительно ниже уровня 2010 года (231,3 тонн). Этот спад может быть обусловлен истощением крупных месторождений, а также снижением инвестиций в золотодобычу. Также стоит отметить, что в последние годы США активно работают над развитием альтернативных источников золота, таких как переработка старых золотых объектов и вторичное извлечение золота (таблица 1).

Таблица 1 – Производство золота в мире и по годам для ведущих стран мира [16]

Страна	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021	2022	2023
Китай	351,1	413,3	462,0	463,7	404,1	368,3	332,0	375,0	378,2
Россия	203,1	233,4	252,7	262,4	295,4	331,1	330,9	324,7	321,8
Австралия	256,7	250,4	274,0	287,7	313,0	327,8	315,1	313,9	293,8
США	231,3	234,6	210,0	229,1	224,9	190,2	186,8	172,7	166,7
Канада	102,1	106,4	151,2	163,1	188,9	170,6	192,9	194,5	191,9
Гана	94,3	106,0	106,3	131,4	149,1	138,7	129,2	127,0	135,1
Бразилия	71,5	80,2	90,4	95,9	96,7	107,0	90,1	86,7	90,7
Мексика	78,7	107,5	113,3	130,7	118,4	101,6	124,5	124,0	126,6
Узбекистан	69,0	77,0	79,5	90,0	92,0	101,6	104,9	110,8	119,6
Индонезия	132,3	82,6	93,5	118,4	153,0	100,9	117,5	124,9	132,5
Всего в мире	2830,9	3002,9	3271,1	3512,3	3652,8	3478,1	3580,7	3627,7	3644,4

По состоянию на первую половину 2023 года компания Newmont из Колорадо, США, добыла 2,5 миллиона унций золота, что сделало ее ведущей в мире золотодобывающей компанией по объему добычи. Barrick Gold, канадская золотодобывающая компания, была вторым по величине золотодобывчиком в мире в этот период времени, объем добычи составил 1,99 миллиона метрических тонн. Из 10 ведущих золотодобывающих компаний в мире по состоянию на 2023 год три имели штаб-квартиры в Канаде, а еще три – в Южной Африке (табл.2).

Таблица 2 – Крупнейшие золотодобывающие компании мира в 2023 году, добыча, т [16]

Компания	Штаб-квартира	Страна	2022	2023
Newmont	Денвер	США	185,4	172,6
Barrick Gold	Торонто	Канада	128,8	126,1
Agnico Eagle Mines	Торонто	Канада	96,4	105,7
ПАО «Полюс»	Москва	Россия	79,0	90,3
Навоийский ГМК	Навои	Узбекистан	88,0	90,0
Anglogold Ashanti	Денвер	США	83,1	80,6
Gold Fields	Йоханнесбург	ЮАР	74,6	68,7
Kinross Gold	Торонто	Канада	58,0	~64

Компания	Штаб-квартира	Страна	2022	2023
Freeport McMoRan	Финикс, Аризона	США	56,3	62,0
Zijin Mining Group	Лунъянь	Китай	~47,8	57,3

Оборот золота на рынках

Большая часть золота, добытого в 2023 году, была использована в производстве ювелирных изделий, в то время как другая значительная часть была продана в качестве средства сбережения, например, в золотых слитках или монетах (рисунок 2).

Рисунок 2 – Мировое потребление золота в 2023 году (%) [9]

В 2023 году объем мирового рынка золота достиг 276,04 млрд долларов США, и продолжает демонстрировать устойчивый рост.

Рынок золота разделен на два взаимосвязанных сегмента: рынок физического золота и рынок бумажного золота (табл.3).

Таблица 3 – Ключевые различия и пересечения между рынками физического золота и бумажного золота [24]

Категория	Рынок физического золота	Рынок бумажного золота
Типы товаров	Золотые слитки, монеты, медальоны, ювелирные изделия	Фьючерсы, опционы, золотые ордера, кредитные контракты
Участники рынка	Дилеры слитков, брокеры, банки слитков, производители золота, центральные банки	Трейдера, хедж-фонды, центральные банки, производители золота
Предложение	Физическое золото от аффинажных заводов, центральных банков, горнодобывающих компаний	Требования на физическое золото, фьючерсы, опционы
Спрос	Инвесторы, производители ювелирных изделий, центробанки	Спекулянты, хеджеры, инвесторы в золото
Методы торговли	Спотовая и форвардная торговля	Фьючерсные контракты, опционы, золотые свопы

Категория	Рынок физического золота	Рынок бумажного золота
Цены	Спотовые и форвардные цены	Определяются фьючерсными контрактами и опционами
Хеджирование	Форвардные контракты и кредиты на золото	Фьючерсы, опционы, золотые свопы
Риски	Высокие затраты на хранение и безопасность	Риски изменений цен на золото, контракты с кредитным плечом
Особенности	Отсутствие процентов на золото, обязательства по поставке	Спекуляции на ценах, возможность хеджирования через бумаги
Пример использования	Хранение золота, покупка для физической передачи	Спекуляции, хеджирование, краткосрочные инвестиции

В 2023 году общий спрос на золото достиг исторического максимума в 4899 тонн благодаря значительным внебиржевым и складским потокам (450 тонн), несмотря на снижение годового спроса на 5% до 4448 тонн. Центральные банки продолжили активные покупки, почти повторив рекорд 2022 года с 1037 т.

Таблица 4 – Поставки и спрос на золото [20]

Показатель	2022 год	2023 год	Δ (%)	4-й квартал 2022	4-й квартал 2023	Δ (%)
Поставки						
Добыча золота (тонн)	3,624.8	3,644.4	+1%	946.7	930.8	-2%
Хеджирование производителей	-13.1	17.0	—	-13.6	-22.3	—
Переработанное золото (тонн)	1,140.1	1,237.3	+9%	290.7	312.9	+8%
Общие поставки золота	4,751.9	4,898.8	+3%	1,223.8	1,221.4	0%
Спрос						
Производство ювелирных изделий	2,195.4	2,168.0	-1%	601.9	581.5	-3%
Потребление ювелирных изделий	2,088.9	2,092.6	0%	627.9	621.6	-1%
Запасы ювелирных изделий	106.5	75.4	-29%	-26.1	-40.0	—
Технологии	308.7	297.8	-4%	72.1	80.6	+12%
Электроника	252.0	241.3	-4%	57.9	65.9	+14%
Прочая промышленность	46.5	47.1	+1%	11.7	12.3	+5%
Стоматология	10.3	9.5	-8%	2.4	2.4	-3%
Инвестиции	1,113.0	945.1	-15%	247.4	258.3	+4%
Общее потребление слитков и монет	1,222.6	1,189.5	-3%	336.6	313.8	-7%
Слитки	802.7	775.9	-3%	222.2	221.1	0%
Официальные монеты	320.9	297.1	-7%	85.5	60.3	-30%

Показатель	2022 год	2023 год	Δ (%)	4-й квартал 2022	4-й квартал 2023	Δ (%)
Медали/имитационные монеты	98.9	116.5	+18%	28.9	32.4	+12%
Золотые ETF и аналогичные продукты	-109.5	-244.4	—	-89.2	-55.6	—
Центральные банки и другие учреждения	1,081.9	1,037.4	-4%	382.1	229.4	-40%
Общий спрос на золото	4,699.0	4,448.4	-5%	1,303.4	1,149.8	-12%
ОТС и другие	52.8	450.4	+753%	-79.7	71.5	—
Общий объем спроса	4,751.9	4,898.8	+3%	1,223.8	1,221.4	0%
Цена золота (US\$/унция)	1,800.09	1,940.54	+8%	1,725.9	1,971.5	+14%

Общие поставки золота в 2023 году составили 4,898.8 тонн, что на 3% больше по сравнению с 2022 годом. Добыча золота выросла на 1%, переработанное золото увеличилось на 9%. Однако хеджирование производителей золота показало положительный результат, что компенсировало небольшие колебания.

Особенно примечательную роль в общем объеме закупок в 2023 году сыграл Народный банк Китая, ставший крупнейшим единоличным покупателем золота за год. Согласно официальным данным, золотовалютные резервы страны были пополнены на 225 тонн, что стало максимальным объемом ежегодных закупок с момента начала ведения современной статистики в 1977 году. Учитывая традиционно высокую степень закрытости китайской финансовой системы и осторожный подход к раскрытию информации, можно предположить, что реальные объемы закупок могут быть ещё выше.

Динамика цен на золото и закупки золота

Динамика цен на золото приведена на рис.3.

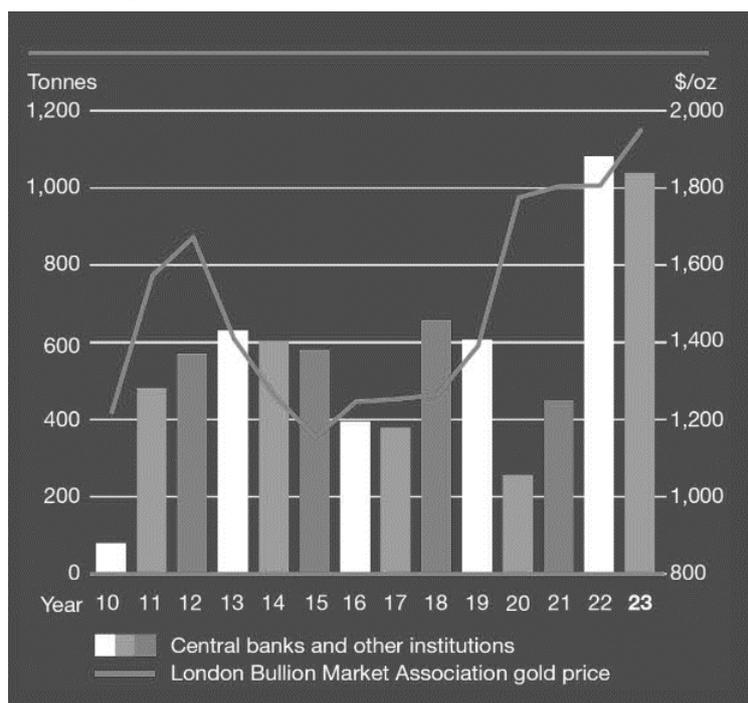

Рисунок 3 – Чистые покупки официального сектора и цены на золото [21]

Динамика последних лет ясно показывает: покупки золота осуществляются независимо от колебаний его рыночной цены. Ключевыми мотивациями становятся не спекулятивные соображения, а факторы макроэкономической устойчивости, управления рисками и, всё чаще, – геополитической безопасности. Особенно активны в этом процессе центральные банки развивающихся стран, стремящихся к дедолларизации своих резервов и снижению зависимости от валют, подверженных внешнеполитическому влиянию.

После событий 2022 года, связанных с заморозкой валютных резервов России, роль золота как «суверенного актива», не подверженного санкционному или контрагентскому риску, приобрела особую актуальность. С тех пор покупки золота приобрели выраженный политико-экономический характер, особенно в странах с историческим недоверием к доминирующим валютам.

Интересно отметить, что к этому тренду стали присоединяться и центральные банки развитых стран. Примером служит Польша, объявившая о планах увеличить долю золота в своих резервах с 13% до 20%, что сопровождалось активными закупками: 130 тонн в 2023 году и ещё 61 тонна в 2024 году. Подобная политика подтверждает возросшую стратегическую значимость золота даже в странах, традиционно ориентированных на долларовую систему [22].

Одним из наиболее недооценённых, но структурно значимых изменений для глобального рынка золота стало вступление в силу новых банковских нормативов, разработанных в рамках соглашения Basel III. Эти правила, направленные на укрепление устойчивости международной банковской системы, внесли фундаментальные коррективы в статус золота как финансового актива. В частности, золото, хранящееся в физической форме и не обременённое контрагентским риском, было официально признано активом первого уровня (Tier 1) – наравне с наличностью и государственными облигациями высшей категории.

Ранее золото в балансовой отчётности банков оценивалось с дисконтом, что снижало его привлекательность как резервного актива. С переходом к статусу Tier 1 этот дисконт устранён: золото теперь может учитываться по полной рыночной стоимости, что существенно повышает его регуляторную эффективность в структуре капитала банков. В условиях растущей волатильности и ухудшения качества традиционных активов это делает золото особенно ценным элементом в стратегии управления рисками.

Кроме того, Basel III косвенно влияет на деривативные рынки золота, в частности – на возможности банков проводить масштабные краткосрочные спекуляции через необеспеченные позиции. Повышенные требования к ликвидности и капиталу, в сочетании с ужесточением норм клиринга, создают экономически невыгодные условия для прежней модели «бумажного» давления на цены. В результате сокращается открытый интерес на фьючерсных рынках и наблюдается переход от синтетических контрактов к физическим поставкам, что усиливает рыночную дисциплину и снижает волатильность.

Феномен цифрового золота

На фоне стремительного развития финансовых технологий и растущего интереса к альтернативным инвестиционным формам, особую актуальность приобретает феномен цифрового золота – формата владения драгоценным металлом, реализованного через цифровые платформы, токены и биржевые продукты. Данный сегмент стал логическим продолжением процессов цифровизации, охвативших мировой финансовый сектор, и сегодня воспринимается как эффективный мост между традиционной ценностью физического золота и удобством современных электронных инвестиций.

Цифровое золото представляет собой актив, обеспеченный физическим золотом, но находящийся в обращении в виде токенов на блокчейн-платформах, электронных долей в депозитарных счетах или долей в фондах (например, ETF), торгуемых через цифровые интерфейсы. В отличие от криптовалют, цифровое золото обладает внутренней стоимостью, основанной на обеспечении реальными золотыми резервами, что делает его особенно привлекательным в условиях высокой рыночной волатильности

и потери доверия к фиатным валютам.

Одним из главных преимуществ цифрового золота является ликвидность и доступность. Благодаря технологиям блокчейн и финтех-платформам, инвестор получает возможность приобретать или продавать золото в режиме реального времени, с минимальными транзакционными издержками и без необходимости физического хранения металла.

Одним из ключевых факторов, определяющих привлекательность цифрового золота как инвестиционного инструмента, является использование блокчейн-технологий – в частности, токенов стандарта ERC-20 на базе Ethereum.

Во-первых, эффективность достигается за счёт устранения промежуточных звеньев в традиционных инвестиционных цепочках. Там, где классическое инвестирование в золото требует участия банков, брокеров, хранителей, страховых компаний и других посредников, цифровой формат позволяет совершать сделки напрямую – peer-to-peer – с минимальными транзакционными издержками. Передача токенов, обеспеченных физическим золотом, осуществляется мгновенно, без задержек, характерных для банковских переводов или клиринговых расчётов [19].

Во-вторых, безопасность становится не просто заявленной, а технологически гарантированной [11; 15]. Смарт-контракты на блокчейне фиксируют каждую транзакцию в децентрализованной базе данных, которую невозможно подделать или изменить задним числом, что исключает риск двойного расходования токенов и защищает инвестора от мошеннических схем, характерных для нерегулируемых финансовых платформ [17; 18; 23].

Кроме того, за последние годы на рынке появилось множество инновационных проектов и платформ, предложивших новые стандарты хранения, учёта и обращения золотых активов в цифровом формате. (Пока ярко выраженных скандалов на рынке с этими платформами не было.) [5].

Золотообеспеченные криптовалюты

Одним из ярких примеров такого подхода стал Digital Gold Project, разработанный на базе блокчейна Ethereum. Платформа предлагает инвесторам токены, обеспеченные физическим золотом, хранящимся в сертифицированных хранилищах с максимальной степенью защиты. Все активы проходят регулярные независимые аудиты, подтверждающие их объём и подлинность. Благодаря использованию технологий холодного хранения и мультиподписи, проект обеспечивает высокий уровень кибербезопасности и устойчивости к внешним атакам, что особенно важно в условиях глобальной цифровой трансформации финансовых рынков.

Отдельного внимания заслуживает ликвидность цифровых золотых токенов. В отличие от физического золота, которое требует времени и затрат на транспортировку, проверку и продажу, токены могут свободно торговаться на криптовалютных биржах и маркетплейсах. Всё больше таких токенов появляется в листингах ведущих платформ, включая Binance, KuCoin, Uniswap и другие, что позволяет инвесторам легко обменивать их на фиатные валюты, стейблкоины или иные цифровые активы.

Благодаря интеграции с децентрализованными платформами (DeFi), цифровое золото также становится частью нового инвестиционного ландшафта, где токены можно использовать в качестве залога, участвовать в ликвидностных пулах или даже выпускать производные финансовые инструменты.

Для систематизации основных характеристик и оценки инвестиционного потенциала цифрового золота, в таблице 5 представлены основные элементы данного инструмента.

Таблица 5 – Особенности инвестиционного потенциала цифрового золота

Элемент	Описание
Определение	Цифровое золото – это токенизированная форма золота, обеспеченная физическим металлом и доступная через онлайн-платформы.

Элемент	Описание
Доступность	Высокая: цифровое золото можно приобрести через интернет в несколько кликов, без необходимости физического хранения.
Ликвидность	Очень высокая: позволяет мгновенные покупки и продажи на цифровых биржах с минимальными комиссиями.
Защита от инфляции	Сохраняет ценность в условиях экономической нестабильности и роста инфляции, как и физическое золото.
Риски	Волатильность цен, угрозы кибербезопасности, изменчивость регулирования.
Способы инвестирования	Через криптоплатформы, токены, ETF, DeFi-платформы и банковские цифровые продукты.
Платформы	BitGold, BullionVault, Tether Gold (XAUT), Paxos Gold (PAXG) и другие.
Будущее потенциал	Ожидается рост спроса, развитие глобальных маркетплейсов и повышение институционального интереса.
Сравнение с физическим золотом	Физическое золото — осязаемо, но менее ликвидно. Цифровое золото — гибко, доступно, но зависит от технологий.

Золотообеспеченные токены (например, Tether Gold (XAUT), PAX Gold (PAXG), DigixGlobal (DGX), Perth Mint Gold Token (PMGT) и другие) предоставляют возможность инвестировать в золото без необходимости физического владения, транспортировки или хранения. Владельцы таких токенов получают долевое право на золотые слитки или монеты, находящиеся под контролем надёжных кастодиальных организаций. Многие проекты проходят регулярные независимые аудиты, предоставляют прозрачную отчётность, а некоторые даже транслируют видео из хранилищ в реальном времени (табл.6).

Жизнь покажет насколько это все реально и надёжно [3; 13].

Таблица 6 – Сравнительная характеристика золотообеспеченных криптовалют

Токен	Эмитент	Обеспечение	Аудит резервов	Ключевые особенности
Tether Gold (XAUT)	Tether Ltd.	1 XAUT = 1 тройская унция золота в хранилище в Швейцарии	Внутренний аудит, отчётности ограничены	Высокая ликвидность, регулируемый эмитент
PAX Gold (PAXG)	Paxos Trust Company	1 PAXG = 1 тройская унция золота LBMA в сертифицированных хранилищах	Ежемесячный аудит от независимых фирм	Регулируется NYDFS, отсутствие комиссий за хранение
DigixGlobal (DGX)	DigixGlobal	1 DGX = 1 грамм золота в хранилищах в Сингапуре и Канаде	Квартальные аудиты от сторонних компаний	Публичная прозрачность, но устаревшая инфраструктура
Perth Mint Gold Token (PMGT)	Perth Mint / Gold Corporation	Подкреплён сертификатами GoldPass от Perth Mint	Открытая отчётность от государственной Perth Mint	Поддержка государства, простота выкупа

Токен	Эмитент	Обеспечение	Аудит резервов	Ключевые особенности
AurusGOLD (AWG)	Aurus	1 AWG = 1 грамм золота от LBMA-аккредитованных поставщиков	Ограниченная публичная информация	Микроинвестиции, LBMA-качество золота
Kinesis Gold (KAU)	K i n e s i s Money	1 KAU = 1 грамм золота в сертифицированных хранилищах	Резервы подтверждаются, но детали аудитора не раскрываются	Возможность получать доход, быстрые транзакции

Среди преимуществ таких активов – высокая ликвидность на криптовалютных биржах, фракционная доступность (возможность покупки долей грамма золота), быстрые транзакции без посредников и защита от инфляции, благодаря прямой привязке к стоимости золота.

Однако, несмотря на очевидные плюсы, важно учитывать и риски:

- зависимость от добросовестности эмитентов и кастодианов;
- различие в степени прозрачности резервов и процедуры аудита между проектами;
- низкая ликвидность некоторых токенов на вторичном рынке;
- ограниченная географическая доступность для розничных инвесторов (например, некоторые токены доступны только в Австралии, США или Сингапуре);
- регуляторная неопределённость, связанная с классификацией таких активов как финансовых инструментов или товаров.

В условиях цифровой трансформации финансов рынок золотообеспеченных токенов продолжает расти и эволюционировать. Всё больше институциональных и розничных инвесторов рассматривают такие активы как альтернативу физическому золоту и как инструмент диверсификации портфеля в рамках децентрализованных экосистем.

Примером институционального интереса к цифровому золоту служит проект UBS key4 gold, предлагающий швейцарским клиентам возможность дробных инвестиций в золото на базе разрешённого блокчейна UBS Gold Network. В 2025 году банк провёл пилотное тестирование на платформе ZKsync (Ethereum Layer 2) с целью оценки масштабируемости, конфиденциальности и совместимости цифровых активов в трансграничной среде. По словам представителей UBS, технология Zero-Knowledge (ZK) обладает потенциалом преодолеть ключевые инфраструктурные барьеры, что открывает путь к международному распространению цифровых золотых продуктов [25].

Золотодобыча в России

В условиях ограниченного доступа к западным финансовым рынкам и инструментам резервирования, Банк России и ряд крупных финансовых институтов активизировали политику диверсификации международных резервов, сделав ставку на физическое золото как на устойчивый, ликвидный и независимый актив. Доля золота в золотовалютных резервах страны к 2024 году превысила 25%, что отражает целенаправленный отход от доллара и евро в пользу «немонетарных» форм сбережений, обладающих высокой автономностью.

Такой уровень концентрации драгметалла в структуре ЗВР является максимальным с 1999 года и отражает стратегический выбор в пользу активов, слабо подверженных внешнему контролю и валютным рискам. В условиях западных санкций и невозможности полноценного управления замороженной частью резервов золото и китайский юань стали ключевыми опорами российской «финансовой подушки».

Золото остаётся единственным ликвидным активом в составе ЗВР, не подверженным блокировке

или изъятию, и используется как долгосрочный защитный инструмент. По мнению экспертов, металл выполняет роль хеджирования инфляционных рисков, минимизации дефолтных угроз и диверсификации геополитических рисков. При этом нынешние уровни цен позволяют государству гибко распоряжаться частью золотых запасов, не нарушая финансовую устойчивость страны.

Начиная с 2022 года, золотодобывающая отрасль России стала одной из самых закрытых: официальные данные о производстве золота больше не публикуются ни Минфином России, ни Союзом золотопромышленников, а Федеральная таможенная служба прекратила раскрытие экспортной статистики [12]. В этих условиях эксперты и аналитики вынуждены опираться на фрагментарные сведения, оценки Росстата (в виде процентной динамики) и международных организаций, таких как Всемирный совет по золоту. Согласно оценкам, в 2023 году производство золота в РФ составило порядка 360–365 тонн, что примерно соответствует уровню 2021 года.

В табл. 7 приведено влияние санкций на золотодобычу в России.

Таблица 7 – Влияние санкций на золотодобычу в России.

Элемент	Описание
Тип санкций	Запрет на импорт золота российского происхождения (необработанное, обработанное, ювелирные изделия), а также на оказание сопутствующих услуг.
Дата вступления в силу	США – 28 июня 2022, Великобритания – 21 июля 2022, ЕС – 22 июля 2022
Ограничения	Импорт, перемещение, покупка, оказание финансовых, технических, брокерских услуг, связанных с золотом, экспортированным из РФ после вступления санкций.
Страны-инициаторы	США, ЕС, Великобритания и другие страны G7
Исключения из санкций	Ювелирные изделия для личного пользования; золото, вывезенное до даты вступления санкций; культурное сотрудничество.
Методы обхода	Переориентация на рынки ОАЭ, Турции, Китая; переаффинаяж в третьих странах; расчёты в криптовалютах или наличными.
Риски при обходе	Риск включения в санкционные списки, блокировка активов, уголовная ответственность, репутационные потери.
Реакция отрасли	Перестройка логистики, повышение юридической проработки сделок, рост внутреннего потребления.

Из-за потери доступа к западным рынкам, особенно после исключения российских аффилированных предприятий из реестра LBMA Good Delivery и запрета на импорт российского золота со стороны G7 и ЕС, структура сбыта драгоценного металла кардинально изменилась. Традиционные экспортные маршруты через Лондон были заблокированы, и Россия была вынуждена переориентироваться на восточные направления. По информации агентств Reuters и Bloomberg, основными импортёрами российского золота стали ОАЭ, Турция и Китай, на которые, по оценке, пришлось до 100 тонн экспортируемого золота только за период с февраля 2022 по март 2023 года.

Оставшийся объём, как считают аналитики, был поглощён внутренним рынком. Население России в 2023 году приобрело около 95 тонн инвестиционного золота, чему способствовала отмена НДС при продаже слитков. Кроме того, активность демонстрировала ювелирная промышленность, увеличившая потребление до 55,5 тонн. Государственные закупки через Гохран составили ещё почти 18 тонн, в то время как Центробанк в 2023 году новых закупок золота не осуществлял.

Таким образом, примерно половина произведённого золота осталась внутри страны, а оставшаяся часть, скорее всего, была экспортирована через альтернативные маршруты: переаффинаяж на заводах с признанным международным статусом (включая Казахстан и ОАЭ), а также прямые

поставки в страны, не поддерживающие антиросийские санкции¹.

В 2025 году российская золотодобыча продолжает демонстрировать позитивную динамику, несмотря на сложные экономические условия. На фоне растущих цен на золото, которые стимулируют мировой рынок, Россия стабильно занимает второе место в мировом рейтинге по объёмам добычи, постепенно приближаясь к Китаю. В 2023 году Россия, по предварительным данным, оказалась на втором месте после Китая, с темпами роста добычи, которые продолжаются уже более 10 лет. Однако, несмотря на этот успех, отрасль сталкивается с рядом вызовов, которые оказывают влияние на её развитие. Одним из таких факторов является рост себестоимости добычи золота, который в последние годы значительно увеличился, что ограничивает возможность дальнейшего экспансии.

Помимо экономических трудностей, российская золотодобыча сталкивается с дефицитом квалифицированных кадров, что усугубляется активным развитием золотодобычи в соседних странах, таких как Узбекистан, где также активно осваиваются новые месторождения. На фоне дефицита работников многие компании вынуждены конкурировать за ресурсы, что затрудняет процесс запуска новых проектов. Проблема сбыта золота, усилившаяся после внешнеэкономических шоков 2022 года, также остаётся актуальной. Внутренний спрос на золото в России не может покрыть объёмы добычи, что делает экспорт важнейшим источником доходов для золотодобывающих компаний. Однако после введения санкций и изменениях в мировой торговле, рынок сбыта стал более ограниченным.

Несмотря на эти вызовы, отрасль остаётся стабильной и демонстрирует определённую гибкость. Стратегические инвестиции в геологоразведку и новые проекты, а также развитие внутреннего рынка и стимулирование потребления золота, являются ключевыми направлениями для повышения устойчивости отрасли. Учитывая активное развитие золотодобычи в восточных регионах России, таких как Красноярский край и Якутия, есть надежда на дальнейшее расширение добычи в этих областях. Важно отметить, что Россия сохраняет значительный потенциал для увеличения добычи золота и, возможно, в будущем может стать мировым лидером в этой сфере, хотя золотое чемпионство остаётся не самоцелью, а важной частью стратегического развития страны в рамках глобального рынка драгоценных металлов.

Другой важной проблемой является истощение разведанных запасов. Хотя добыча золота в России растёт, из-за низкого уровня финансирования геологоразведки добывающие компании сталкиваются с ускоренным сокращением обеспеченности запасами, что может привести к значительному сокращению сроков эксплуатации существующих месторождений. К тому же, значительная часть золота добывается из старых месторождений, что также ограничивает перспективы роста. В ближайшие десять лет ожидается сокращение доли добычи из золотых месторождений, что может привести к снижению качества добываемого золота.

Кроме того, российская золотодобывающая промышленность сталкивается с дефицитом квалифицированных кадров. Особенно это ощущается в условиях роста числа крупных горнодобывающих проектов, требующих новых специалистов. Конкуренция за кадры внутри отрасли и с другими секторами экономики усиливается, что создаёт дополнительные трудности для удержания и привлечения персонала, особенно среди молодёжи. В условиях жесткой конкуренции за рабочие места, компании будут вынуждены инвестировать в улучшение условий труда и профессиональное развитие, чтобы сохранить ключевых сотрудников.

При этом в 2025 году золото продолжает привлекать внимание инвесторов. Стоимость металла выросла на 29% с начала 2024 года, а в России золото подорожало на 44,9%. Одним из способов инвестировать в золото являются акции золотодобывающих компаний. В России крупнейшими игроками являются компании, такие как «Полюс», «Селигдар», «Южуралзолото» и «Лензолото», которые демонстрируют разную динамику на фондовых рынках.

¹ Неисчислимо богатство: куда девается российское золото в эпоху санкций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/505870-neiscislimeo-bogatstvo-kuda-devaetsa-rossijskoe-zoloto-v-epohu-sankcij>

Акции «Полюса» показали рост на 30%, в основном благодаря увеличению цен на золото и возвращению к выплате дивидендов. В то время как бумаги «Селигдара» подешевели на 35% из-за высокой долговой нагрузки и убытков компании. Эксперты прогнозируют, что в 2025 году цена золота может достичь 3000 долларов за унцию, что поддержит спрос на акции золотодобытчиков, особенно «Полюса», который демонстрирует устойчивый рост.

Для инвесторов интересными остаются акции «Полюса», которые обещают стабильный рост на фоне амбициозных планов по увеличению добычи. Прогнозы для акций «Южуралзолота» и «Лензолота» зависят от успешной реализации новых проектов и выплат дивидендов. В 2025 году выбор акций для инвестиций в золотодобывающую отрасль будет ограничен, и эксперты склоняются к тому, чтобы инвестировать в «Полюс».

Для обеспечения стабильности операций с золотом в условиях экономической турбулентности необходимо активизировать работу по диверсификации внешних рынков сбыта. Важно укрепить сотрудничество с несанкционированными регионами, использовать возможности переработки и вторичного обращения золота в этих странах, а также создать устойчивую логистическую инфраструктуру, чтобы минимизировать риски, связанные с нестабильностью традиционных торговых путей.

Для увеличения внутреннего спроса на золото стоит разработать программы поддержки инвесторов, в том числе налоговые льготы для операций с золотыми слитками, монетами и обезличенными металлическими счетами. Важно активизировать маркетинг и образовательные инициативы, направленные на повышение финансовой грамотности населения, чтобы стимулировать вложения в золото как актив-убежище. Также необходимо совершенствовать законодательные механизмы, обеспечивающие прозрачность операций с золотом, включая меры по противодействию отмыванию денег и незаконным транзакциям.

Заключение

В условиях нарастания неопределённости золото выступает не просто как актив-убежище, но и как системный индикатор глобального инвестиционного настроения, отражающий коллективную реакцию рынков на рост рисков и снижение доверия к традиционным финансовым инструментам. Его цена в такие периоды формируется не только экономической логикой, но и поведенческими аспектами, что усиливает значимость золота как стратегического инструмента долгосрочного сохранения стоимости.

Стоимость золота растёт, во второй половине апреля 2025 г. она впервые в истории превысила 3500 долларов за тройскую унцию. Тенденция, однако: к войне?

Современный рынок золота развивается в двух направлениях: с одной стороны – идёт технологическая трансформация, способствующая росту цифровых форм владения и обращения металлом; с другой – сохраняется и усиливается его роль как физического, независимого и стратегического актива. Для таких стран, как Россия, золото остаётся важнейшим элементом финансового суверенитета и хеджирования внешнеэкономических рисков, а для глобального рынка – универсальным инвестиционным инструментом, способным адаптироваться к меняющимся условиям через инновации и институциональные преобразования.

В сложившихся условиях, с учетом неясных перспектив, как мировых рынков и мировой политики, так и военных аспектов реализации геостратегических интересов основными игроками, необходимо подумать об уточнении политики в отношении золота российских госведомств и компаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев А.И., Глазьев С.Ю., Золотарева О.А., Митяев Д.А., Переслегин С.Б. Построение модели прогноза курса валют на долгосрочном и краткосрочном горизонтах // Экономические стратегии. - 2023. - Т. 25. - № 1 (187). - С. 16-25.
2. Агеев А.И., Григорьев В.В., Логинов Е.Л., Шкута А.А. Специальные операции как инструмент политического и экономического оперирования в мировой экономике: советский опыт и современный период // Вестник Университета мировых цивилизаций. - 2024. - Т. 15. - № 2 (43). - С. 51-60.
3. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Институциональные механизмы снижения мультифакторных рисков для валютно-финансовой системы России и ЕАЭС в условиях нелинейной экономической динамики. – Москва : Институт экономических стратегий, 2017. – 104 с.
4. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Комбинаторика второго Трампа: покушение. Часть I. Геостратегия // Экономические стратегии. – 2024. – Т. 26, № 4(196). – С. 18-25.
5. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Криптовалюты, рынки и институты // Экономические стратегии. - 2018. - Т. 20. - № 1 (151). - С. 94-107.
6. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Мировое сообщество в условиях сверхкритической бифуркации // Управление сложными организационными и техническими системами в условиях сверхкритических ситуаций: Материалы международной научно-практической конференции. – Москва: Институт экономических стратегий, 2022. – С. 9-12.
7. Агеев А.И., Логинов Е.Л. США, Китай, Россия: конфликтные уязвимости в условиях транзита к новой геостратегической парадигме // Экономические стратегии. – 2024. – Т. 26, № 6(198). – С. 16-25.
8. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А., Голублев А.А. Цифровая навигация в матрице реальностей: оперирование бифуркационными траекториями движения ключевых точек будущего на «дереве» ветвящихся событийных цепочек // Экономические стратегии. - 2019. - Т. 21. - № 5 (163). - С. 48-57.
9. Визуализация мировой добычи золота в 2023 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-global-gold-production-in-2023/> (дата обращения: 29.05.2025)
10. Добыча золота в России: итоги 2023 года и перспективы на 2030 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://miningworld.ru/ru/media/news/2024/august/06/zolotodobyvayushchaya-promyshlennost-rossii> (дата обращения: 29.05.2025)
11. Логинов Е.Л. Концептуальные основы построения автоматизированного информационно-технического комплекса осуществления инвестиционных операций // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. 2006. № 1. С. 66-68.
12. Логинов Е.Л. Развитие экономики в России под воздействием санкций. – Москва: «Русайнс», 2024. – 198 с.
13. Логинов Е.Л., Шкута А.А., Логинова В.Е., Сорокин Д.Д. Цикло-когерентные подходы к управлению бифуркационными состояниями агрегированных экономических систем в мировой экономике в условиях нелинейной циклической динамики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 2 (30). С. 314-321.
14. Мировое производство руды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gold.org/goldhub/data/gold-production-by-country> (дата обращения: 29.05.2025)
15. Мищенко В.А. Методы анализа электронных транзакций в глобальных информационных сетях // Инженерная физика. 2005. № 4. С. 72-78.
16. Производство золота в странах мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zolotodb.ru/article/11330/?page=all> (дата обращения: 29.05.2025)
17. Bahtizin A.R., Bortalevich V.Y., Loginov E.L., Soldatov A.I. Using artificial intelligence to optimize intermodal networking of organizational agents within the digital economy // Journal of Physics: Conference Series. 2019. С. 12042.

18. Bugaev A.S., Loginov E.L., Raikov A.N., Saraev V.N. The semantics of network contacts // Scientific and Technical Information Processing. 2009. Т. 36. № 1. С. 68-72.

19. Digital Gold and Blockchain: A Fundamental Transformation in Investment [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com/@mikeljoron/digital-gold-and-blockchain-a-fundamental-transformation-in-investment-2709cd6d26b3> (дата обращения: 29.05.2025)

20. Gold Demand Trends Full Year 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gold.org/goldhub/research/gold-demand-trends/gold-demand-trends-full-year-2023> (дата обращения: 29.05.2025)

21. Gold Market Overview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.barrick.com/English/investors/annual-report/gold-market-overview/default.aspx> (дата обращения: 29.05.2025)

22. Gold 2025 Outlook: More Room to Run [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ssga.com/sg/en/institutional/insights/gold-2025-outlook-more-room-to-run> (дата обращения: 29.05.2025)

23. Loginov E.L., Grigoriev V.V., Shkuta A.A., Bortalevich V.Y., Sorokin D.D.

Intelligent monitoring, modelling and regulation information traffic to specify the trajectories of the behaviour of organizational agents in the context of receipt of difficult-interpreted information // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. С. 012015.

24. The Structure and Operation of the World Gold Market [Электронный ресурс]. <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/1991/120/article-A001-en.xml> (дата обращения: 29.05.2025)

25. UBS trials blockchain for expanding digital gold reach geographically [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ledgerinsights.com/ubs-trials-blockchain-for-expanding-digital-gold-reach-geographically/> (дата обращения: 29.05.2025)

Gold in world markets: known unknowns

Ageev Alexander Ivanovich

Doctor of Sciences in Economics, Professor

MGIMO University, National Research Nuclear University MEPhI, International Research Institute for Advanced Systems, Moscow, Russia

E-mail: Ageev@inesnet.ru

Loginov Evgeny Leonidovich

Doctor of Sciences in Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences

Financial University under the Government of the Russian Federation, Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia

E-mail: Loginovel@mail.ru

Shkuta Alexander Anatolyevich

Doctor of Sciences in Economics, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: saa5333@hotmail.com

Moskvin Alexander Yuryevich

Student

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: A.moskvin2003@gmail.com

KEYWORDS.

gold, digital gold, world economy, markets, investments, strategies

ABSTRACT.

Gold is a recognized marker of global economic development in conditions with a large uncertainty component. Global gold markets demonstrate both a completely understandable situation that has developed over the past decades and qualitatively new processes. To analyze the development processes of global gold markets, a systemic-structural approach is used, which is a tool for logically «assembling» cause-and-effect chains in the considered area of economic and political relations. Against the backdrop of the rapid development of financial technologies and growing interest in alternative investment forms, the phenomenon of digital gold - a format for owning precious metals implemented through digital platforms, tokens and exchange products - is becoming especially relevant. This segment has become a logical continuation of the digitalization processes that have engulfed the global financial sector, and today is perceived as an effective bridge between the traditional value of physical gold and the convenience of modern electronic investments. These processes make us think about the need to make changes to the way Russian government agencies and companies work with gold.

Цифровое ядро бизнес-модели предприятия, ориентированного на смарт-технологии

Аблитаров Эрнест Рефатович

Магистрант

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: 2ablitaroff@mail.ru

Кирильчук Светлана Петровна

Доктор экономических наук, профессор,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: skir12@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

цифровое ядро, бизнес-модель, смарт-предприятие, цифровая трансформация, цифровые технологии, конкурентное преимущество, управление изменениями, операционная эффективность

АННОТАЦИЯ.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новых научных подходов к дефиниции сущности и структуры цифрового ядра бизнес-модели современного предприятия, ориентированного на смарт-технологии, выделения его ключевых компонентов и функций. Целью исследования является раскрытие дефиниции цифрового ядра предприятия, ориентированного на смарт-технологии, его экономической сущности и структуры. Для достижения цели поставлен ряд соответствующих задач: провести дефиницию понятия «цифровое ядро»; выявить роль цифрового ядра в структуре бизнес-модели смарт-предприятия; выделить ключевые компоненты цифрового ядра и обосновать их функциональную значимость; исследовать место передовых цифровых технологий в архитектуре цифрового ядра; проанализировать интеграцию цифрового ядра с бизнес-процессами предприятия; выявить основные проблемы цифровой трансформации при формировании цифрового ядра, а также предложить стратегии преодоления выявленных проблем внедрения. Исследование базируется на системном и структурном подходах, методах анализа и синтеза, использовании общенаучных методов сравнения и обобщения. В статье раскрыта сущность и структура цифрового ядра бизнес-модели предприятия, ориентированного на смарт-технологии, как интегрированной платформы, объединяющей облачные ресурсы, данные, аналитические контуры и средства информационной безопасности. Рассмотрены научные подходы к его дефиниции, выделены ключевые компоненты и функции, а также показана их роль в повышении эффективности функциональных областей предприятия. Определено, что для развертывания цифрового ядра необходимо институционализировать управление изменениями и развитие компетенций, утвердив регламент бюджетирования и критерии отбора технологических решений. В ходе исследования выявлены ключевые барьеры цифровой трансформации (финансово-экономические, организационно-технические, культурные и технологические) и предложены стратегические меры по их преодолению, включая поэтапное внедрение, фокус на развитии персонала и формирование команды лидеров изменений.

JEL codes: L86, M15, O33

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-8-154-168>

Для цитирования: Кирильчук С. П. Цифровое ядро бизнес-модели предприятия, ориентированного на смарт-технологии / С. П. Кирильчук, Э. Р. Аблитаров. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.154-168. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Цифровая экономика характеризуется стремительным ростом инвестиций в нематериальные ресурсы – интеллектуальную собственность, программное обеспечение и данные, что смещает

центр создаваемой добавленной стоимости в сферу информационных активов. В результате предприятия, стремящиеся к «умной» модели функционирования, вынуждены трансформировать бизнес-процессы с уклоном на интеграцию цифровых технологий по всей цепочке создания ценности. Центральным элементом такой трансформации является цифровое ядро – технологическая способность, объединяющая облачную инфраструктуру, данные, аналитику и средства безопасности для адаптивного управления и реинжиниринга производственных процессов. Несмотря на широкое распространение концепции, активное освещение новой парадигмы теоретической экономики в условиях цифровой трансформации [1], в научной и практической литературе сохраняется недостаток методологий, связывающих архитектуру корпоративной цифровой платформы с механизмами устойчивого роста и конкурентоспособности.

Теоретические аспекты формирования цифрового ядра бизнес-модели предприятия, ориентированного на смарт-технологии, были рассмотрены в трудах отечественных экономистов: Т.А. Гилева, Р.Р. Хуссамова, М.А. Ноговицын, А. Огорокова, И. Тесленко и других, а также в научных работах авторов исследования С.П. Кирильчук и Э.Р. Аблитарова.

Информационной базой исследования явились: аналитические отчеты международных консалтинговых компаний (Accenture, Deloitte), материалы научно-практических конференций и профильных журналов, учебно-методическая литература по корпоративным информационным системам, а также информация сети Интернет.

Целью исследования является раскрытие экономической сущности и структуры цифрового ядра предприятия, ориентированного на смарт-технологии. Для достижения цели поставлен ряд соответствующих задач: провести дефиницию понятия «цифровое ядро»; выявить роль цифрового ядра в структуре бизнес-модели смарт-предприятия; выделить ключевые компоненты цифрового ядра и обосновать их функциональную значимость; исследовать место передовых цифровых технологий в архитектуре цифрового ядра; проанализировать интеграцию цифрового ядра с бизнес-процессами предприятия; выявить основные проблемы цифровой трансформации при формировании цифрового ядра, а также предложить стратегии преодоления выявленных проблем внедрения.

Материалы и методы

Материалами для настоящего исследования послужили:

1. Фундаментальные и прикладные научные труды ведущих отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблемам цифровой трансформации бизнеса, формированию цифровой архитектуры предприятия и управлению технологическими изменениями.
2. Аналитические отчеты и обзоры международных консалтинговых компаний (Accenture, Deloitte), отражающие глобальные тренды, лучшие практики и эмпирические данные о взаимосвязи цифровой зрелости и финансовых результатов компаний.
3. Публикации в рецензируемых научных журналах и сборниках материалов международных научно-практических конференций по соответствующей проблематике.
4. Открытые данные и материалы профильных интернет-ресурсов, содержащие информацию о технологических платформах (SAP S/4HANA) и кейсах внедрения.

Методологическая основа исследования базируется на комплексе общенаучных и специальных методов познания:

Системный подход был применен для исследования цифрового ядра как сложного, многоуровневого комплекса, взаимодействующего со всеми элементами бизнес-модели предприятия (ценностным предложением, процессами, ресурсами) и внешней средой.

Структурный анализ использовался для декомпозиции цифрового ядра на ключевые компоненты (транзакционные модули, аналитический контур, интеграционный слой, облачная инфраструктура) и изучения взаимосвязей между ними.

Сравнительный анализ был задействован для обобщения и критической оценки различных научных и практических дефиниций категории «цифровое ядро», что позволило выявить общие

признаки и специфические особенности его трактовок.

Метод обобщения использовался для синтеза полученных данных, формулирования авторского определения цифрового ядра, классификации барьеров его внедрения и разработки универсальных рекомендаций для предприятий.

Графический метод (таблицы, схемы) был применен для наглядного представления структуры цифрового ядра, роли цифровых технологий и мультипликативного эффекта от его внедрения, что обеспечивает лучшее визуальное восприятие сложных взаимосвязей.

Использование указанного комплекса методов позволило обеспечить комплексность, достоверность и обоснованность проведенного исследования и полученных выводов.

Результаты исследования

В сущностном осмыслении термин «цифровое ядро» не имеет единого, универсально признанного определения; его содержание изменяется в зависимости от целевых установок (архитектурная, процессная, продуктовая логика), отраслевого контекста и зрелости цифровой трансформации. Так, на уровне предприятия термин «цифровое ядро» понимается как связующая платформа классов ERP/SCM/CRM/HRM/PLM/MES с аналитическими и интеграционными контурами, обеспечивающая сквозную управляемость данными и бизнес-процессами в реальном времени. В отраслевых экосистемах оно выступает как центр конвергенции облачных сервисов, данных, ИИ и приложений, формируя основу для непрерывных инноваций и ускоренной адаптации бизнес-моделей. В публичном секторе и на макроуровне – как технологический каркас цифровой экономики, поддерживающий масштабирование передовых рабочих нагрузок (IoT, продвинутая аналитика) и межведомственную (межфирменную) интероперабельность. Разнообразие трактовок предопределяет необходимость уточнения понятийных границ и операционализации термина для конкретных условий хозяйственной деятельности (табл.1).

Как следует из таблицы 1, прослеживается консенсус по четырем признакам: интеграция, многоуровневая платформенная архитектура, сквозная связанность данных и процессов, управление в реальном времени. Различия касаются: масштаба охвата (на уровне предприятия и на отраслевом уровне); роли в архитектуре (ERP-центричная платформа, многослойный интеграционный контур, центр данных и аналитики); преобладающей технологической логики (облако и API-шины; ИИ/IoT; архитектура данных); а также глубины охвата цепочки ценности (внутренняя интеграция и сквозная интеграция с партнерами и клиентами). Обобщая вышеуказанные определения, цифровое ядро можно определить как единый цифровой комплекс (платформу) предприятия, связывающий воедино данные, приложения и бизнес-процессы для достижения стратегических целей в цифровой среде.

Что касается предприятия, ориентированного на смарт-технологии, под ним понимается организация, внедрившая принципы «смарт-деятельности» во все аспекты своего бизнеса – от производства до управления. Смарт-предприятие характеризуется высоким уровнем автоматизации, внедрением интеллектуальных систем, способностью к самонастройке и активному использованию сквозных технологий (IoT, ИИ, Big Data и др.) для повышения эффективности и создания новых ценностных предложений. В бизнес-модели такого предприятия цифровое ядро играет центральную роль, выступая платформенной основой, на которой строятся цифровые продукты, сервисы и экосистемы.

Таблица 1 – Дефиниция категории «цифровое ядро»

Источник	Определение
С.П. Кирильчук, Э.Р. Аблитаров	– это «единая корпоративная платформа, синхронизирующая данные, бизнес-процессы и аналитику, выступающая мощным катализатором экспоненциального роста капитализации, превращая дискретные

Источник	Определение
	информационные потоки в предсказуемые результаты деятельности фирмы» [2, с. 276].
Т.А. Гилева, Р.Р. Хуссамов	– это «цифровое представление предприятия, которое объединяет через облако все информационные системы, приложения, сервисы и данные и интегрирует технологические и организационные аспекты по всей цепочке создания ценности – от поставщиков до клиентов» [3, с. 1006].
М.А. Ноговицын	– это «центр, который генерирует и масштабирует технологии на всю отрасль; к таким технологиям относят промышленный интернет, большие данные и искусственный интеллект» [4, с. 245].
А. Огороков	– это «создание цифрового следа каждого процесса»; «каждый процесс оставляет данные, на основе которых формируется озеро данных и методика их обработки»; такое ядро обеспечивает визуализацию и анализ данных для принятия решений [5].
И. Тесленко	– это «общий центр, объединяющий все направления технологического развития компании, и является главным элементом успешных общеорганизационных преобразований» [6].
Международная консалтинговая компания «Accenture»	– это «критически важный технологический комплекс, необходимый для цифрового переосмысления бизнеса» [7].
Компания-поставщик ПО для организаций «SAP»	– это «новейшие корпоративные системы (например, SAP S/4HANA), служащие цифровым сердцем «интеллектуального предприятия» [8].

Источник: составлено авторами

Бизнес-модель предприятия, ориентированного на смарт-технологии, строится вокруг использования данных и технологий для предоставления ценности клиентам принципиально новым образом. Цифровое ядро в этой модели служит центром обеспечения непрерывного потока данных и интеграции процессов, что позволяет переосмыслить традиционные схемы создания, доставки и присвоения ценности (табл.2).

В общем виде из табл.2 следует, что цифровое ядро выполняет сразу несколько взаимодополняющих функций – инфраструктурную, управленческую, рыночную и экосистемную. Его многоуровневая архитектура обеспечивает сквозную связанность данных и процессов, что позволяет предприятиям оперативно реагировать на изменения среды и принимать решения на основе анализа в реальном времени.

Таблица 2 – Роль цифрового ядра в бизнес-модели предприятия, ориентированного на смарт-технологии

Аспект	Содержание
Назначение и архитектура	Центр данных и интеграции; непрерывный поток данных; работа в реальном времени; многоуровневая платформа; масштабируемость; безопасность и управление доступом.
Гибкость и управление	Быстрая адаптация товаров и услуг; принятие решений по данным; цифровой след процессов; мониторинг KPI в реальном времени; экспериментирование (А/В, гипотезы); сквозная оркестровка бизнес-процессов.

Аспект	Содержание
Монетизация и ценностное предложение	Новые источники дохода: цифровые сервисы, персонализация, дата-сервис; динамическое ценообразование; переосмысление создания-доставки-присвоения ценности.
Экосистемы и сетевые эффекты	Связь с клиентами, поставщиками, партнерами; платформы, маркетплейсы; межорганизационная интеграция; сетевые эффекты (рост участников и данных, рост ценности); расширение цепочки ценности.

Источник: составлено авторами

Гибкость и ориентация на данные создают условия для быстрого запуска новых продуктов и услуг, а механизмы монетизации открывают дополнительные потоки доходов и повышают уровень персонализации предложений. Экосистемный подход, предусматривающий тесную интеграцию с клиентами, поставщиками и партнерами, усиливает сетевые эффекты и расширяет цепочку создания ценности, что в совокупности формирует фундамент для трансформации бизнес-модели и устойчивого конкурентного преимущества.

На практике это означает, что с точки зрения структуры издержек и доходов цифровое ядро способствует оптимизации затрат (за счет автоматизации и сквозной оптимизации процессов) и росту выручки (за счет ускорения инноваций и повышения удовлетворенности клиентов). По данным исследований консалтинговой фирмы «Deloitte», компании с высокой цифровой зрелостью – то есть фактически выстроившие мощное цифровое ядро – в три раза чаще демонстрируют рост выручки и прибыли выше среднего по отрасли, чем компании с низкой цифровой зрелостью [9]. Иными словами, цифровое ядро становится доминирующим источником конкурентных преимуществ организации. Консалтинговая фирма «Accenture» прямо указывает, что цифровое ядро представляет собой «первичный источник конкурентного преимущества» компании [10], во многом определяя успех ее бизнес-модели в цифровой экономике.

Логика взаимодействия функциональных областей и каналов монетизации данных в цифровом ядре представлена на рис.1.

Рисунок 1 – Структура цифрового ядра предприятия

Источник: составлено авторами на основе [11, с. 5; 12, с. 6]

Транзакционные модули (ERP, SCM, CRM, HRM, PLM/MES) объединены интеграционным слоем в единую платформу, на которой «надстроены» аналитические компоненты (хранилище

данных, BI, модели AI/ML). Внешние пользовательские каналы (веб, мобильные приложения, IoT-устройства) через интеграционный слой связаны с ядром, обеспечивая двунаправленный поток информации. Под всем комплексом лежит облачная инфраструктура (сети, серверы, средства безопасности), гарантирующая масштабируемость и доступность ядра. Такая архитектура реализует принцип сквозной цифровизации: данные генерируются на «периферии» (датчики, приложения), стекаются в центр – цифровое ядро, там обрабатываются и превращаются в управленческие решения, которые затем передаются обратно на исполнительский уровень (в оборудование, к сотрудникам, к клиентским интерфейсам). Благодаря этому достигается непрерывное улучшение процессов и продуктов на основе данных.

Как результат подобного взаимодействия элементов цифровой среды организации, цифровое ядро становится «контейнером» для целого ряда сквозных цифровых технологий, каждая из которых привносит в архитектуру функционал и дает прирост эффективности. В табл. 3 обобщена роль основных технологий в цифровом ядре и их влияние на эффективность.

Как видно из табл. 3, преимущества от применения указанных технологий носят комплексный характер обогащения цифрового ядра – от внутриорганизационных улучшений до внешних экономических эффектов. Фактически цифровое ядро становится для предприятия «двигателем ценности», что отражено на рис. 2.

Таблица 3 – Роль ключевых цифровых технологий в цифровом ядре

Технология	Роль в цифровом ядре и влияние на эффективность
Big Data Analytics (аналитика больших данных)	Является «топливом» для цифрового ядра, позволяет хранить и обрабатывать огромные объемы разнородных данных (транзакции, логи, сенсорные потоки). Результат – улучшение качества и скорости бизнес-решений, возможность более точно прогнозировать спрос, выявлять узкие места и оптимизировать процессы.
Искусственный интеллект и ML (машинное обучение)	Встроенные в цифровое ядро алгоритмы ИИ/ML автоматизируют интеллектуальные задачи: прогнозируют ошибки оборудования, рекомендуют персонализированные предложения клиентам, оптимизируют производственные графики и т.д. ИИ усиливает возможности аналитического слоя, обеспечивая не только описательную, но и предиктивную и прескриптивную аналитику. В результате сокращается время реакции на события, снижаются ошибки человеческого фактора, повышается персонализация сервисов.
Интернет вещей (IoT)	IoT-устройства и датчики генерируют непрерывный поток данных об операциях и окружении, поступающий в цифровое ядро, что дает возможность в реальном времени отслеживать работу оборудования, состояние продуктов, движение товаров и т.д. Интеграция IoT с ядром обеспечивает следующие эффекты: предиктивное обслуживание, точное управление качеством, оптимизация логистики.
Облачные вычисления	Облако предоставляет цифровому ядру масштабируемые ресурсы по запросу – вычислительные мощности, хранилища данных, готовые платформенные сервисы. Кроме того, облачные технологии ускоряют развертывание новых приложений и модулей ядра – инфраструктура поставляется «как услуга». Экономический эффект – снижение капитальных затрат на ИТ, повышение гибкости (компания платит только за потребленные ресурсы) и скорость внедрения инноваций.

Источник: составлено авторами

Из рисунка 2 следует, что цифровое ядро позитивно влияет на четыре базовых блока:

финансовые показатели, клиентский сервис, бизнес-процессы и потенциал фирмы. Через улучшение этих направлений достигается рост общей конкурентоспособности: повышение эффективности и качества управления снижает издержки и улучшает финансовые результаты; улучшение клиентской работы ведет к росту лояльности и выручки; ускорение инноваций позволяет занимать новые ниши и рынки. Таким образом, цифровое ядро обеспечивает системное усиление конкурентных преимуществ предприятия на разных уровнях его деятельности.

Рисунок 2 – Мультипликативная модель цифрового ядра организации

Источник: [2]

Переход к цифровому ядру – сложный многоэтапный процесс, сопряженный с существенными вызовами. На начальных фазах внедрения часто наблюдается эффект «парадокса производительности»: инвестиции и затраты возрастают быстрыми темпами, а отдача проявляется не сразу, что временно ухудшает финансовые показатели [2, с. 279]. То есть, капиталоемкость внедрения, трудоемкость кастомизации, дефицит ИТ-кадров и сопротивление персонала временно снижают рентабельность активов и замедляют рост капитализации фирмы. Основные проблемы можно разделить на несколько взаимосвязанных групп:

1. Финансово-экономические барьеры. Высокие первоначальные инвестиционные затраты на приобретение и внедрение цифровых платформ могут оказаться неподъемными, особенно для средних предприятий. Возврат на инвестиции (ROI) растянут во времени, поэтому в краткосрочном периоде показатели прибыли и окупаемости могут ухудшиться. Кроме того, во многих экономиках (в т.ч. в российской) фиксируется недостаточный уровень инвестиций в цифровую инфраструктуру, что замедляет формирование спроса и ограничивает масштаб внедрения инноваций [13]. Организации зачастую не выделяют соответствующий размер вложений в развитие ИТ, опасаясь неопределенности результатов [14]. Все это может привести к тому, что проект развертывания цифрового ядра будет приостановлен до достижения целей цифровой трансформации.

2. Организационно-технические сложности. Внедрение цифрового ядра затрагивает все подразделения, поэтому сопротивление изменениям со стороны персонала – типичное явление. Сотрудники могут опасаться сокращений из-за автоматизации или просто не хотеть переучиваться, особенно если средний возраст коллектива высок. Одновременно остро стоит дефицит квалифицированных ИТ-кадров: специалистов по Big Data, ИИ. Часто внутренней экспертизы недостаточно, приходится привлекать внешних консультантов, что повышает затраты. Технические риски также велики: миграция на новую платформу характеризуется сбоями, потерей данных при

неправильном планировании. Интеграция устаревших систем может потребовать нестандартных решений или отказа от устаревших приложений, что вызывает дополнительные сложности. В переходный период возможны перебои в работе и снижение качества обслуживания клиентов из-за низкого качества работы новой системы или неосвоенности процессов персоналом.

3. Культурные и управленческие барьеры. Цифровое ядро требует смены корпоративной культуры на более гибкую, экспериментально-ориентированную, основанную на данных. Традиционный же менеджмент может быть не готов доверять решениям алгоритмов или делегировать ответственность ИИ-системам. Кроме того, цифровая трансформация часто сталкивается с отсутствием единого видения у топ-менеджмента. Если нет «спонсора» изменений на высшем уровне и команды единомышленников, проект может быть не реализован. Недостаточное лидерство и разобщенность подразделений – типичные причины провала цифровых трансформаций [14]. Требуется эффективное управление проектом внедрения, активное вовлечение всех функций, иначе инициатива нивелируется в межведомственных конфликтах.

4. Технологические риски и безопасность. Централизация данных и процессов в едином контуре формирует «единую точку отказа», при которой сбой приводит к остановке ключевых бизнес-операций. Управленческие решения обоснованно замедляются из-за опасений технологической зависимости и потери управляемости ИТ-инфраструктурой. Существенен риск некорректного выбора платформы: несоответствие функциональных и эксплуатационных характеристик ожиданиям либо прекращение поддержки переводят предприятие в технологический тупик [15]. Дополнительную неопределенность создает эволюция стандартов (приоритеты протоколов Интернета вещей, требования к этической и правовой регуляции искусственного интеллекта), что усложняет архитектурное и инвестиционное планирование.

Обобщая, без должной стратегии и подготовки цифровое ядро на первых порах может выступать скорее ингибитором роста, чем его драйвером – временно снижая показатели и вызывая внутренние напряжения. Однако эти трудности управляемы, если продумать пути их преодоления.

Для смягчения негативных эффектов и успешного развертывания цифрового ядра предложен ряд мероприятий:

1. Поэтапное (итеративное) внедрение. Рационально реализовывать цифровое ядро через пилотные проекты с последующим масштабированием и управляемостью технологических и организационных рисков, верификации эффектов на контрольных этапах, поэтапном высвобождении экономического результата. Стратегия фазового развертывания помогает нивелировать временной лаг монетизации и держать под контролем риски на каждом этапе.

2. Фокус на обучении и развитии персонала. Требуется целевая программа обучения (работа с системой, цели трансформации, снятие барьеров), формирование ядра внутренних экспертов и наставников, институционализация «культуры данных» (принятие решений на основе измерений и экспериментов), а также ревизия мотивации и регламентов под цифровые процессы с фиксацией ключевых показателей эффективности, обеспечивающих устойчивое переходное состояние и последующую эксплуатационную результативность. По мере развертывания цифрового ядра предприятие тем самым должно эволюционировать в данные-ориентацию, и это требует эволюции мышления каждого работника.

3. Формирование команды лидеров изменений. Целесообразно институционализировать межфункциональную коалицию носителей изменений с четко разграниченными полномочиями и зонами ответственности, обеспечив личное спонсорство первого лица и регулярные коммуникации «сверху-вниз» и «снизу-вверх»; такая конфигурация снижает сопротивление, выравнивает видение на уровне подразделений и жестко увязывает цели цифровой трансформации с целями корпоративной стратегии.

4. Гибкие технологии и подходы. Развертывание следует опирать на гибкие методологии управления разработкой и эксплуатацией, предпочтительно в модульной (в т. ч. микросервисной)

архитектуре с использованием облачной инфраструктуры и платформ с низким порогом программирования; с нулевого этапа требуется встраивание контура мониторинга показателей эффективности (окупаемость инвестиций, индекс готовности к изменениям, общая эффективность оборудования, срок вывода продукта на рынок) в единую панель управления, что обеспечивает адаптивность, управляемую интеграцию и планомерную модернизацию цифрового ядра.

5. Ориентация на бизнес-ценность. Проект цифрового ядра не должен восприниматься как сугубо ИТ-инициатива – это преобразование всего бизнеса, поэтому изначально нужно четко связать план действий с бизнес-целями: повысить долю рынка на X%, сократить себестоимость на Y%, улучшить NPS на Z пунктов и т.д. Все этапы внедрения и функционал ядра следует выстраивать с приоритетом достижения этих целей. Такой подход убережет от ситуации «технологии ради технологий». Если какой-то модуль не несет прямой ценности – его запуск можно отложить. Коммуникация успехов также играет важную роль: необходимо регулярно показывать всем участникам, каких результатов удалось достичь, что укрепит доверие к проекту и стимулирует дальнейшие изменения.

Применение перечисленных стратегических мер существенно нарастит возможность успешного развертывания цифрового ядра. Практика показывает, что предприятия, следовавшие таким рекомендациям, смогли преодолеть временные трудности и обеспечить устойчивый рост ценности от цифровых инвестиций [16]. По сути, задача менеджмента – перевести цифровое ядро из краткосрочного «ингибитора» в долгосрочный драйвер стоимости фирмы, и вышеперечисленные стратегии служат этому.

Подводя итог, цифровое ядро эволюционирует от роли интеграционной ИТ-платформы к интеллектуальному операционно-аналитическому центру и экосистемному узлу предприятия будущего. Его институциональная и экономическая значимость нарастает по мере усложнения технологических изменений и ускорения внешней динамики. Предприятия, инвестирующие в масштабирование цифрового ядра, формируют опережающие динамические способности – к быстрой реконфигурации бизнес-модели, оперативной адаптации к технологическим волнам (включая ИИ) и проактивному созданию новых рыночных ниш.

Следует подчеркнуть и то, что цифровое ядро является основой динамических способностей предприятия.

В условиях быстро меняющейся цифровой экономики устойчивое конкурентное преимущество предприятия все в большей степени определяется не столько обладанием уникальными ресурсами, сколько динамическими способностями – возможностью быстро интегрировать, перестраивать и реконфигурировать компетенции для адаптации к изменениям внешней среды [17]. Формирование и развитие таких способностей напрямую связано с наличием технологически продвинутого и гибкого цифрового ядра. Если традиционные информационные системы автоматизировали уже существующие процессы, то цифровое ядро позволяет перепроектировать саму бизнес-логику компании. Оно выступает платформой, которая обеспечивает три ключевых элемента динамических способностей: чувствительность (сенсинг) к изменениям рынка и технологий, захват (силлинг) новых возможностей и трансформацию (трансформинг) бизнес-модели и операционных процессов [18].

Практическая реализация этой взаимосвязи проявляется в следующем.

Чувствительность обеспечивается за счет аналитического контура цифрового ядра, который в режиме, близком к реальному времени, обрабатывает внешние данные (тренды рынка, поведение клиентов, действия конкурентов) и внутренние метрики. Интеграция технологий больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта (AI) позволяет не просто отслеживать изменения, но и прогнозировать тренды, выявляя потенциальные угрозы и возможности еще до их полного проявления. Например, системы предиктивной аналитики на основе машинного обучения могут предсказать изменение спроса на продукцию, что дает предприятию стратегическое окно для корректировки производственных планов и цепочек поставок [19].

Захват возможностей становится возможным благодаря гибкости и модульности архитектуры

цифрового ядра. Использование микросервисной архитектуры и API-ориентированного подхода позволяет быстро разрабатывать и запускать новые цифровые сервисы или продукты, тестируя их на ограниченных сегментах рынка с минимальными затратами. Это снижает риски инновационной деятельности и ускоряет цикл «идея – реализация – монетизация». Как показывают исследования, компании, обладающие зрелым цифровым ядром, в среднем на 30-40% быстрее выводят новые продукты на рынок по сравнению с традиционными предприятиями [20].

Наконец, трансформация бизнес-модели осуществляется через глубинную интеграцию цифрового ядра со всеми элементами организации. Цифровое ядро позволяет перейти от продажи изолированных продуктов к предложению комплексных сервисно-ориентированных решений (например, «продукт как услуга» – Product-as-a-Service). В промышленности это проявляется в переходе от продажи оборудования к предложению подписочных моделей, включающих мониторинг, прогнозное обслуживание и постоянные обновления программного обеспечения (ПО). Такой подход не только создает новые стабильные потоки доходов, но и укрепляет лояльность клиентов, формируя долгосрочные партнерские отношения [21].

Ключевым условием успешного функционирования цифрового ядра является трансформация не только технологических, но и организационных процессов, в частности, системы управления знаниями. Цифровое ядро выступает центральным узлом, аккумулирующим как формализованные, так и неформализованные знания сотрудников, поставщиков и клиентов. Внедрение практик управления знаниями в архитектуру ядра – создание баз знаний, систем коллективной работы, экспертных платформ – позволяет предотвратить потери критически важной информации при ротации кадров и многократно повысить эффективность принятия решений [22].

Представим обобщающую таблицу, которая структурирует вышеизложенные ключевые идеи в отношении цифрового ядра как основы динамических способностей предприятия (таблица 4).

Таблица 4 – Цифровое ядро как основа динамических способностей предприятия

Аспект анализа	Сущность и роль цифрового ядра	Практический механизм реализации	Связь с динамическими способностями
Стратегическая роль	Платформа для реконфигурации бизнес-логики и развития динамических способностей — способности компании адаптироваться к изменениям рынка	Переход от автоматизации процессов к их глубокому перепроектированию (реинжинирингу) на основе данных	Является технологическим фундаментом для формирования и развития динамических способностей
Чувствительность (Сенсинг)	Обеспечивает способность ощущать и прогнозировать изменения во внешней и внутренней среде	Аналитический контур ядра в режиме, близком к реальному времени, обрабатывает данные с использованием Big Data и AI для предиктивной аналитики (например, прогноза спроса)	Позволяет заблаговременно выявлять новые возможности и потенциальные угрозы
Захват возможностей (Силингинг)	Обеспечивает быстрое воплощение выявленных возможностей в новые продукты и сервисы	Гибкая, микросервисная архитектура и API позволяют быстро разрабатывать и тестировать гипотезы,	Позволяет оперативно захватывать рыночные возможности с минимальными затратами

Аспект анализа	Сущность и роль цифрового ядра	Практический механизм реализации	Связь с динамическими способностями
		сокращая цикл вывода продукта на рынок на 30-40%	
Трансформация (Трансформинг)	Позволяет проводить глубокую трансформацию бизнес-модели и операционных процессов	Глубокая интеграция ядра позволяет переход к сервисным моделям (например, «продукт как услуга»), создавая новые потоки доходов и укрепляя лояльность клиентов	Обеспечивает фундаментальное изменение бизнес-модели для устойчивого конкурентного преимущества
Управление знаниями	Выступает центральным узлом для аккумуляции и систематизации формализованных и неформализованных знаний	Внедрение в архитектуру ядра баз знаний, систем коллективной работы и экспертных платформ для предотвращения потери информации и повышения эффективности решений	Повышает организационную обучаемость и сохраняет критически важные компетенции
Организационное развитие	Требует трансформации организационной структуры и культуры для раскрытия своего потенциала	Создание сквозных кросс-функциональных команд (ИТ, производство, маркетинг) для преодоления «цифрового разрыва» и продвижения данных-ориентированной культуры	Формирует организационную гибкость и снижает сопротивление изменениям, усиливая динамические способности

Источник: составлено авторами на основе [3, 9, 14, 16, 17, 19].

Вместе с тем, организационный процесс управления знаниями сопряжен с серьезными вызовами. Помимо уже упомянутых культурных барьеров, существует проблема «цифрового разрыва» внутри организации, когда различные подразделения обладают разным уровнем цифровой зрелости и готовности к сотрудничеству. Для его преодоления необходима целенаправленная политика по созданию сквозных кросс-функциональных команд, которые объединяют специалистов из ИТ, производства, маркетинга, экономики и финансов для работы над общими цифровыми проектами. Опыт компаний-лидеров цифровой трансформации показывает, что именно такие команды становятся основными драйверами организационных изменений и носителями новой, данных-ориентированной культуры [23].

Таким образом, цифровое ядро является не статичным ИТ-активом, а живым организмом, который требует постоянного развития и адаптации. Его эволюция напрямую влияет на динамические способности предприятия, определяя его долгосрочную конкурентоспособность в цифровую эпоху [24-26]. Инвестиции в цифровое ядро – это, по сути, инвестиции в способность компании к постоянному обновлению и опережающему реагированию на вызовы глобального рынка.

Заключение

Цифровое ядро предприятия представляет собой единую корпоративную цифровую

платформу, интегрирующую основные бизнес-функции, данные и аналитику в реальном времени. Его внедрение позволяет перейти к проактивному, данные-ориентированному управлению, обеспечивает операционное совершенствование, улучшает клиентский опыт и ускоряет инновации. Таким образом, цифровое ядро выступает двуединым феноменом: с одной стороны, это сложная технологическая система (многоуровневая архитектура из ИИ, ERP, BI, IoT и др. компонентов), а с другой – стратегический драйвер ценности, способный придать бизнес-модели принципиально новое качество.

Цифровое ядро является основой динамических способностей предприятия, определяя его долгосрочную конкурентоспособность в цифровую эпоху. Инвестируя в цифровое ядро, предприятие развивает способность к постоянному обновлению и опережающему реагированию на вызовы глобального рынка.

На основании проведенного исследования можно дать следующие рекомендации для предприятий, стремящихся внедрить цифровое ядро и перейти к смарт-модели функционирования: осуществлять поэтапное развертывание через пилотные проекты с последующим масштабированием при управлении технологическими и организационными рисками; развернуть целевую программу обучения и сформировать внутреннее экспертное ядро, институционализируя культуру данных; сформировать межфункциональную команду лидеров изменений; применять модульную гибкую архитектуру на облачной инфраструктуре со встроенным мониторингом показателей эффективности; увязывать функционал ядра с измеримыми бизнес-целями, откладывая невостребованные модули и регулярно транслируя достигнутые результаты участникам цифровых изменений.

В перспективе значимость цифрового ядра будет нарастать. Предприятия, сформировавшие прочное, масштабируемое и интеллектуально насыщенное ядро, приобретут опережающие динамические способности – к быстрой реконфигурации бизнес-модели, адаптации к изменениям и освоению новых рынков – и, как следствие, займут лидерские позиции в отраслях. Тем самым окно стратегических возможностей открыто для тех, кто запускает ускоренную трансформацию.

Перспективы работы сводятся к разработке количественных моделей оценки вклада цифрового ядра в стоимость бизнеса, а также изучении лучших практик его реализации в отдельных отраслях.

Научный интерес представляет разработка методики идентификации причинного эффекта цифрового ядра на экономические показатели предприятия с учетом уровня цифровой зрелости, архитектурных решений и институциональных ограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордеев, В.А. Теоретическая экономика: в поисках новых идей для развития концепции / В.А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2025. – № 5(125). – С. 4-11.
2. Кирильчук, С.П. Цифровое ядро как фронтир капитализации фирмы / С.П. Кирильчук, Э.Р. Аблитаров // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 4(69). – С. 276-280.
3. Гилева, Т. А. Генезис и ключевые элементы механизма цифровой трансформации промышленных предприятий / Т. А. Гилева, Р. Р. Хуссамов // Экономика и управление. – 2023. – Т. 29, № 9. – С. 1004-1018. – DOI 10.35854/1998-1627-2023-9-1004-1018.
4. Ноговицын, М. А. Отраслевой аспект формирования модели цифровой трансформации экономической системы в условиях глобальных вызовов (на примере отрасли черной металлургии) / М. А. Ноговицын // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 12. – С. 242-248.
5. Огороков, А. Data driven на практике: с чего начать, как избежать ошибок и эффективно применять [Электронный ресурс] // Habr. – 2024. – URL: https://habr.com/ru/companies/beeline_cloud/articles/867292/ (дата обращения: 08.09.2025).
6. Тесленко, И. «Цифровое ядро» – главный секрет успешных финансовых структур // Деловой журнал «Инвест-Форсайт». – 2016. – URL: <https://www.if24.ru/tsifrovoye-yadro/> (дата обращения: 08.09.2025).
7. Accenture. What is Digital Core & Why is It Important? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/digital-core> (дата обращения: 08.09.2025).
8. Gillis, A. S. SAP S/4HANA – What is it? / A.S. Gillis, J. O'Donnell // TechTarget SearchSAP [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://www.techtarget.com/searchsap/definition/SAP-S-4HANA> (дата обращения: 08.09.2025).
9. Uncovering the connection between digital maturity and financial performance [Электронный ресурс] // Deloitte Insights. – 2020. – Режим доступа: URL: <https://www.deloitte.com/us/en/insights/topics/digital-transformation/digital-transformation-survey.html> (дата обращения: 08.09.2025).
10. Sheldon, R. Digital core [Электронный ресурс] / R. Sheldon, J. O'Donnell // TechTarget SearchERP. – 2024. – Режим доступа: URL: <https://www.techtarget.com/searcherp/definition/digital-core> (дата обращения: 09.09.2025).
11. Gurumurthy, R. Uncovering the connection between digital maturity and financial performance [Электронный ресурс] / R. Gurumurthy, D. Schatsky // Deloitte Insights. – 2020. – 28 p. – URL: https://www.deloitte.com/content/dam/insights/articles/2024/6561_digital-transformation/di-digital-transformation.pdf (дата обращения: 09.09.2025).
12. Корпоративные информационные системы (ERP): учебное пособие. – Томск: ТУСУР, 2019. – 145 с.
13. Loggle. How to Avoid Digital Transformation Failure? [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://loggle.io/blog/how-to-avoid-digital-transformation-failure> (дата обращения: 09.09.2025).
14. Кирильчук, С. П. Использование компаниями цифровых технологий / С. П. Кирильчук // Формирование финансово-экономических механизмов хозяйствования в условиях информационной экономики : Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Симферополь, 15–17 мая 2019 года / Научный редактор С.П. Кирильчук. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 87-89.
15. Аблитаров, Э. Р. Архитектура выбора смарт-решений на предприятии / Э. Р. Аблитаров // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования : сборник научных трудов X Юбилейной Международной научно-практической конференции, Симферополь, 15 мая 2025 года. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2025. – С. 26-31.
16. Accenture. Reinventing High Tech with a Digital Core [Электронный ресурс]. – Accenture blog, 2025. – Режим доступа: URL: <https://www.accenture.com/us-en/blogs/high-tech/reinventing-high-tech->

digital-core (дата обращения: 09.09.2025).

17. Teece, D. J. Dynamic Capabilities and Strategic Management / D. J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // *Strategic Management Journal*, 1997. – Vol. 18:7, 509-533.

18. Warner, K. S. R. Building dynamic capabilities for digital transformation: An ongoing process of strategic renewal / K. S. R. Warner, M. Wäger // *Long Range Planning*. – 2019. – Vol. 52, Issue 3. – P. 326-349. – DOI 10.1016/j.lrp.2018.12.001.

19. Наливайченко, Е. В. Сетецентрическая модель управления организацией промышленности в Индустрии 6.0 / Е. В. Наливайченко, С. П. Кирильчук // *Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 6.0 (ИНПРОМ-2025) : Сборник трудов Международной научно-практической конференции. В 2 т., Санкт-Петербург, 27–30 апреля 2025 года.* – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. – С. 164-168. – DOI 10.18720/IEP/2025.1/39. – EDN CNQKRW.

20. Challenges of strategic planning at a modern enterprises / E. V. Nalivaychenko, S. P. Kirilchuk, T. N. Skorobogatova [et al.] // *AD ALTA*. – 2020. – Vol. 10, No. 1 S11. – P. 43-46. – EDN HARZIB.

21. Economic Assessment of Regional Investment Activities / S. P. Kirilchuk, E. V. Nalivaichenko, A. O. Kaminskaya, M. Yu. Dementiev // *Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East (AFE-2022) : Agricultural Cyber-Physical Systems, Ussuriysk, 29 июля 2022 года.* Vol. 706-2. – Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2023. – P. 706-715. – DOI 10.1007/978-3-031-36960-5_80. – EDN XDVAYS.

22. Dalkir, K. *Knowledge Management in Theory and Practice* / K. Dalkir. – 3rd ed. – The MIT Press, 2017. – 456 p.

23. Бабкин, А. В. Цифровая экономика и индустрия 5.0 / А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. – 320 с. – ISBN 978-5-7422-8946-3. – EDN ООУСТР.

24. Гордеев, В. А. О траектории социально-экономического развития российской Федерации с позиции теоретической экономики / В. А. Гордеев, С. В. Шкиотов // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление.* – 2022. – № 4(60). – С. 28-33. – DOI 10.26456/2219-1453/2022.4.028-033. – EDN RCXBVA.

25. Гордеев, В. А. Теоретическая экономика: исследуем современные социально-экономические трансформации / В. А. Гордеев // *Теоретическая экономика.* – 2022. – № 5(89). – С. 4-13. – EDN SUYFYE.

26. Майорова, М. А. Обеспечение российской экономики квалифицированными кадрами как фактор ее модернизации и дальнейшего развития / М. А. Майорова, С. Н. Майорова // *Экономика и предпринимательство.* – 2024. – № 7(168). – С. 128-131. – DOI 10.34925/EIP.2024.168.7.020. – EDN НРТJGY.

The digital core of the smart-oriented enterprise business model

Ablitarov Ernest Refatovich

Master's student,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

E-mail: 2ablitaroff@mail.ru

Kirilchuk Svetlana Petrovna

Doctor of Economic Sciences, Professor,

Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

E-mail: skir12@yandex.ru

KEYWORDS.

digital core, business model, smart enterprise, digital transformation, digital technologies, competitive advantage, change management, operational efficiency

ABSTRACT.

The relevance of the research is due to the need to develop new scientific approaches to defining the essence and structure of the digital core of the business model of a modern smart-oriented enterprise, highlighting its key components and functions. The purpose of the study is to reveal the definition of the digital core of a smart-oriented enterprise, its economic essence and structure. To achieve this goal, a number of relevant tasks have been set: to define the concept of «digital core»; to identify the role of the digital core in the structure of the business model of a smart enterprise; to identify the key components of the digital core and substantiate their functional significance; to explore the place of advanced digital technologies in the architecture of the digital core; to analyze the integration of the digital core with the business processes of the enterprise; to identify the main problems of digital transformation in the formation of a digital core, as well as to propose strategies to overcome the identified implementation problems. The research is based on systematic and structural approaches, methods of analysis and synthesis, and the use of general scientific methods of comparison and generalization. The article reveals the essence and structure of the digital core of the smart-oriented enterprise business model as an integrated platform combining cloud resources, data, analytical circuits and information security tools. Scientific approaches to its definition are considered, key components and functions are highlighted, and their role in improving the efficiency of functional areas of the enterprise is shown. It is determined that in order to deploy the digital core, it is necessary to institutionalize change management and competence development by approving budgeting regulations and criteria for selecting technological solutions. The study identified key barriers to digital transformation (financial, economic, organizational, technical, cultural, and technological) and proposed strategic measures to overcome them, including phased implementation, a focus on staff development, and the formation of a team of change leaders.

Старт к индустрии будущего: ЯГТУ запускает акселератор ПолиТех. Индустрия 5.0

В августе Ярославский государственный технический университет открывает новый цикл акселерационной программы «ПолиТех.Индустрия 5.0» — флагманского проекта вуза по развитию технологического предпринимательства. Программа реализуется при поддержке гранта Платформы университетского технологического предпринимательства (ПУТП) и направлена на создание стартапов, способных решать задачи современной промышленности и индустрии будущего.

«ПолиТех.Индустрия 5.0» — это практикоориентированная акселерационная программа, соединяющая инженерные разработки, современную цифровую индустрию и предпринимательские компетенции. Участников ждут треки по направлениям:

- Индустрия 5.0 и цифровизация производства
- Искусственный интеллект и интеллектуальные системы
- Новые материалы, полимеры, химические технологии
- Машиностроение, транспорт, строительство и энергоэффективность

Программа сочетает проектную работу, работу с трекерами, образовательный модуль по предпринимательству, встречи с индустриальными экспертами и подготовку команд к дальнейшим конкурсам и грантам.

Старт программы запланирован на август, и уже сейчас формируется набор команд, готовых предложить свои инженерные или научные разработки, идеи для технологических стартапов или интерес к предпринимательству в сфере высоких технологий.

К участию **приглашаются:**

- студенты всех курсов и направлений,
- магистранты и аспиранты,
- молодые исследователи,
- команды и отдельные участники, желающие собрать команду в ходе акселератора.

Даже если у вас нет полностью сформированной идеи — программа поможет её найти, проверить гипотезу и превратить в реальный проект.

Что **даст** участие студентам:

- Акселератор предлагает уникальные возможности:
- доступ к трекерам и наставникам из индустрии;
- обучение предпринимательству, технологиям и управлению проектами;
- возможность работать над реальными задачами предприятий;
- подготовку к конкурсам ПУТП, грантам, трекам «Студенческого стартапа» и другим федеральным программам;
- шанс вывести разработку в пилот или собрать команду для своего технологического бизнеса.

Благодаря поддержке гранта ПУТП, университет усиливает собственную предпринимательскую экосистему: открываются площадки для работы команд, формируется сеть менторов, развиваются партнёрства с ведущими компаниями.

Акселератор становится точкой входа в технологическое предпринимательство для студентов

— возможностью попробовать себя, получить опыт, сделать первые шаги в создании собственного стартапа.

